

12
1969

УРАЛЬСКИЙ
Следопыт

Литературно-художественный,
научно-популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества.
Орган Союза писателей РСФСР,
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

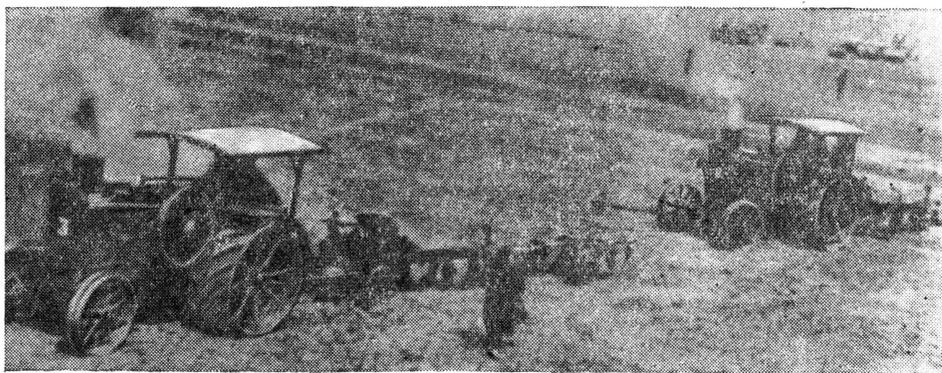
Год издания двенадцатый

12

1969

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

Первая борозда.

В начале июля 1922 года группа американских механизаторов вместе с агрономом-коммунистом Гарольдом Вэром доставила на станцию Верещагино двадцать один трактор. Двенадцатого июля они провели первую борозду за околицей села Тойкино. Это была первая в Прикамье тракторная вспашка.

22 октября 1922 года В. И. Ленин в своем письме в президиум ВЦИК писал: «Специальной проверкой установлена отличная работа тракторного отряда во главе с Гарольдом

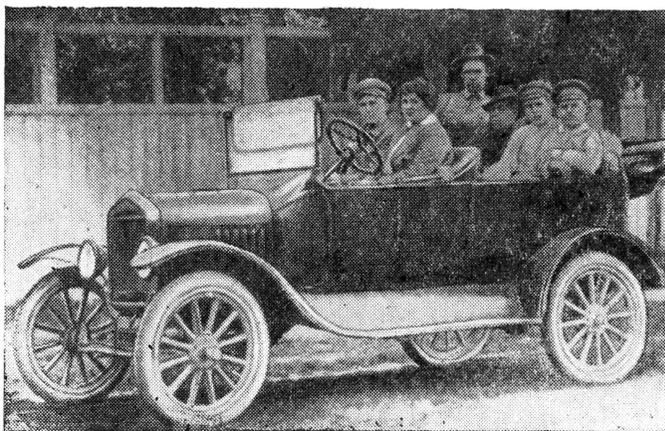
Вэром в Пермской губернии в совхозе «Тойкино»... В целях поощрения этого дела я написал по благодарственному письму американскому Обществу друзей Советской России и американскому Обществу технической помощи Советской России, в которых отметил, что ни один вид помощи не является для нас столь своевременным и важным, как оказываемая ими нашему сельскому хозяйству»¹.

¹ В. И. Ленин, т. 45, стр. 233.

Следопыты Зюкайской средней школы Верещагинского района Пермской области решили восстановить историю этого события. Они прошли по маршруту: поселок Зюкайка — Верещагино — Очер — село Большая Сосновка — село Тойкино. Ребята встречались с людьми, которым довелось работать вместе с американскими механизаторами. Записали воспоминания, разыскали много интересных фотографий 1922 года, познакомились с жизнью сегодняшнего села Тойкино, где сейчас расположена центральная усадьба совхоза «Ленинский».

Ветеран труда Петр Алексеевич Пустовалов рассказал: — Прибытие американских тракторов на уральскую землю вызвало в ту пору неслыханный интерес. Посмотреть на диковинные машины в поле приходили люди за десятки километров, приезжали из Перми, из Удмуртии. А за автомобилем, в котором ездили Гарольд Вэр и его жена, толпой бегали ребяташки.

Собранные материалы следопыты выставили в школьном музее.

Гарольд Вэр (в центре, привстал) среди руководящих работников Оханского уезда. За рулем его жена Христа Вэр.

ДЕЛЕГАТЫ К ИЛЬИЧУ

Василию Павловичу Красноперову исполнилось семьдесят четыре года. Память, конечно, уже притупилась. Но то, чем была знаменательна в его жизни весна 1919-го, забыть невозможно: это поездка к Ленину.

— Послали нас девять человек. Андрей Ардашев старшим был. Перед этим в январе, на съезде Советов Сарапульского уезда, решили делегаты хлеб собрать для помощи голодающим рабочим Москвы и Петрограда. Обошли все волости, все деревни. С каждого двора уносили долю. Мешок к мешку, пуд к пуду. Набрали восемьдесят тысяч пудов, нагрузили их в два эшелона.

Я тогда в пятнадцати километрах от села Каракулино жил, в деревне Суханово. Членом волостного земельного отдела состоял. Меня и выбрали делегатом к Ильичу.

Мы, конечно, заранее знали, что труден будет путь до Москвы. Все может случиться. Знали и то, что быстро не доберемся. Сейчас до Москвы поезд сутки идет, а мы тогда девятнадцать дён ехали. Дороги забиты. Топлива нет. На каждом шагу — военные эшелоны.

Прибыли в Москву, сорок тысяч пудов сразу в Петроград отправили, сдали в столице остальные и в Кремль пошли.

Владимир Ильич принял нас в тот же день. Пригласили нас в скромную комнату. Стоим, волнуемся. А Ильич вошел, как со старыми знакомыми поздоровался. Усадил всех, потом обвел внимательным взглядом и спросил:

— Говорят, с хлебом вы приехали!

— Да, товарищ Ленин.

— Есть, значит, хлеб в деревне!

— Выходит, есть.

— Ну, а как собирали его? Не насильно! Не обидели бедняков?

Мы уже не чувствовали ни смущения, ни усталости. Разговаривать было легко, и спрашивал Владимир Ильич о самых главных крестьянских нуждах: о жизни, об урожаях в Прикамье.

— Слышал я, что хлеб не везде хорошо хранится...

— Это правда, товарищ Ленин. Вот ехали мы сюда, видели: растаскивают кое-где хлеб.

Ленин озабоченно посмотрел на нас и сказал:

— Послали мы специальных представителей на места. Строго спрашивать будем с виновных...

Потом еще раз поблагодарил нас, пожал всем руки:

— Если провинция так отзывчива и чутка к нуждам рабочего класса Москвы и Петрограда, то наша революция не погибнет, а восторжествует. Передайте крестьянам Сарапульского уезда горячий привет и благодарность советского правительства.

Владимир Ильич присел на минутку, что-то написал на бумаге и передал ее Андрею Ардашеву.

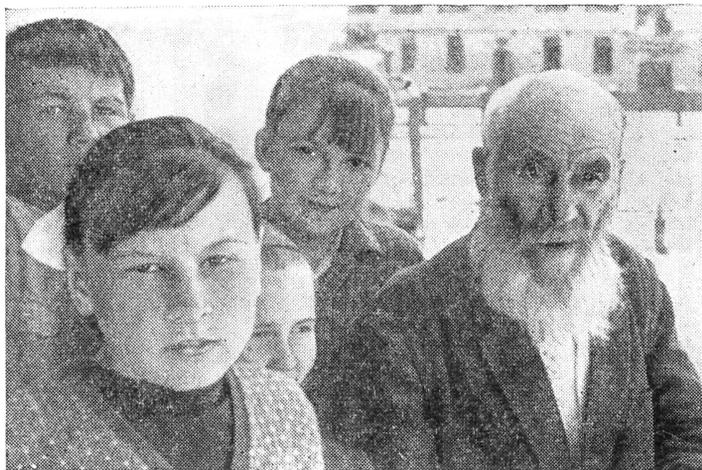
— Это в Моссовет.

«Податели — товарищи из Сарапульского уезда Вятской губернии — привезли нам и Питеру по 40000 пудов хлеба. Это такой замечательный подвиг, который вполне заслуживает совсем особого приветствия»¹.

Висит в Ижевске в краеведческом музее картина «Ленин принимает сарапульских крестьян». Василию Павловичу она особенно дорога, потому что художник запечатлел в ней самую волнующую минуту в его жизни.

¹ Ленинский сборник, XXIV, 1933 год, стр. 119.

А. АРТАМОНОВ

Василий Павлович Красноперов среди ребят.

ПОБЕГ

Владимир САНОВ

Рисунки Ю. Ефимова

Рассказы о побегах революционеров из тюрем и ссылки — это прежде всего рассказы о людях, воспитанных беспримерной борьбой российского пролетариата. Были удачные побеги, дерзостью и массовостью поражавшие современников, были досадные просчеты и неудачи. Но за всем этим стояло братство людей, их трогательная, терпеливая, нередко связанная со смертельной опасностью забота друг о друге.

Случай, о котором рассказывает В. Санов, представляет особенный интерес, поскольку речь здесь идет о человеке, впоследствии сыгравшем выдающуюся роль в Октябрьском вооруженном восстании, о человеке, который арестовывал Временное правительство, — о Владимире Александровиче Антонове-Овсеенко.

В апреле 1906 года из Сучевского полицейского дома в Москве бежало несколько узников. Один из них — Никита — вскоре уехал на юг, в Севастополь. В то время Крымский комитет РСДРП приступил к выпуску нелегальной газеты «Солдат».

Бежавший из Москвы товарищ Никита, опытный газетчик, — он был первым редактором знаменитой большевистской «Казармы» — сразу же стал во главе издания. Охранке удалось заслать в ряды подпольщиков провокатора, и после четвертого номера типография, где печатался «Солдат», была разгромлена.

Никита уцелел, и охранке еще предстояло узнать, с каким изобретательным и мужественным человеком ей суждено вести войну.

Товарищ прокурора Симферопольского окружного суда — прокурору Одесской судебной палаты

4 «Доношу вашему превосходительству, что на предварительном следствии по делу о нападении на типографию Спиро выяснилось следующее: типография Спиро, издателя газеты «Крымский вестник», помещается вместе с конторой и редакцией этой газеты в нижнем этаже собственного дома Спиро, расположенного на одной из главных улиц г. Севастополя — Екатерининской, на

расстоянии одного квартала от полицейского управления и канцелярии градоначальника; 23 мая, около шести часов вечера, в квартиру Спиро, занимающего второй этаж дома, вошли три человека, по виду рабочие; один из них, держа в руке револьвер, предложил Спиро перейти с балкона в кабинет, где, заперев двери, объявил ему, что они явились от имени комитета отпечатать свою газету в его типографии и что всякое с его стороны сопротивление бесполезно. После этого неизвестный остался караулить Спиро, а двое других отвели арестованную ими женскую прислугу вниз, где в то же время тридцать человек, вооруженных и частью загримированных, а частью с лицами, запачканными сажей, войдя со двора и в парадные двери, заняли все помещения конторы, редакции и типографии, арестовали служащих и рабочих и объявили, что они будут печатать газету «Солдат» в количестве 5000 экземпляров. Затем угрозами заставили метранпажа Старосельского и рабочих, которых было 17 человек, приступить к набору розданных ими рукописных листов, причем воспользовались двумя стопами бумаги, найденными ими в типографии.

Печатание производилось на двух скоропечатных машинах, и к 11 часам вечера было готово 3000 экземпляров, которые и унесены в разное время. Очевидно, роли напавших были распределены точно, так как приказания, исходившие от некоторых из них, исполнялись быстро; в 12-м часу напавшие удалились, предупредив всех, ими арестованных, чтобы те не выходили ранее, как через четверть часа после их ухода, под угрозой быть убитыми их часовыми, и передав Спиро расписку за печатью военного комитета крымского союза российской социал-демократической партии в том, что в его типографии по постановлению этого комитета отпечатан № 5 газеты «Солдат».

Спиро, после безуспешной попытки связаться по телефону с полицеймейстером, отвез расписку начальнику комендантского отделения штаба крепости капитану Оллонгрену и рассказал ему о нападении. Только около 8 часов утра в типографию прибыл жандармский ротмистр, который нашел как «Солдата», так и предназначенные для него, но не вошедшие в него статьи неразобранными. Никто из служащих и наборщиков не мог дать каких-либо указаний, способствующих обнаружению виновных, хотя, по мнению Спиро, некоторые из них знали о нападении заранее.

26 мая Спиро было получено от того же комитета письмо с угрозами по отношению к нему и его служащим, если они будут делать какие-нибудь разоблачения на следствии. Содержание отпечатанного у Спиро номера «Солдата» состоит из передовой статьи, стремящейся подорвать в населении доверие к Думе, изменившей народным интересам; из хроники — сведения о

ходе пропаганды в войсках по России и нескольких писем о событиях в местных войсках по борьбе с пропагандой.

Копия сего представляется в министерство юстиции».

Через неделю — новое донесение:

«1 июня 1906 года в типографию Шнейдера, помещающуюся в доме Сочинской по Пушкинской улице (в Симферополе.— В. С.) около 10 часов утра вошло несколько молодых людей, вооруженных револьверами системы браунинг. Заняв все выходы и помещения типографии, они объявили, что по распоряжению севастопольского военного комитета типография должна отпечатать номер шесть газеты «Солдат»; затем рабочим было предложено приступить к набору материала, принесенного неизвестными. Это было исполнено беспрекословно, и к часу дня был окончен набор, а к четырем — печатание газеты. По мере печатания готовые экземпляры уносились из типографии. Всего было отпечатано до 3000 экземпляров.

Из протокола осмотра шестого номера газеты «Солдат» видно, что в нем помещены статьи, призывавшие к ниспровержению существующего в государстве общественного строя.

На предварительном следствии были допрошены все лица, бывшие в типографии во время печатания газеты, но никто из них не дал каких-либо точных примет для опознания участников нападения».

Товарищ прокурора почему-то не нашел нужным упомянуть одну довольно любопытную деталь. В конце номера было крупно набрано объявление: **«Ищем типографию для напечатания седьмого номера».**

Вскоре полиция нагрязнула на конспиративную квартиру, где проходила встреча членов Крымского комитета с представителями частей, рас-

квартированных в городе. Обсуждали вопрос о восстании. При аресте Никита оказал вооруженное сопротивление.

Почти год тянулось предварительное следствие, так и не давшее никаких результатов. Военный суд приговорил московского товарища к смертной казни. При утверждении приговора казнь была заменена двадцатью годами каторги.

1 мая 1907 года, сразу после праздничной сходки на Воробьевых горах, молодому члену военной организации социал-демократов К. Цитовичу был вручен мандат Московского комитета и явка в Севастополь.

Ему сказали:

— Вам надлежит выехать немедленно. В севастопольской тюрьме сидит наш товарищ. На допросе он назвал себя Антоном Сергеевичем Кабановым. Его партийный псевдоним Никита. Вы должны освободить его во что бы то ни стало.

Севастополь — военно-морской порт. К каждому вновь прибывшему жандармы проявляли повышенный интерес.

Через несколько дней на четвертой странице газеты Спиро «Крымский вестник» среди множества объявлений — «сдается», «куплю», «нужна няня» и т. п. — появилось такое: «Московский репетитор предлагает свои услуги...» Рядом шли подобные же предложения какого-то местного студента и пожилой учительницы. Последняя сделала приписку: «Плата умеренная».

В том, что полковник В. В. Иванов, командовавший артиллерийским дивизионом, отдал предпочтение гастролеру, несомненно, сказалось чувство благоговения провинциала перед столицей.

Цитович тоже был доволен: спина полковника надежно прикрывала его от докучливых шпиков.

О прибытии москвича со специальным зада-

нием в целях конспирации не было сообщено никому, кроме секретаря военной организации Максимович (партийный псевдоним «Нина Николаевна»).

Нина Николаевна ввела Цитовича в курс дела, рассказала о том, что было уже несколько попыток освободить Никиту, но неудачи следовали одна за другой; познакомила с заведующим пивным складом Сидором Карповичем, на квартире которого была явка для встреч с тюремным надзирателем, используемым в качестве «голубя» (он передавал письма).

Между тюрьмой и волей завязалась переписка. Никита сообщил, что план побега им уже разработан, нужны только надежные ребята, толковые и расторопные.

План был прост: Во время прогулки дежурящему во дворе надзирателю сыпанут в глаза махорки. Разумеется, заранее он получит приличную мзду, разыграет роль растерявшегося стража, не сообразившего вовремя произвести выстрел. В это же время с воли через высокую тюремную стену, выходящую в глухой переулок, должны перекинуть лестницу.

25 мая к трем часам дня — время прогулок — все было готово. Двое товарищей, посланных военной организацией, заняли места вблизи тюремной ограды. У одного под полой пиджака была припрятана веревочная лестница. Они ждали сигнала от Цитовича, дежурившего в конце переулка, у бульварчика, а он, в свою очередь, ждал сигнала из окна тюремного корпуса. Сигнал должны были дать в тот момент, когда беглец приблизится к стене.

Ответственность за маскировку и извозчика возложили на Нину Николаевну. Недалеко от тюрьмы жил видный черносотенец Зорькин; Максимович занималась с его сыном. Квартира Зорькина, разумеется, была вне подозрений. Здесь Никита должен был переодеться, загримироваться и проходным двором выйти на параллельную улицу, где его поджидал заранее нанятый извозчик.

Но этому смелому и простому плану не суждено было осуществиться. Надзиратель, согласившийся было помочь в побеге, видимо, струхнул и не вышел на дежурство. Его подменил другой надзиратель.

Из окна Цитовичу подали знак: побег отменяется. Он, в свою очередь, просигналил товарищам, но те не поняли его и спешно рванулись к стене, перекинули лестницу.

За четыре года до Никиты другой политический арестант, Александр Гриневский (будущий писатель Александр Грин) попытался бежать таким же способом, более того — почти в этом же самом месте. Друзья перекинули ему из переулка веревку, и он стал взбираться, но тут услышал команду: «Стреляй!» Грина спасла мгновенная реакция: он отпустил веревку и свалился вниз.

Знал ли Никита об этой неудачной попытке? Вероятно. Несколько саженой отделило его от свободы, но бессмысленно рисковать не стоило. К счастью, тюремная охрана не заметила лестницы, а через минуту, поняв свою оплошность, бойвики убрали ее.

6 Вновь началась деятельная переписка тюрьмы с волей. Были тщательно проанализированы причины неудачных попыток к побегу. Вот главная из них: организаторы побегов делали слишком большую ставку на подкуп надзирателей и

всякий раз именно из-за надзирателей побег срывался. Надзирателям было нетрудно и выгодно — хорошо платили — пронести в тюрьму письма, пилки и даже оружие, но за содействие побегу их ждал суд и, быть может, каторга. Привычка к легкому, надежному заработку не располагала к риску.

А что, если обойтись без их помощи?

И тогда в тюрьме родился новый план: решено было связаться со всеми революционными организациями, действовавшими в Севастополе, и попросить у них денег на организацию побега, выделить в помощь людей. Побег предполагался массовый, бежать должны были представители многих партий. В первую очередь те, кто ожидал смертной казни или уже получил большой срок.

Цитович потом рассказывал:

«Никита, с которым я только и сносился и за которым оставалось фактическое руководство, в качестве неременного условия для успеха требовал от меня первым делом обеспечить тюрьму по крайней мере тремя револьверами, необходимыми для самозащиты при побеге. Два револьвера мне удалось передать сравнительно легко, подкупив надзирателей, доставить же третий никто больше не брался. Тем не менее Никита настаивал на передаче во что бы то ни стало еще одного браунинга. Пришлось прибегнуть к крайне рискованному способу, подвергая и Никиту, и себя величайшей опасности — самому идти в тюрьму с револьвером.

Запасшись визитной карточкой задиравшего Никиту присяжного поверенного, я, в качестве его помощника, одевшись франтом, явился в контору тюрьмы и потребовал вызвать заключенного Кабанова для получения от него дополнительных сведений. Моя внешность, вероятно, импонировала помощнику начальника тюрьмы... и, по-видимому, внушала ему полное ко мне доверие, так как без особых предосторожностей, тут же в конторе за столом и состоялась моя встреча с Никитой.

Прекрасно помню, что напротив меня расположилось начальство и читало газету «Свет», мы же с Никитой уселись один возле другого, вплотную, чтобы быть как можно ближе.

Сердце готово было выскочить от волнения, мы же с Никитой, кстати сказать, никогда ранее не встречавшиеся, разыгрывали роли так, точно в душе ничего и не происходит; я с кажушимся спокойствием ставил вопросы, Никита же с не меньшим хладнокровием давал ответы.

Жуткие минуты пришлось нам пережить. Одно неудачное движение, неловкий жест, наконец просто не тот тон речи, не соответствующий характеру свидания, могли вызвать сомнение, и тогда все и навсегда пропало.

Помощник уже неоднократно предлагал мне закончить свидание, но я каждый раз старался доказать ему недопустимость его претензий, указывая на то, что речь идет о жизни заключенного.

Наконец я начал терять надежду на успех замысла. Но как-то внезапно моя рука, судорожно державшая под столом револьвер, оказалась пустой».

Теперь следовало позаботиться о снаряде, с помощью которого предполагалось взорвать тюремную стену. Но как его изготовить, этот снаряд, Цитович не имел ни малейшего представления. На выручку вновь пришел Никита. Ежедневно с «голубем» он посылал длинные зашифрованные трактаты по пиротехнике. Помочь Цитовичу взял-

ся один из рабочих севастопольского порта. Совместными усилиями они рассчитывали справиться с этой работой. Консультантом по совету Никиты пригласили солдата минной роты, который сочувствовал революционному движению.

Четырнадцатого июня Цитович неожиданно получил от Никиты записку, в которой тот категорически настаивал, чтобы побег совершился на другой день во время прогулки. Подготовка к побегу еще далеко не была закончена, и категорическое требование Никиты ставило всех в очень трудное положение.

Цитович незамедлительно отправился на базар и у первого попавшегося жестянщика заказал сосуд для снаряда. По расчетам Никиты, сосуд этот должен быть цилиндрической формы, емкостью в полведра. Бикфордов шнур и пироксилиновые шашки уже были припрятаны на городском кладбище. Ночью Цитович встретился со своим помощником, а утром должен был прийти солдат-минер и проверить исправность снаряда.

Рано утром, когда сборка снаряда была в самом разгаре, среди могил неожиданно показались старик и два мальчика.

— Что это вы здесь строите? — приблизившись, старик с явным интересом стал рассматривать цилиндрический сосуд.

— Не строим, дедушка, не строим, а разрушаем, — нашелся Цитович.

— И что же вы собираетесь разрушить?

— Вавилонскую башню, дедушка. Слышали, небось, о такой?

— Так и думал, что шутники тут собрались, — сказал дед мальчонкам.

Он постоял еще несколько минут, затем не спеша двинулся дальше.

Пришел минер и быстро закончил сборку. По его мнению, снаряд получился отменный.

Оставалось только перенести его поближе к тюрьме и припрятать в балке.

В условленное время все были на месте. Цитович вновь занял пост на бульварчике. Он тревожно всматривался в длинный ряд тюремных окон.

«Почему нет сигнала? Неужели опять неудача?»

Зной стоял немилосердный. Минуты казались вечностью.

А сигнала все не было.

И вдруг в знакомом окне мелькнуло что-то красное. Это был сигнал. Цитович поднял руку с белым платком.

Тотчас из оврага показываются двое, они несут большую кошелку. Идут медленно, тяжело, один опирается на палку. Присаживаются у тюремной стены, закуривают. Отдыхают. К их ногам падает камешек. Это — сигнал с той стороны. Оба поднимаются, в руках у одного что-то вспыхивает. Затем они стремительно отскакивают от ограды. Кошелка остается висеть на палке, прислоненной к стене.

Страшной силы взрыв потряс воздух. Все заволокло дымом. Прогремело несколько выстрелов, и в образовавшемся проеме показались первые беглецы. Им тут же вручили оружие, одежду и адреса, и они разбежались в разные стороны.

Сила взрыва была так велика, что в тюрьме и ближайших домах повывлетали все стекла.

Едва рассеялся дым, как к месту взрыва прибежали надзиратели, но тюремный двор уже был пуст.

Примчался вызванный по телефону полицмейстер подполковник Гангард, который сразу же распорядился вызвать войска. Прискакали эскадронцы, донские казаки, оцепили тюрьму, рассыпались по ближайшим улицам. Прибыли градоначальник, товарищ прокурора, следователь. Переполох, вызванный взрывом, был такой, что долгое время не могли установить, сколько же арестантов бежало. Наконец выяснилось: двадцать один человек.

В тот же день, вечером, придя к полковнику Иванову, Цитович застал там жандармского подполковника. С хозяином дома жандарм уже обсудил все детали происшествия и теперь с удовольствием переключился на вновь прибывшего.

— Слыхали? Дерзость какова: среди бела дня взорвать тюрьму! Нет, мы их найдем, и все они понесут заслуженную кару!

— Не сомневаюсь, — ответил Цитович, — ни одной минуты не сомневаюсь, подполковник. Еще не родился тот человек, который мог бы скрыться от вас.

Ответ пришелся жандарму по душе. Он взволнованно заходил по комнате, потирая руки.

— Но как вы думаете, — обратился он вновь к польстившему ему молодому человеку, — как вы думаете, чьих рук могло быть это дело?

— По моему глубокому убеждению, это дело исключительно рук революционных, подполковник.

— Революционных?! Гм... Конечно, революционных. Но все же кто из них, революционеров, мог на такую дерзость решиться? Ну кто? Ну?..

— Вот когда этих злодеев вы поймаете, подполковник, тогда уж наверняка узнаете, к какой партии они принадлежат. — Тут Цитович, заприщив появившегося в дверях гостиную ученика, ушел с ним заниматься.

Облавы и обыски продолжались в городе всю ночь. Около двух часов на Татарской слободе один из бежавших был настигнут. Заметив полицейского, он хотел выстрелить: в лунном свете блеснул ствол браунинга. Его обошли, окружили со всех сторон, крикнули: «Руки вверх!»

Беглец выстрелил себе в рот. Его опознал один из тюремных надзирателей.

Вместе с тем лихорадочно закипела официальная переписка.

Товарищ прокурора Симферопольского окружного суда — прокурору Одесской судебной палаты

«...Имею честь донести вашему превосходительству, что по делу о побегах арестантов из севастопольской тюрьмы, 15 июня посредством пролома стены разрывным снарядом, переданному мной судебному следователю Симферопольского окружного суда по важнейшим делам, сделаны фотографические снимки пролома стены с внутренней и внешней стороны, а также этот пролом и стены сняты архитектором градоначальства на план с точными измерениями, и судебным следователем производится экспертиза для выяснения вопроса, каким образом и с какой стороны (внешней или внутренней) был заложен в стену разрывной снаряд. Во дворе тюрьмы, недалеко от места пролома,

найден длинный металлический стержень со следами известковой пыли на одном конце. Там же во дворе найден небольшой металлический кусок, представляющий собой, по-видимому, осколок от разрывного снаряда. Это дает основание предположить, что разрывной снаряд был заложен в стену с тюремного двора бежавшими арестантами; последние оказались вооруженными браунингами и сейчас же после взрыва стали стрелять в часового, который наблюдал за ними, и в тюремном дворе найдено много гильз браунинга.

Положение раненого часового настолько серьезно, что пока его нельзя допросить.

Наружных часовых за стенами тюрьмы не было, вследствие чего бежавшие арестанты, выйдя на улицу через пролом стены, сразу же скрылись, разбежавшись в разные стороны, и первое время их никто не преследовал.

Севастопольский полицмейстер подполковник Гангард сообщил мне, что начальник тюремного караула несколько раз возбуждал вопрос о необходимости иметь часовых у тюремных стен с внешней стороны, но военное начальство отказало в этом, так как на жизнь таких часовых легко можно было совершить покушение из ближайших домов и других построек.

Каким образом бежавшие арестанты могли получить револьверы и патроны — пока не установлено. В комнате свиданий арестантов с родственниками не было решетки, и револьверы могли быть переданы при свиданиях.

Возможно также подозревать в передаче револьверов и кого-нибудь из служащих в тюрьме.

Заведующий севастопольским охранним отделением подполковник Зайдлиц мне сообщил, что, по имеющимся у него сведениям, фельдшер тюремной больницы имеет связь с местными революционерами и представляется личностью чрезвычайно неблагонадежной, но более точных сведений подполковник Зайдлиц не имеет, так как охранним отделением он заведует временно.. и в тюрьме у него нет надлежащей агентуры.

Начальник севастопольской тюрьмы Анисимов совершенно не удовлетворял своему назначению, и порядка в тюрьме не было, о чем было известно и севастопольскому градоначальнику. Последний мне сообщил, что Анисимов... систематически не исполнял его предписаний и он давно хотел его удалить, но не имел подходящего лица для назначения начальником тюрьмы. Между прочим, севастопольский градоначальник передал мне, что он поручил... Анисимову непременно отправить из Севастополя 11 июня арестанта Кабанова, осужденного военным судом к смертной казни, которая была заменена ему двадцатилетней каторгой, так как Кабанов, по имеющимся сведениям, возбуждал других арестантов к беспорядкам, но начальник тюрьмы не исполнил его предписания, а 15 июня Кабанов вместе с другими бежал.

По распоряжению временного генерал-губернатора севастопольского градоначальства арестантам запрещены прогулки, свидания, передачи книг, пищи и пр.

Сделано также распоряжение поставить с внешней стороны тюремной стены часовых, по два на каждом посту.

Севастопольский гарнизон усилен двумя батальонами пехоты».

**Товарищ прокурора
Симферопольского
окружного суда —
прокурору Одесской
судебной палаты**

«Имею честь донести
вашему превосходитель-
ству, что допросом по-
мощника начальника се-
вастопольской тюрьмы
Тер-Данилова и надзира-
телей: Емельянова, Куз-
менко, Герача, Ткачука и
Степанова установлено,
что... во время прогулки
политические арестанты
собирались группами, иг-
рали в мяч. Ссыльно-ка-
торжные Кабанов, Авра-
менко и Цимбал и ссыль-
ная Левина должны бы-
ли быть отправлены
11 сего июня в Москву,
помощник начальника
тюрьмы даже заготовил
на них бумаги, но лица
эти в указанный срок от-
правлены не были, так
как Кабанов упросил
Анисимова дать ему не-
делю на приготовления
к отъезду; названные Кабанов, Авраменко и Цим-
бал во время взрыва бежали.

По показаниям надзирателя Степанова, быв-
шего на прогулке со сбежавшими арестантами,
он вывел их на прогулку... около четырех часов
дня в числе 21; выйдя во двор, арестанты сели
около больницы и стали о чем-то разговаривать;
часовой ходил вдоль стены, которая потом была
взорвана; вдруг раздался оглушительный взрыв,
и свидетель потерял сознание; когда он пришел
в себя, то арестантов во дворе не было, а часо-
вой лежал на земле.

Допрошенный судебным следователем ря-
довой Белостокского полка Рамуальд Комаров-
ский, задержанный полицией семнадцатого сего
июня за разбрасыванием прокламаций, показал,
что 10 сего июня вечером за стрелецким валом
состоялся митинг, на котором присутствовали
солдаты Брестского и Белостокского полков,
матросы, артиллеристы и вольные; ораторы го-
ворили о необходимости освободить из местной
тюрьмы политических заключенных, указывая при
этом, что заключенным нужно передать через
солдат Белостокского полка для взрыва стены

Антон Кабанов. Севастополь, 1906 год. Чиновник московского охранно-
го отделения, заполнявший карточку, ошибся и вместо «Севастополь-
ской тюрьмы» написал: «Ставропольской». Фотография Кабанова была
прислана в Москву для опознания.

пироксилин и вооружить их браунингами; но
было ли это исполнено, свидетель не знает...»

В июле 1907 года прокурора одесской судеб-
ной палаты уведомили, что в Николаеве задер-
жан один из сбежавших. Его переправили в сева-
стопольскую тюрьму. В январе 1908 года в Ме-
литополе были задержаны еще двое. Их также
перепроводили в севастопольскую тюрьму.

До конца 1908 года охранке в разных горо-
дах удалось арестовать почти половину участни-
ков побега. Зато дела о нападении на типогра-
фии Спиро и Шнейдера «за необнаружением
виновных» были прекращены.

А как же Антон Кабанов?

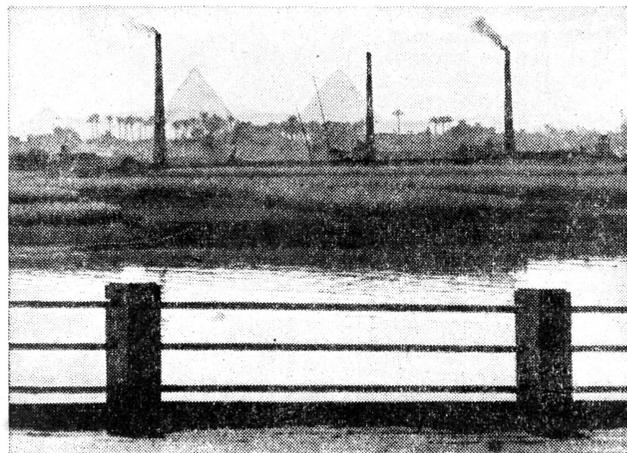
Некоторое время Никита провел в кварта-
рах рабочих севастопольского порта, почти еже-
дневно меняя место. Потом его переправили в
один из хуторов Бельбекской долины, а оттуда
в горы. Через месяц, когда суматоха, вызванная
взрывом, поулеглась, друзья помогли Кабанову
уехать в Москву.

А десять лет спустя, в ночь на 25 октября
Антон Кабанов одним из первых ворвался в Зим-
ний, чтобы арестовать Временное правительство.

Недавно поэт Лев Сорокин и фотокорреспондент Анатолий Грахов побывали в Объединенной Арабской Республике, народ которой в напряженной обстановке строит новую жизнь.

Предлагаем нашим читателям поэтический репортаж о новых днях древнего Нила.

На древних нильских берегах

Думы Африки

Немало дум у Африки.

Немало.

Хотя порой отчаянье берет,
Она оковы рабства разорвала
И нищеты оковы разорвет.
Немало надо сделать.

Ох, немало!

А как все это сделать!

Кто же прав!

Но ей пути Россия показала,

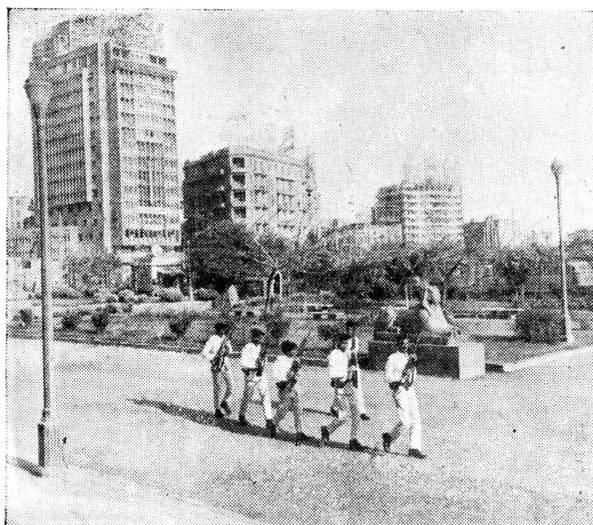
Сынов своих на помощь ей прислав.

Немало дел у Африки.

Немало!

Навстречу солнцу, ветру и пескам
Она машины с дальнего Урала
Уверенно выводит по утрам.
А Нил свои покачивает воды,
И старый мул лениво семенит
Туда, где поднимаются заводы
В краю великих древних пирамид.

Тревожные рассветы

Везде военные приметы,
Глядят зенитки в синий зной,
Плывут тревожные рассветы
Над древней нильской стороной.
И эшелоны с тесных станций
Спешат к суэцким берегам.
И твердо смотрят новобранцы,
Шагая к вверенным постам.

А сфинкс,

застыв в молчанье гордом,

Прожил века.

И знает он —

Опасно ссориться с народом,
Когда народ вооружен,
Когда отстаивает земли
Не королевские —

свои...

И сфинкс лежит

и словно дремлет,

Но слышит гулкие бои.

Дети

Дети даже с разным цветом кожи
Друг на друга все равно похожи
Светлыми улыбками,
Сияньем
Любопытных, удивленных глаз,
И неповторимым обаяньем
Времени, ушедшего от нас.

И у юных ранние заботы,
Только им увидеть все охота!
И гудит от топота дорога,
И звенят ребячьи голоса.
Не смотрите на детей так строго,
Ведь для них

в обычном —
чудеса!

Словно наши Машеньки и Тани,
Маленькие смотрят египтяне,
Смотрят в мир,
Не ведая, как сложно
Этот мир бывает сохранять,
Как на горизонт глядит тревожно
Сгорбленная горестная мать.

Взрослые, обстрелянные люди,
Зачехлите грозные орудья!
Дети подрастают очень споро,
Как колосья в нильскую жару.
Ненависти,

дракам и раздором
Научить их легче,
чем добру!

В провинции Северный Тахрир

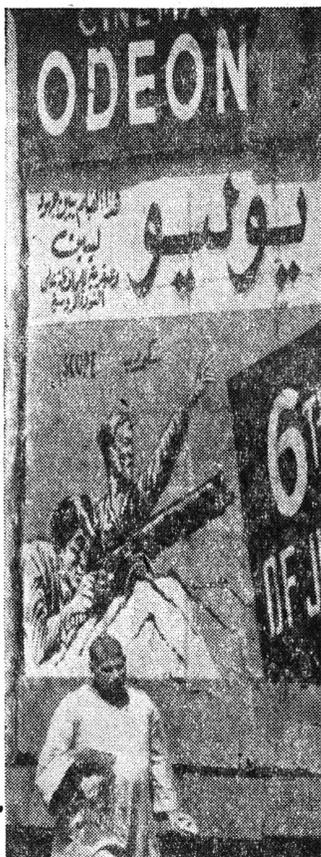
Советскому специалисту
Григорию Тютюнику

Длиннее года на чужбине,
Трудней агронома судьба:
Попробуйте в вечной пустыне
Заставить подняться хлеба!

А это не легче,
чем лунник
Забросить с земли в небеса!
И все ж ты, Григорий Тютюник,
Умёешь творить чудеса!

Такое могло лишь присниться
Пустыне в былые года.
По цвету так схожа с пшеницей
Твоя Золотая Звезда.

Комбайн за каналами кружит,
И сыплется ливень зерна.
Уж если мы дружим, так дружим,
Как дружба порой ни трудна!

В Александрии

Шумит, бурлит Александрия,
Под вечер улицы —
пестрей.

Не диво,
что Александрия
Полна со всей земли гостей.

По лабиринтам улиц узких
Их водят толпы арабчат.
Но слышу:
в городе нерусском
Названья русские звучат!

— Универмаг «Москва» —
направо!

А «Волгоград» —
чуть-чуть левей!

Названья русские по праву
В сердцах египетских людей.

И по-арабски здесь гортанно
Кричит разгневанный Чапай.
И, чуть прищурившись, с экрана
Глядит Ильич
на знойный край!

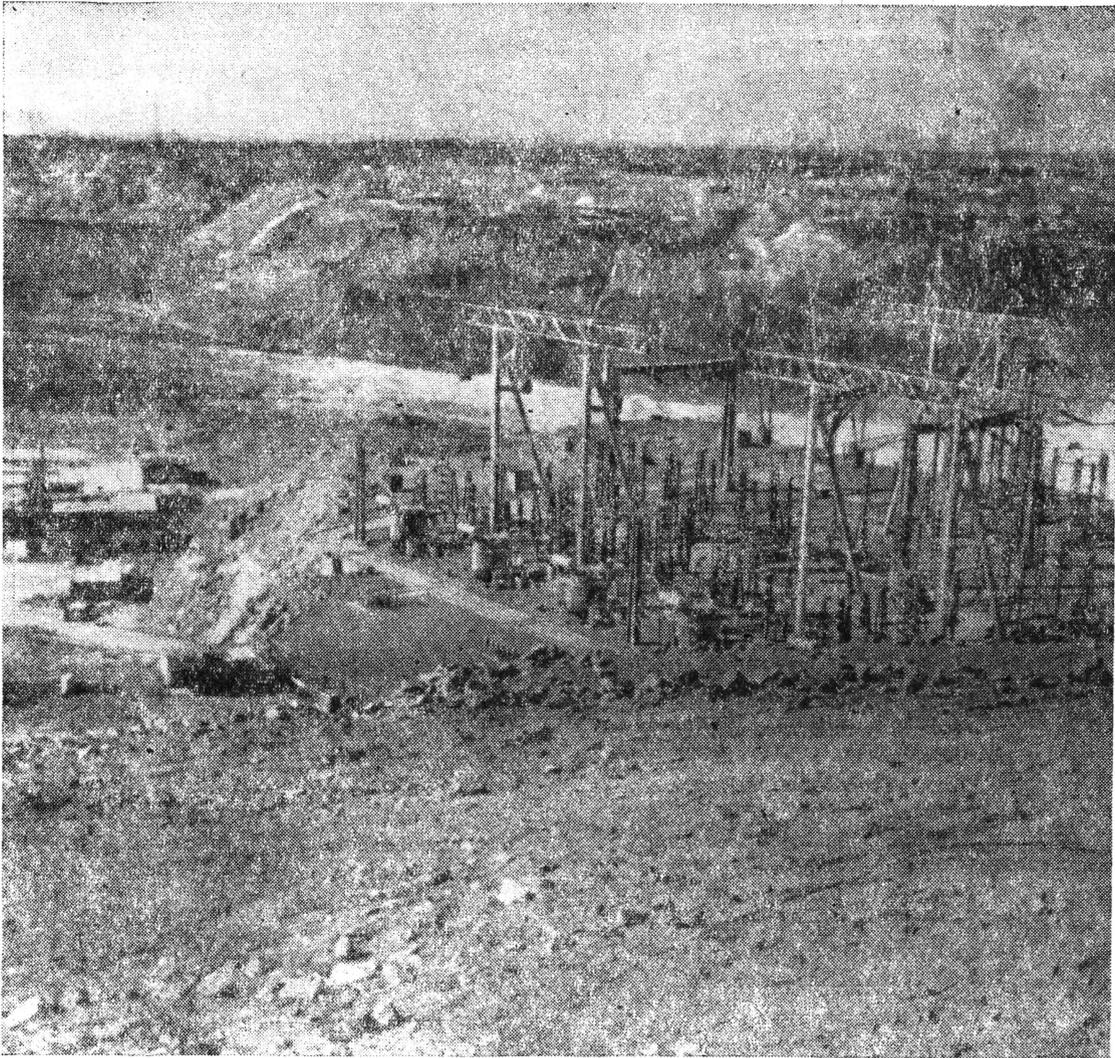
В Асуане

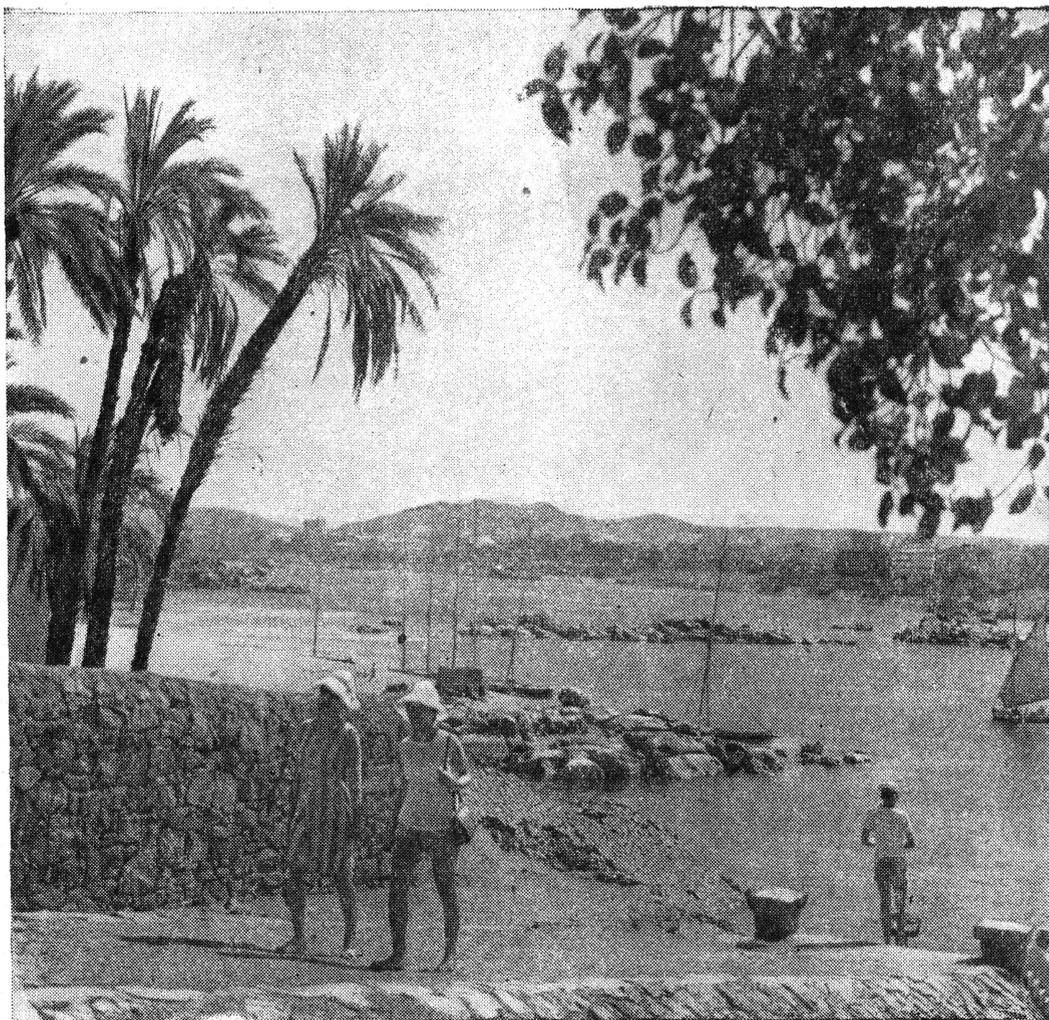
Асуанская плотина,
Ты виднее пирамид!
Над тобою в небе синем
Ярко радуга горит.
Брызги,

брызги от напора
Нильских вод из-под турбин —
На плотину,

словно в гору,
Караван ползет машин.
Надрываются моторы:
К Асуанской высоте
Весь Египет в гору,
в гору

Поднимают на себе!
И глядит водитель мудро,
Подаваясь чуть вперед,
Как строительное утро
Над Сахарою встает.
Как над скальной нильской глыбой
Ярко краски расцвели.
Люди русские — спасибо! —
Эту радугу зажгли.
И спешит, спешит машина,
И мотор ее гудит.
Асуанская плотина,
Ты виднее пирамид!

На берегах Нила

Затухает дневная жара,
И как будто упрямых баранов,
Стадо желтых
                    песчаных барханов
Отгоняют в Сахару ветра.
Жмутся домики к нильской воде,
Пять шагов от воды —
                    и пустыня!
Небосклон опускается синий —
Время первой пробиться звезде!
Где-то в песне сплелись голоса,

Говорят,
                    это песня о милом.
И качаются пальмы над Нилом,
И над Нилом плывут паруса.
Над сплетеньем асфальта и троп
Прорастают сквозь годы упрямо
Стены древнего-древнего храма
И взметнувшийся ввысь небосвод!
Ощущенье такое, что в сказку
Перенес нас ковер-самолет!
Над спокойным величием вод
Перемешаны эры и краски.

ЛОДЕЙНЫЙ КОРМЩИК

Евгений БОГДАНОВ

Рисунки Н. Мооса

Повесть

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Отвори, леший хромой! Тебе говорят: отопри-и-и!

С десяток баб осаждали монастырские ворота, стучали в них крепкими кулачками, палками. Стучали вразнобой, но настойчиво. Куда девались робость и страх перед богом и его земными слугами, запершимися в полутемных кельях за ветхой оградой.

От бабьего переполоха с лиственницы, что росла за стеной, поднялась стая галок. Как будто спасаясь от пожара, с шумом рассекая воздух и оглашая окрестность взбалмошными криками, галки полетели в лесок, что теснился густым островком на угоре, возле дороги в деревню.

Монастырский привратник, хромой Павел, которого за глаза крестьяне звали Павлухой-апостолом, опасливо посмотрел в глазок-оконце, увидел разгоряченные, взволнованные бабьи лица. Иные женщины простоволосы, у иных платки сбились набок. Сарафаны пузырились на ветру. Иногда ветер задирал подолы слишком высоко, и Павел стыдливо отводил глаза от оконца, смущенно крякая.

В ворота барабанили настойчиво и яростно, и Павел прикрикнул:

— Куды ломитесь, греховодницы? Тут святая

обитель, не кабак! Тут надобно благолепие, а не стукоток! Кыш! — замахал он руками на баб, словно на куриц.

— Я те дам кыш! — подступила к оконцу Марфа Рябова. — Я те остатнюю ногу переломаю, покажись только в деревне! Отопрешь ай нет?

— Не отопру! — Павел не на шутку рассердился. — Скажу настоятелю, он тя предаст анафеме за твою злость и строптивость! Чего вам надобно?

— Мужиков наших надобно! — кричали женщины. — Ушли на промысел и как в воду канули!

— Пропали, может!..

— Давай Тихона! Тихона надобно! Пуцай ответит: рыбаки где?

— Ладно, позову. Молчите только! — Павел прикрыл ставенек и заковылял по плитняку к дому, где жила братия. На крыльце он встретился с Тихоном, собравшимся на пекарню.

— Чем озабочен, брат во Христе? — велеречиво спросил Тихон, перебирая левой рукой связку ключей на поясе. Его сытое лицо лоснилось, глаза прищурены.

— Бабы ломаются в ворота, рыбацкие женки! Тебя требуют, — ответил Павел.

— Чего им надобно, душам грешным?

— Хотят знать, где рыбаки. Беспокоятся.

Из-под скуфейки на лоб Тихона выбежали мелкие морщинки.

— Кабы ведал...— келарь вздохнул, возвел очи горе, перекрестился.— То одному господу ведомо! Должны бы уж вернуться, ан нету!..

Привратник, переминаясь с ноги на ногу, смотрел на Тихона озабоченно.

— Что им сказать?

— Сам скажу,— подумав, произнес Тихон и отправился к воротам. Павел опередил его, открыл ставенек и крикнул рыбацким женкам:

— Отойдите маленько. Сейчас брат Тихон выйдет!

Рыбачки послушно отошли на несколько шагов и остановились, судача и нетерпеливо поглядывая на ворота. Тихон мелко-мелко перекрестил живот, что-то пробормотав, и вышел. Едва он приблизился к бабам, они, окружив его плотной толпой, загалдели вновь:

— Где мужики?

— До сих пор нету! Все сердце изболелось!

Марфа Рябова нетерпеливо дергала келаря за рукав подрясника, благо он был широк, и спрашивала:

— Сотона плешивый! Пошто рыбаков в море услал? Сказывают, от царя запрет на промысел даден! Креста на тебе нет!

— То не я услал, то—воля настоятеля!— оправдывался Тихон.— Будете кричать да сквернословить—дела не выйдет. Тихо надо, полюбовно...

— Полюбовно? Ишь, сказал! Сколь детишек в деревне от твоей полюбовности?

— Стыдитесь, бабоньки! Хулу на меня возводите!—зычно прикрикнул Тихон, побурев.— В такой-то час! Как у вас языки не свихнет на сторону! О мужьях, безвестно в море в трудах пребывающих, глаголете, а сами изрыгаете постыдную брань! Позорно! Зело позорно!

Рыбачки притихли. Первый запал прошел. Марфа виновато отступила, понурив голову.

— Молитесь, бабоньки!—уже бодрее сказал келарь.— Дойдет молитва ваша до всевышнего, и смилостивится он, вернет вам мужей. А я вам пока ничего не могу сказать. Однако сердце вещает: мужи ваши живы-здоровы и, даст бог, вернутся к очагам своим да малым чадам.

— Неправду баешы!—зашумели женки.— Шведы, сказывают, идут на огромных посудинах войной! Они, верно, и порешили наших мужиков!

— Неведомо то мне, бабоньки!

— По всем деревням слух катится!

— Неведомо, говорю! Слух еще не есть истина! Истину познаешь токмо увидевши воочью. Негоже суматоху допрежь времени наводить. Не всякому слуху верить надобно!

Бабы опять притихли, завсхлипывали, утирая слезы концами платков.

— Молитесь, бабоньки! Молитесь, рабы божии! Даст бог—обойдется все подобру-поздорову,—повторял келарь.

От ворот монастыря женщины ушли ни с чем. Они не сразу разошлись по домам, а направились на берег. Стали там дружным, плотным рядом и молча, сняв платки, смотрели на море, туда, где волны, обгоняя друг друга и кипя, как вода в котле, сливались с серым, затянутым облаками небом. Словно крылья подбитых птиц трепетали на ветру в руках женок ситцевые лянальные платки.

Ничего не сказал им Тихон. Ничего не сказало и море. Пустынное, хмурое, оно равнодушно грудило тревожные и сумрачные волны к берегу.

Шумел прибор. Голодные чайки вились над волнами, жалобно крича, медленно и тяжело взмаывая крыльями против ветра...

В каюту адмирала конвой ввел двух русских. Капитан Эрикссон представил Шеболанду невысокого русобородого мужика в куртке и рыбацких броднях:

— Это лоцман Рябов.

— Корабельный вож,—с достоинством сказал Иван.— Знаю устье. Могу провести без опаски ваши посудины.

Эрикссон дал знак Борисову. Тот, скривившись, словно от зубной боли, перевел:

— Так,—сказал Шеболанд и, встав, подошел к Рябову, положил ему костлявую длинную руку на плечо.—Послужишь нам—получишь хорошую плату. Денег мы не пожалеем. Видишь, какие у нас прекрасные корабли? Сопровождать их—большая честь для русского лоцмана!

Борисов опять перевел бесстрастным, равнодушным голосом. Эрикссон стоял, вытянувшись перед адмиралом, как на смотру, прижав руку с треуголкой к груди. Шеболанд снова сел за стол.

— Дайте господину лоцману поесть, дайте вина. И переводчику тоже,—приказал он,—а после отправьте их обратно на фрегат.

Русских увели. Шеболанд собрал в каюту всех капитанов, воинских командиров на совет.

«Судя по всему,—думал адмирал,—этот русский лоцман честно решил вести корабли. За деньги, конечно! Кто перед ними устоит?»

Шеболанд разрешил курить, в каюта наполнилась приторно-тягучим табачным дымом. Капитаны и офицеры молча и сосредоточенно смотрели на стол, где лежала развернутая морская карта, и ждали, что скажет адмирал.

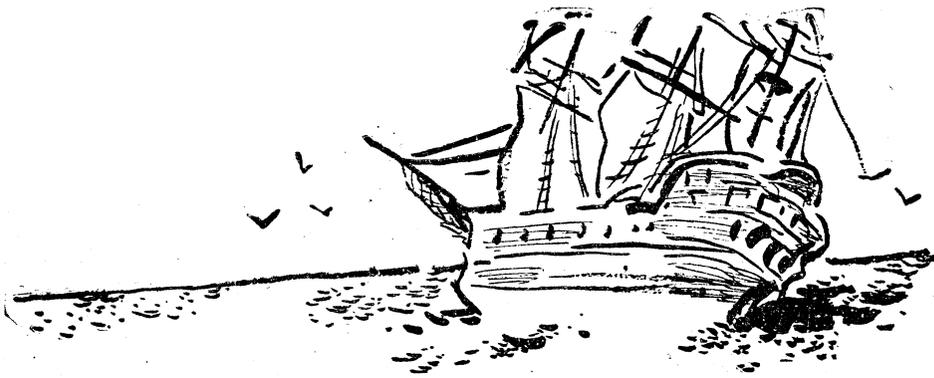
Шеболанд обратился к Эрикссону:

— Господин Эрикссон! Смотрите в оба за этим русским лоцманом. Ни на минуту не оставляйте его одного. К штурвалу не допускайте. Пусть он только указывает курс! Ваш фрегат пойдет головным.

Эрикссон почтительно наклонил голову. Адмирал потер переносицу, пожевал губами и после небольшой паузы продолжал:

— Господа! Вводить все корабли в Березовское устье Двины нет необходимости. Я не хочу рисковать всей эскадрой. Сначала пошлем в разведку два фрегата и яхту. Пятьдесят восемь пушек и полтыщи солдат—внушительная сила, тем более, что у русских в Архангельске, насколько мне известно, нет ни одного военного корабля. Мастера Баженины еще не успели опередить события. Русские могут нам чинить урон лишь с береговых батарей. Господин Эрикссон! Вам поручаю командовать разведывательным отрядом. Узнайте путь, запомните все ориентиры, створы, выявите, какова мощь русской артиллерии, где расположены батареи. Держите остров, где у них строится крепость, под прицелом своих орудий! На огонь отвечайте, не жалея пороха и ядер. Когда пробьетесь к Архангельску, немедленно высылайте сюда яхту с опытным шкипером! Если русский лоцман будет с нами до конца—его тоже пришлите. Яхта проведет остальные корабли. Да не забывайте тщательно промерять глубины по фарватеру! Вам все понятно, господа?

Капитан и офицеры согласно закивали. Рябова и Борисова вернули на фрегат и заперли в разных каютах.

Пленных рыбаков и солдат с Мудьюга на шлюпках свезли на один из кораблей, которые оставались у входа в устье. Рябов не знал об этом. Он думал, что его товарищи по-прежнему находятся в трюме.

Эрикссон стал снаряжать фрегат к походу, приказал приготовить на случай безветрия весла, назначить гребцов. На палубе были оставлены лишь матросы для работы с парусами. Все остальные люди были спущены к боевым портам.

Выступать шведский капитан решил в час начала прилива, когда в Двинской губе «прибылая вода» с северо-запада устремляется в устье реки и поднимает ее уровень более чем на три фута. Прилив в летнее время продолжается пять, а отлив семь часов. Этого времени вполне достаточно, чтобы привести фрегаты под стены крепости на мысе Пур-наволоку...

Вечером Рябова вывели на палубу. После наглухо закрытой душной и промозглой каюты, в которой пахло чем-то прелым, чужеземным, он с удовольствием вдохнул свежего воздуха, глянул на небо. На западе в редких, волокнистых, как чесаный лен, облаках раскаленными грядками угольев дотлевали отблески заката. Солнце упряталось за горизонт ненадолго, для того чтобы тотчас начать подниматься снова. Июньские белые ночи на Двине коротки, как размах крылышек кулика.

«Все идет как по-писаному,— думал Иван.— Капитан знает службишку: выбрал для пути время прилива. Но и мы время выберем!..»

Стало зябко. Иван запахнул полы куртки, застегнул железные крючки. К нему приблизился капитан и, положив свою тяжелую руку ему на плечо, повел на мостик.

Загремела якорная цепь. Тишину прорезал свисток боцмана, и матросы проворно полезли вверх по вантам. Вмиг распустили паруса, закрепили кливер-галсы, шкоты и другие снасти. Судно почти незаметно тронулось со стоянки. За ним, на дистанции, — второй фрегат, а после него — яхта, стройная, белопарусная, с форштвенем, словно выточенным из слоновой кости.

Между островом Мудьюгом и Гольцом Двина разлилась на два десятка верст — не видать берегов. Но дальше русло ее суживалось, резко падали глубины. Через каких-нибудь полчаса глу-

бины уменьшились с сорока до двадцати двух с половиной футов.

Рулевой у штурвала, широко и крепко расставив ноги, медленно вращал колесо. Движения его были не совсем уверенны, как бывает, когда делаешь что-нибудь по подказке. Рябов жестами показывал: «Лево руля!.. Прямо!.. Правее!» Рулевой послушно выполнял его команды. За спиной Рябова стоял мрачный, как сын, лейтенант. Правая рука его лежала на рукоятке пистолета, засунутого за пояс. Рядом — шведский шкипер, дымя трубкой, следил за действиями лоцмана. Борисов, которого тоже привели сюда, угрюмо поглядывал на Ивана, терзаемый сомнениями.

Им ни разу не удалось перемолвиться наедине после той встречи в трюме. Переводчик молча сверлил колючим недобрим взглядом спину лоцмана, а тот, зорко всматриваясь в очертания берегов, в извилины устья, уверенно командовал: «Прямо! Держать прямо!» Иной раз, не утерпев, Иван соленым рыбацким словом костил рулевого и сам клал на штурвал руку, чтобы поправить его, показывая этим рвение и старание. Шведы не протестовали.

К полуночи ветер стих, и паруса обвисли. Капитан дал команду свернуть их. Дальше фрегат пошел на веслах. Иван знал: это ненадолго. Лишь покажется краешек солнца, ветер поднимется снова.

Белая ночь ласковой колдуньей прикрыла воды сизо-голубой поволокой. Удивительна эта белая ночь: не темно, не светло, не тихо, не ветрено. Не поймешь — вечер ли, ночь ли, рассвет ли? Все пронизано какой-то грустной задумчивостью. В такую ночь по отлогим берегам и плесам, должно быть, плещутся русалки, срывая холодными пальцами нити водорослей. Морской бог Нептун поднимается на поверхность, бороздя своим трезубцем морскую гладь, трясая от удовольствия мокрой бородой, и от его неторопливых поворотов море колыхается, вздыхает от берега до берега, и где-то далеко-далеко, в полночной стороне, как огромные поплавки, колыхаются ледяные горы-айсберги. Стада гренландских китов лениво пасутся у горизонта, выбрасывая фонтаны воды и процеживая в усах планктон...

Касатки притаились возле китов, выжидая удобный момент, чтобы напасть на того, кто вдруг отобьется от стада. И не будет ему пощады от морских разбойниц: будут они кромсать китовы бока острыми зубами, вконец замучат его, и в

отчаянии выбросится кит на берег, чтобы там, среди скользких, покрытых ракушками валунов, медленно погибнуть от ран нежданной-негаданной смертью...

Люди, очарованные белой ночью, маются без сна, поглядывая в молочный розоватый туман.

В такую ночь шептаться бы с милой где-нибудь на бережку под тальником, петь тихие и протяжные песни, слушать звончатые гусли, а на заре — берестяной пастуший рожок...

Но в такую ночь мерзкими татями крадутся к мирным и добрым людям воинские корабли, чтобы вскоре разбудить тишину, взломать ее громом пушек, свистом ядер и пуль.

Белая ночь! Тревожная белая ночь на море Студеном!

Иван, стоя на мостике с непокрытой головой, под неусыпным оком шведского лейтенанта, готового в любой миг разрядить свой пистолет в затылок русского лоцмана, спокойно посматривал по сторонам.

Фрегат вышел на параллель острова Лапоминка. Фарватер здесь резко поворачивал на юго-запад. «Где-то тут должна быть мель,— подумал Рябов и подался вперед, всматриваясь в серые мелкие волны и в очертания смутно различимых берегов.— Ее надобно обойти. Она вовсе лишняя... Ага! Вот!» Зоркий, как у коршуна, глаз Ивана заметил на туманном берегу густое мелко-лесье и на мысу — одиноко торчащий пенъ высотой в человеческий рост. Рябов резко поднял руку, отдав распоряжение рулевому. Тот поспешно положил руль вправо. Иван глянул на сосредоточенную, собранную фигуру рослого шведского матроса, на его рыжеватую окладистую бороду, скользкую по груди, по парусине куртки, и подумал: «Старайся, старайся, кормщик! Твои руки, а голова-то моя!» Вспыхнула гордость: «Что иноземцы? Ни лешего не разумеют, а ты веди три огромных посудины куды хошь!.. А тот все держит руку на пистолете! Как она у него не отсохнет!» — косо глянул он на лейтенанта.

Вспомнилась ушедшая молодость. В ушах зазелена под колдовское очарование белой ночи знакомая песня, древняя, как избяная Русь, любимая до боли, до сердечной тоски. И эта песня, и возникшее в памяти свадебное застолье были как наваждение, как вещий сон, как призрачная морская полуночная даль:

Ой, сяду под окошко
Да скрою край окошка,
Окошечка немножко.
Ой, погляжу далеко,
Там озеро широко,
Там белая рыба много.
Ой, дайте-подайте
Мне шелковый невод.
Ой, шелков невод кину
Да белую рыбу выну...

Не так ли пели рыбаки песню на свадьбе Ивана да Марфы?

Рябов встряхнул головой, отгоняя воспоминания прочь, и опять перед ним в молочно-белом полусвете строж, и опять вдаль проступают лесистые островки и острова. А на востоке уже первый солнечный луч, словно мечом, пересек дремлющие облака, и ранняя чайка над горизонтом вспыхнула ярким золотом, как червонная серья в ушах красавицы.

Прилив шел к концу. Подходил час, когда, как говорят поморы, приливная вода «сполнится», остановится на том уровне, после которого суждено ей медленно отходить на убыль, в море. С зарей поднялся ветер. Иван довольно усмехнулся: ветер — какой надо. Он обернулся к Борису:

— Перетолмачь им по-ихнему: надобно ставить паруса, по полноводью проскочить остров Марков! Пускай ставят не мешкая!

И когда распоряжение было выполнено, Иван снова, будто невзначай, глянул на Борисова и, отвернувшись, сказал раздельно и многозначительно:

— Будет нонче маниха!

В голосе его Борисов различил старательно скрываемое ликование, будто кормщик приблизился к самому сокровенному, самому желанному, так долго ожидаемому. В голове переводчика мелькнула догадка, пока еще неясная. Лейтенант и шкипер не заметили волнения переводчика. Шкипер повторял незнакомое слово:

— Маних... маних... Что есть такое? — он вопросительно глянул на переводчика. Тот махнул рукой на северо-запад:

— Это направление ветра на местном наречии поморов.

— А нам такой ветер не помешает? — осведомился шкипер.

— Нет. Не помешает.

Лейтенант смотрел на Борисова недоверчиво, но лицо переводчика было непроницаемо спокойным, и это спокойствие передалось и шведу.

Внешне Борисов был спокоен, а мысль работала напряженно. Борисов сказал шведам неправду: на языке поморов «маниха» означает небольшой промежуток времени в конце прилива, когда вода «кротчает» и идет на убыль для того, чтобы через полчаса достичь наивысшего уровня. Необъяснимое, таинственное явление природы!

«Маниха-обманиха», — вспомнилась Борису поговорка, часто повторяемая лоцманами. По интонации голоса Рябова переводчик догадался, что кормщик задумал что-то такое, от чего шведам придется солоно.

Под парусами фрегат резво пошел вперед. Два других судна следовали точно в кильватер, повторяя каждый маневр головного.

Вот и Марков остров. Из-за него на полном ходу вывернулась большая лодка-карбас. Солдаты в нем сидели, зажав меж колен мушкеты. Из-под руки смотрел на фрегат находившийся в носу офицер. С борта шведского судна закричали привычное:

— Эй, сюда! Давай сюда! Мой мирный купец...

Иван, стиснув зубы, подумал: «У вас одна повадка — заманить караул на борт и схватить его! Теперь бы в самый раз крикнуть зычно, изо всей мочи: «Братцы! Шведы! Лупи их!» Но нельзя. Все испортишь...»

При виде своих Иван разволновался, сердце застучало часто. Однако он хранил выдержку, что стоило ему немалого труда.

Капитан Эрикссон, выйдя из каюты, поспешил к фальшборту. Карбас приблизился к фрегату, и на нем закричали:

— Братцы! Шведы! Люди с ружьями! Пушки...

Капитан, поняв, что русские раскусили обман, яростно заметался по палубе, в бешенстве стукнул кулаком по кромке фальшборта. Планшир, казалось, от удара прогнулся. Лейтенант, не вы-

держав, выхватил пистолет, выстрелил в людей на карбасе. В ответ оттуда грянул мушкетный залп. Лейтенант схватился за грудь, рухнул на палубу. Эрикссон ринулся к нему, но, вспомнив о Рябове, метнулся на мостик. Иван говорил рулевому, напряженно и горяче дыша ему в затылок:

— Лево, лево руля!

Борисов переводил поспешно, и глаза его остро блестели:

— Лево руля!

Словно бы играючи швед крутанул резное, высушенное, как кость, колесо из мореного дуба. Рябов еще раз сказал:

— Лево! Не зевай, так твою!..

Перекрывая слова Ивана, треснул вслед русскому карбасу мушкетный залп с фрегата. Рябов, ругнувшись, оттолкнув рулевого, и тот растерянно передал ему штурвал. Капитан Эрикссон не сразу сообразил, почему русский лоцман оттолкнул его матроса, а когда догадался, было уже поздно. На всем ходу фрегат врезался килем в отмель, и все, кто был на палубе, от неожиданности покачнулись. Иные упали...

Рябов успел обернуться и сказать громко:

— Вот тебе и маниха! Где твое золотишко, чужеземец? Плати за рату!

И тотчас упал, сбитый с ног тяжелым ударом по затылку.

Палуба дрожала от грохота каблучков, Эрикссон изрыгал ругательства, топча ногами русского лоцмана. Шкипер разделялся с Борисовым.

Избитых русских солдаты торопливо втащили в пустую каюту, захлопнули дверь и кинулись к боевым портам.

С острова Линской Прилук голосом глуховатым, словно бы спросонья, рывкнула русская мортира. Ядро, перелетев через фрегат, шлепнулось в воду. Следом за этим выстрелом раздался пока еще не дружный залп батареи. На фрегате затрещали палубные надстройки. Фок-мачта вздрогнула, как подрубленное дерево, и рухнула, придавив солдата. Вконец растерянный рулевой, вобрав голову в плечи, снова вцепился в рукоятку штурвала, теперь уже бесполезного. Разъяренный капитан, подбежав к рулевому, отвесил ему оплеуху, и тот кинулся по трапу вниз...

Линской Прилук оцетинился дулами мушкетов, жерлами пушек. Иевлев, весь подавшись вперед, налегая животом на каменную кладку, смотрел с огневой позиции в недостроенной башне на неприятельские корабли. Он видел, как головной фрегат со всего хода вдруг остановился, накренился на борт и замер как вкопанный. Два корабля, что шли позади, перестроились: второй фрегат остался поодаль, яхта вышла вперед, как бы намереваясь помочь первому судну, и тоже замерла, будто споткнувшись.

С фрегата ударил пушечный залп, затрещали, как сухие дрова, мушкетные выстрелы. Карбас Животовского, ушедший на голландский флаг — разведать, что за гости пожаловали, — накренившись на правый борт, спешил к берегу. Гребцы взмахивали веслами часто и сильно. Вдогонку карбасу бросились две шведские шлюпки с солдатами.

Стольник обернулся к пушкарям, стоявшим наготове у орудий:

— По кораблям — огонь! Лупи их, так их!..

Пушкари поднесли к запалам факелы. Мортиры вздрогнули, выплюнули чугунные ядра. Тотчас открыли стрельбу и другие батареи острова.

Шведы настигли карбас Животовского. Команда его была в расстройстве и не смогла сразу отразить огнем наскок: три солдата, писарь и двое работных людей лежали убитыми, мешая развернуться остальным. Шрапнелью был ранен сержант, корчился от боли и сам Животовский. Шведы, налетев на карбас с двух сторон, вырвали у растерявшихся солдат знамя и барабан и хотели потопить русских. Но это им сделать не удалось, солдаты опомнились, схватились за мушкеты, за топоры. Прогредел нестройный суматошный залп. Топорами рубили по рукам схватившихся за борта карбаса шведов. И те, сообразив, наконец, что стрельба береговых батарей по судам усилилась, повернули назад, оставив в покое карбас, еле державшийся на плаву.

Кое-как дотянул он до берега. Сгрудившиеся там люди вынесли убитых, помогли выйти раненым. Животовский, шатаясь от потери крови, силится сам перевязать рану. К нему подскочили двое работных, стали помогать. Вид крови и мертвые тела вызвали великий страх у трудников, и они толпами побежали от берега прочь. Иевлев, заметив панику, кинулся бегущим наперерез, крича изо всей мочи:

— Куды-ы-ы?! Куды?! Стойте!

Многие остановились. Запаленно дыша, смотрели на стольника с опаской, виновато.

— Куды бежите?! — кричал стольник. — Кто будет оборонять остров?! Поганого шведа испугались? Хуже баб! Срам! А ну, за мно-о-ой! — он выхватил шпагу из ножен и кинулся обратно к крепости. Многоликая пестрая толпа повернула за ним.

Трудников вооружили тем, что нашлось, — бердышами, рогатинами, топорами, не раз выручавшими русских людей в лихой беде. Мужики, получив оружие, почувствовали себя воинскими людьми: придут на берег шведы — будет чем почесать им чресла, проткнуть животы, усечь головы.

Канонада не прекращалась. Орудийная прислуга едва успевала совать ядра в жерла пушек. Бомбардир Павлушка Сухих, низкорослый, с длинными, почти до колен крепкими ручищами, подхватив из кучи ядро, легко подкидывал его на руках, приговаривая:

— А вот вам ищо гостинец! Жрите, подавитесь!

Бывший гренадер Мосальский наводил пушку по стволу, пригнувшись, раскорячив ноги. Кричал пушкарям: «Влево! Еще маленько!.. Сто-о-ой!» Он поднял руку и резко опустил ее:

— Пали!

Гарь, дым, жарница от раскаленных стволов, визг шведских ядер. Инженер Егор Резен, наблюдавший за канонадой, сокрушенно качал головой:

— Не успели достроить башню, а уж под ядра попала! Не развалили бы стену!

— Худо клали, если развалят! — оскалил зубы в ухмылке Иевлев, подойдя к нему.

Проснулись пушки на Марковом острове, что напротив крепости. Шведы отгрызались залпами, но уже не столь бодро, как вначале. Кипела вода от ядер, ошалевшие рыбы покинули низовые воды, убравшись в верховья. На шведском фрегате вспыхнул пожар — на палубе задымилось. Но

сразу дым прекратился, видно, удалось погасить в самом начале.

Резен смотрел в зрительную трубу, не расставаясь, однако, с отвесом. Его длинный тонкий нос запачкан копотью. Отвес инженер зажал в кулаке, на ветру металась тонкая бечевка. Опустив трубу, Резен протянул ее Иевлеву:

— Передовой фрегат изрядно поколочен. Государю императору Петру Алексеевичу нечего будет показать в виде трофея... А яхта чудом держится на воде.

— Да не на воде, а на песке она держится! — крикнул Иевлев, а потом, снова глянув в окуляр, заорал:

— Удирают! Удирают шведы! Так их, раз-зак! Лупи по лодкам! Лупи их, братцы!

Он сунул трубку Резену и, размахивая шпалгой, побежал к солдатам, занявшим позицию на берегу:

— Залпами, залпами! Чешите им задницы! Хорошенько! Язви их в душу! Ишь, чего захотели: на матушке Двине хозяйевать? Как бы не так! — он виртуозно и забористо выругался.

Молодой солдат, приладивший свой мушкет на камне-голыше, не выдержав, расхохотался, глядя на кругленького, исходящего бранью стольника, а тот рассердился, хлопнул плашмя шпалгой солдата по спине:

— Рано ищо зубы-те скалить! Пали! Целься верней!

На соседней батарее пушкарями командовал Животовский. Его левая рука висела на перевязи. Солдатский голова опирался на березовый посошок, кричал:

— Наводи по лодкам! Пали!

Шведы покинули изрядно побитые корабли и на малых посудинках удирали на уцелевший второй фрегат, предусмотрительно остановившийся в полуверсте от головного. С фрегата били пушки. Но до берега было далеко, и ядра не долетали, вспенивая воду в нескольких сажнях от крепостных стен.

Шлюпки шведов мчались, как гонимые ураганом. Весла мелькали стрекозиными крыльями. В воду падали треуголки, оружие, оброненные в великой суматохе.

Повеселевшие русские солдаты острили:

— Пришли по шерсть, а удирают стриженными!

Иван не мог повернуться, пластом лежа на полу, в каюте, похожей на небольшой подклет. В крошечное оконце пробивался слабый предутренний свет.

Долго ли он лежал? Наверное, недолго. Потерял память от удара в голову. «Ну и тяжелы бахилы у шведского капитана... Целы ли хоть ребра?.. Вроде бы целы. Но все тело болит... Эк отделили, гады ползучие...»

Кругом все грохотало. Фрегат содрогался от стрельбы своих пушек и от русских ядер, которые то и дело обрушивались на палубу, круша надстройки, мачты.

— Борисов! Эй, друг! — вспомнив о переводчике, позвал Иван. — Жив ли?

— Живой, — глухо прозвучало рядом, и в жидком полусвете Иван увидел Борисова. Тот сидел, прислонясь спиной к переборке и приложив руку к виску. Из-под пальцев сочилась кровь. Иван подполз к нему и услышал: — Спасибо тебе.

Крепко посадил ихнюю посудину... А я, грешный, думал...

Борисов не договорил, но Иван понял, что мог думать переводчик о нем, не ведая о его замысле...

— Надо бежать! — сказал Иван товарищу.

— А как выйдешь? — Борисов поднялся, держась за переборку, нашел дверь. Она была заперта снаружи.

— Чем бы выломать дверь? — Рябов подполз к столику, но он был крепко вделан в палубу — не оторвешь. Больше ничего в каюте не нашлось.

— Давай навалимся, — предложил Борисов.

В этот момент в стену каюты ударило ядро на излете, и она треснула, брызнул лучик света.

— Добро лупят наши! — в голосе Ивана было ликование. — Молодцы пушкар!

— Прищучили шведа, — добавил Борисов и налег на дверь плечом. Иван хотел ему помочь, став рядом, еще не зная, с какой стороны подступиться, чтобы тоже приналечь. И в эти секунды

совсем рядом, за дверью, захлопали выстрелы. Рябов невольно отпрянул за косяк. Борисов мягко осел на пол, сначала на колени, а потом упал ничком, схватившись за живот. В двери светились дыры от пуль...

В нее загрохали прикладом. Некогда, видно, было искать ключ от замка. Иван поспешно отполз в угол, лег на спину, закрыв глаза и неловко раскинув руки, будто мертвый. Под ударами приклада дверь вылетела, в каюту заглянул швед с лицом, перекошенным от страха и ненависти, и, видя две неподвижные фигуры, решил, что русские убиты. На всякий случай, почти не целясь, он выстрелил из пистолета в человека, лежавшего в углу, и опрометью бросился к шлюпке. Она была до отказа набита матросами, стонали раненые. Эрикссон сидел у румпеля с перевязанной головой и бледным, злым лицом.

— Все? — спросил он нетерпеливо.

— Все, капитан! — ответил швед, спустившись в шлюпку.

Они отчалили от покинутого судна. Гребцы налегли на весла.

Воевода Прозоровский проснулся от гула артиллерийской пальбы, доносившейся со стороны Березовского устья. Наскоро одевшись, выскочил из каюты на палубу, прислушался. Пушки гремели у Новодвинской крепости.

С причала по сходням на палубу кочи поднялся полковник Семен Ружинский, встрепанный со сна, с мешками под глазами. Шпага неуклюже висела у бедра, колотя полковника при каждом

движении по лодыжке. Ружинский, как будто воевода о том не догадывался, сказал:

— Швед пришел. Палят! Что делать будем, князь?

Прозоровский молчал, слушая канонаду. Потом распорядился:

— Будь здесь, обороняй устье. Мне надобно поспешать к Архангельскому. Вдруг шведы туда прорвутся? Вели подогнать карбас и дай мне пяток солдат!

Ружинский, спотыкаясь на сходнях, сошел на берег и побежал к причалу, где стояли малые суда. Прозоровский пошел собираться в дорогу. Дрожащими руками скидал в укладку бумаги, лежавшие на столике, холоп Парфен впопыхах, как попало, складывал в ларец походные припасы — посуду, остатки еды, потом потащил ларец и укладку на палубу.

Вскоре карбас на веслах отошел от кочи и повернул к Архангельску. Воевода, ежась от утреннего холода, как нахохлившийся ворон, сидел на банке, угрюмо посматривая на проносившуюся воду. По Мурманскому устью шла мелкая незыбкая волна. Над карбасом сновали чайки, крича надоедливо, тревожно. Прозоровский прикрикнул на гребцов:

— Хватит спать! Навались!

Гребцы-солдаты встрепенулись от сурового воеводского окрика и налегли на весла так, что вода пошла от них бурунами. Карбас сразу рванулся вперед.

Отплитие воеводы с Мурманского устья не на Прилук, а в Архангельск было похоже на бегство, но он меньше всего думал об этом.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Пуля, выпущенная впопыхах из шведского пистолета, пробила Ивану навилет правое плечо. «Конец!» — подумал он, ожидая следующего выстрела. По груди, по подмышке потекла теплая кровь. «Добьют, басурманы!» — подумал Иван и потерял сознание.

Очнувшись от слабого толчка в бок. Осторожно поднял голову. Дверь каюты настежь распахнута. Тишина, и рядом — очень слабый голос:

— Прощай, брат. Умираю...

Превозмогая боль, Иван сел, увидел Борисова. Тот лежал на боку с бледным бескровным лицом, прижав руку к животу.

— Што ты, друг! — испуганно пробормотал Иван, склонился над переводчиком, провел ладонью по его холодному лбу.

— Все... прощай! — Борисов дернулся и затих. Глаза его затуманились.

Иван встал на колени, расстегнул воротник рубахи Борисова и приник ухом к его груди.

Сердце не билось. Иван стал трясти голову Борисова, тереть ему уши, но тот не шевелился.

— Прощай... — Он поцеловал Борисова в лоб и с трудом поднялся на ноги. В глазах пошли круги, но Иван удержался, не упал. Правая рука онемела, повисла, как парус без ветра. Рукав был мокр и холоден. Ивана стал бить озноб. Стуча зубами, он вдоль переборки кое-как добрался до двери, выглянул в нее. Увидел взломанную ядрами палубу, валявшиеся в беспорядке обрывки парусов, канаты, обломки мачты, разбитый боченок.

Людей не было видно.

«Верно, ушли! Наша взяла!» — эта догадка придала Ивану сил, и он, выбравшись из каюты, подошел к фальшборту. Глянул на родной русский берег, видневшийся вдаль, на строительные леса у стен крепости.

«Ловко я посадил их, — подумал. — Как раз напротив пушек!»

Его не интересовало, что осталось на корабле после обстрела. Он смотрел только на берег.

«Поболе версты будет. Доплыву ли?» Попробовал было поднять правую руку, плечо пронзала острая боль, в глазах померкло, Иван беспомощно осел на палубу.

Селиверст Иевлев приказал Федору Венерищу, зятю полковника Ружинского, осмотреть покинутые судна, если можно — отбуксировать их к берегу, а если фрегат и яхта не на плаву, снять и перевезти в крепость пушки, ядра, припасы и все, что осталось там ценного, особенно неприятельские знамена, которые в виде трофеев Иевлев намеревался преподнести воеводе Прозоровскому, хоть и не питал к нему уважения из-за того, что в период баталии князь, вместо того чтобы быть при войске, бежал с Мурманского устья в город и отсиживался там в своих хоромах, под защитой высоких стен.

Карбас наскоро подгрел к борту фрегата. Взойдя на него, солдаты увидели лежавшего в беспомощности Рябова, привели его в чувство и увезли на берег.

В тот же день Селиверст Иевлев отправил в Архангельск гонцов с вестью о победе и в качестве доказательства тому — шведское знамя и «чиненое» ядро. В донесении князю Прозоровскому стольник писал, что «неприятельские корабли взяты, а воинских людей с тех кораблей сбил». Стольник просил воеводу, чтобы тот прислал к нему «в прибавку» служилых людей, ядер, пороху «впредь для опасения» и велел бы принять завоеванный фрегат. Яхта была совершенно разбита, и снимать с мели ее не имело смысла.

Воевода, немало обрадовавшись удачному исходу поединка крепости с иноземными кораблями, тотчас прислал на остров Прилук солдатского голову Григория Меркурова с отрядом, двадцать пушек, ядра и порох. О трофейном фрегате воевода распоряжений никаких не дал, и стольник по своей воле все же отправил судно на буксире в Архангельск.

Такое своеволие Прозоровскому не понравилось. Он велел вернуть обратно «сей свейский трофей» и вскоре сам отправился на Прилук, чтобы во всем разобраться на месте.

Рябова перевязали, накормили. Сам стольник Иевлев, когда Иван рассказал ему о том, как он вел шведские корабли с целью посадить их на мель под пушки Новодвинской крепости, поднес ему штоф вина, перевел из сырого рабочего барака в избу стряпухи и даже отвел отдельную каморку с кроватью.

Рябов набирался сил, чая поскорее оправиться от раны и добраться до дому. Все сердце изболелось по Марфе.

Между тем на Ивана надвигалась темная туча.

На Линской Прилук прибыл воевода. Едва сойдя с пристани, он уже начал браниться на чем свет стоит. Подбежавшего к нему инженера Резена Прозоровский чуть было не ударил по шее, кричал, брызжа слюной:

— Ты, так твою... почему приостановил работы? Люди без дела шляются, стена и на вершок не подросла! Ужо, доберусь я до вас!

Резен, бурев от сдерживаемого гнева, оправдывался:

— Была баталия! Шведы зело побии кладку ядрами: чинить пришлось, князь-воевода! Сие ведомо тебе!

— Чего побиили? Чего побиили, спрашиваю тебя?! — кричал воевода. — Жалко, што тебя, дурака, ядром не стукнуло между глаз! Ты мне свое нерадение на баталию не вали! Эка баталия — два кораблишка разбили тридцатью пушками! Порох и ядра все извели! Палили боле в воду, чем по цели. Вояки!

Воевода не участвовал в сражении, и, стало быть, лавры победителя достались не ему. От этого Прозоровского распирала злость, честолюбие играло в нем, как дрожжи в недоходившей браге. Ввалившись со свитой в казенную избу, он послал за Иевлевым, который в это время находился на стройке, и, когда тот прибежал, стал срывать свою злость на нем:

— Ты, шукура поганая, почто не в свое дело вступаешься? Почто бодягу сочинил — ведомость архиепископу Холмогорскому о приходе неприятеля? Отвечай!

Архиепископ Афанасий в часы баталии на Прилуке не был. Несколько дней тому назад он

по делам епархии отбыл в Холмогоры и запросил оттуда через гонца донесение от Иевлева. Воеводу это немало бесило.

Он сидел в окружении воинских командиров, иноземцев, русских купцов, привлеченных сюда любопытством. Был в подпитии, и это придавало ему злости и куражливости.

— Отвечай! — воевода с силой хватил кулаком по столу, забрякали стеклянные штофы, на пол покатились серебряная чара. Иноземцы пересмеивались, пуская клубы дыма из своих трубок.

Все существо Иевлева взбунтовалось против такого бесцеремонного обхождения. Разве не он оборонил крепость? Разве не он досматривает за стройкой?

— Будешь отвечать али нет? — требовал Прозоровский.

— Ты, князь-воевода, на меня не кричи, — с достоинством отозвался стольник. — Я как-никак прислан сюда царем и ответ буду держать перед ним. А писал я архиепископу ведомость потому, что он сам меня просил о том!

— Ты еще оправдываться? Ах ты, шишка поганая! — рявкнул воевода, вылез из-за стола, опрокидывая посуду, выхватил из ножен шпагу и принялся плашмя лупить ею, как батоном, Иевлева по голове. Стольник, подняв руки, защищался от ударов, ретируясь к двери, но его настигли люди Прозоровского, схватили, растянули по приказу воеводы на полу.

— Высыпать ему горячих! — гремел воевода. Его лицо побагровело, глаза горели.

Однако бить стольника не стали. Воевода, покуражившись над ним, остыл и приказал отпустить Иевлева под арест.

Узнав, что в соседней избе находится кормщик, который привел шведа под стены крепости, воевода взбеленился:

— Каков гусь? Шведа привел под самый Архангельск! А этот лапоть, что именует себя стольником, ходит за ним, как нянька! Где кормщик? Шкуру спущу!

Рябов сидел в каморке возле окна. Он уже настолько оправился, что начал ходить и собирался через день домой, в деревню, с попутным суденышком, что пойдет за рыбой для трудников.

Вбежал солдат, приносивший ему еду, испуганно шепнул:

— Воевода идет! У-у-ух, лютой! Берегись!

Солдат исчез, будто и не был. В каморку, пригнувшись у входа, шагнул князь Прозоровский, — высокий, в кафтане зеленого сукна, при шпаге и парике. Иван вскочил, остолбенел при виде князя.

— Кто таков? — спросил воевода, глядя мимо Ивана.

— Иван Рябов, кормщик Николо-Корельского монастыря, боярин-воевода!..

— Это ты привел шведов?

— Я, князь-воевода, их на мель посадил с умыслом!..

— Молчать! Ведом мне твой умысел: за деньги привел неприятеля с пушками, чтобы Архангельск взять?

— С умыслом я... под пушки нарочно шведа привел!..

— Молчать! Четвертовать тебя мало! Взять его! В тюрьму, в Архангельск немедля! Заковать! Ивана схватили, отправили в город.

Обиженный Прозоровским стольник Селиверст Иевлев был отстранен «от воинского дела» на Линском Прилуке. На его место воевода назначил солдатского голову Григория Меркурова, приказав ему «корабли и припасы ведать».

Стольник обратился с жалобой в архиерейский приказ в Холмогоры. Он подробно рассказывал о бесчинствах Прозоровского, о том, как воевода, прибыв на Прилук, выбрал Иевлева последними словами, «учал его бить шпагою», и стольника «было задушили», «и велел он (воевода) принести батоги и дубье, и не бив его, послал Селиверста за караул безвинно, и за караулом был он, Селиверст, часа четыре». Далее Иевлев упоминал, что «от того бою стал он увечен».

Афанасий, морща лоб и поджимая тонкие губы от неудовольствия, долго перечитывал челобитную, размышлял: «Крут, ох, и крут князь Алексей Петрович. И несправедлив к тому же. За что было наказывать стольника, который своей распорядительностью спас понизовье от шведа? Неразумно и необъяснимо,— заключил владыка, пряча письмо в резной с костяной инкрустацией ларец работы холмогорских мастеров.— Сам при войске не был, а царю отписал, будто его заботами и радением разбиты швейские корабли. А о стольнике — ни слова».

Одному только архиерейскому ведомо, как попал к нему список с реляции воеводы царю Петру. Есть у Афанасия глаза и уши на воеводском дворе, в приказе.

Действиями воеводы преосвященный был недоволен чрезвычайно и поэтому, не мешкая, отправился в Архангельск, чтобы поговорить с Прозоровским с глазу на глаз. Иначе нельзя: придет время — царь обо всем спросит. Слышно, Иевлев уже строчит жалобу в Новгородский приказ в Москву.

Раннее утро залило розовым теплым светом белокаменные стены Преображенского собора в Холмогорах. Его пять луковичных глав, обитых «лемехом» — осиновою чешуей, — словно бы парили над избами крестьян, рыбаков, посадских и купчишек как напоминание о величии и мощи православной церкви, об утверждении никонианства, верным последователем которого был Афанасий.

Рядом с собором высилась каменная шатровая колокольня. Неподалеку, в двухэтажном кирпичном здании с лепными обрамлениями окон и дверей, — архиерейские палаты.

Над обрывом на высоком берегу Курополки стоял Афанасий, одетый по-дорожному, ожидал, когда внизу, у причала, монахи погрузят в карбас припасы. Скрестив руки на груди, преосвященный любовался видом собора и колокольни. Эти два строения были его детищем. Памятным августовским утром 1685 года неподалеку от только что возведенной и освященной колокольни владыка собственноручно измерил место, где быть соборной каменной церкви. Шесть лет прошли в трудах и заботах. Собор был возведен как образец северного церковного зодчества, с резными и лепными украшениями снаружи и росписью на манер древнегреческих фресок внутри.

«Довольно быстро построили собор, — думал Афанасий. — Аника Строганов воздвигал Благовещенский собор в Соли Вычегодской девятнадцать

лет, а я — шесть. Труды не прошли даром. Однако старообрядчество и до сих пор прячется по лесным скитам, по отдаленным двинским, онежским да мезенским деревням. Живуча старая вера, яко крапива: посечешь в одном месте, поднимется в другом».

Подъехала к берегу подвода. Два дюжих монаха сняли с нее деревянный садок с живой рыбой. Афанасий предупредил:

— Осторожно грузите, чтобы рыба о садок не побилась! Свеженькой надобно ее в Архангельск доставить.

В утренней тишине хлопали крыльями над куполом колокольни голуби. Полусонный звонарь, перекрестив лоб, взялся за веревку колоколов, и поплыл над селом торжественный звон.

Монахи, немало покряхтев, спустили тяжелый садок на причал и бережно поставили его в середку карбаса. Афанасий сошел вниз, сел в карбас и сказал:

— Весла на воду. С богом!

Отчалили. Бородатые гребцы, поплевав на ладони, взмахнули веслами, карбас побегал вниз по Курополке, вышел на двинской простор и повернул нос в низовье.

Вечером на своем подворье в Архангельске, в теплой, с запахами душистых трав и горячего воска палате, архиепископ сидел в резном с подлокотниками в виде львиных лап кресле перед зеркалом. На грудь и плечи накинута полотняная салфетка. Проворный монашек немецкой бритвой обрабатывал архиепископский подбородок на европейский манер. Карие глаза холмогорского владыки сверкали остро, моложаво. Длинные волосы собраны и подвязаны на затылке узлом. Афанасий вытягивал губы, надувал щеки, чтобы цирюльнику было сподручнее действовать бритвой. Кончив бритье, монашек омочил в горячей воде и отжал салфетку, ловко сделал теплую примочку, помахал куском полотна перед архиепископским носом и откланялся.

Подвинув поближе на подзеркальном столике флаконы с духами, благовониями и коробку с пудрой, Афанасий стал обихаживать сытое лицо.

Мягко ступая по ковру, вошел Панфил — верный слуга архиепископа, его соглядатай при дворе воеводы, тайный осведомитель и доверенный в интимных делах.

— Здравствуй, Панфил! — по-светски приветствовал его Афанасий, ласково улыбаясь. — Какие новости? Чем порадуешь?

Панфил, став за спиной кресла, отвесил почтительный поклон — это Афанасий видел в зеркале — и вкрадчиво заговорил:

— Отроковица Натальюшка скучает. Севодни утром от чая отказалась, ни светских, ни духовных книг не читала, вышивку забросила...

— Что с ней? Может, нездорова?

— Какая хвороба в двадцать лет да при таком хорошем содержании, ваше преосвященство! Плохое состояние духа, надо думать, другим объясняется... Отсутствием вашим... — Панфил помолчал, совсем тихо закончил: — Утешить надобно.

Афанасий, подняв руку с вытянутым указательным пальцем, дал этим понять, что разговор об отроковице закончен, и осведомился:

— Что слышно в воеводском приказе? Нет ли от царя Петра Алексеевича ответа на воеводскую реляцию о победе над швейскими кораблями?

— Есть, ваше преосвященство. Государь похвалил воеводу за распорядительность и велел выдать победителям по десять рублей на каж-

дого, рядовым же стрельцам и солдатам по рублю. А побитые неприятельские корабли указал исправить и поставить в удобном месте во всякой готовности...

— Вот как? Добро, — сказал Афанасий, встал, прошелся по палате. — Вести зело отрадныя.

— Еще сказывают, ваше преосвященство, что корабли швейские посадил на мель кормщик Николо-Корельского монастыря Иван Рябов. С умыслом посадил, под пушки.

— Рябов? О том я не слышал, и кормщик мне не ведом. Поступок, однако, достойный одобрения.

— Да... но воевода распорядился оногo Рябова посадить в тюрьму.

— В тюрьму? — Афанасий изумленно поднял брови. — За что же?

— За то, что кормщик нарушил царский указ, коим запрещено было рыбакам в море выходить. Не по своей воле, надо думать, нарушил, по велению настоятеля...

— Гм... вот как! Над сим следует поразмыслить... Ну, брат Панфил, что еще скажешь?

— Норвежские да аглицкие купцы челом бьют воеводе, просят выпустить их из гавани домою. Воевода же сие не разрешает.

— Пусть постоят в гавани. Домой успеют. Не перед ледоставом время. На дворе, слава богу, июнь.

— Вот и все, — опять поклонился Панфил.

— Спасибо. Можешь идти. Да! Распорядись в горенке отроковицы Натальюшки попозже накрыть стол. Винца сладкого, стерлядки, семужки, сластей... словом, знаешь сам.

— Будет исполнено, владыко.

— Я теперь же пойду к князю. От него возвращусь, навещу Натальюшку. Привез я ей из Холмогор подарок: медвежонка, из моржового зуба выточенного. Зело искусная работа. Может, развеселится она от сего презента...

Панфил, храня бесстрастное выражение на лице, удалился.

Воевода недавно пришел из бани, отдышался от хлесткого венника и теперь сидел за столом и пил клюквенный морс, заедая его моченой морошкой, сдобренной сахаром. Вкусно причмокивал. Воротник сорочки голландского полотна расстегнут, крупная тяжеловесная фигура излучает тепло и сытость.

Афанасий, войдя, счел нужным извиниться:

— Прости, князь, что заглянул к тебе в сей поздний час. Недавно прибыл и решил, не мешкая, свидеться с тобой.

— Садись, — воевода вялым жестом указал на стул со штофным сиденьем. — С прибытием тебя. Чаю, все свои духовные дела справил в Холмогорах?

— Все, что было потребно, сделал.

— А мы тут тоже праздну не сидели. Шведов угостили от всего русского гостеприимства. Удрали, смазав пятаки... Больше, верно, не посмеют в гости незванно...

— Думаешь? — Афанасий поудобнее устроился на сиденье и чуть наклонился вперед, к хозяйину. — Рано успокаиваться. — С Карлом, королем швейским, пока замиренья нет, и неведомо, какие штуки он может еще отмочить. Порох надобно держать сухим!

«Сухим...» воевода насупил, не перенося насидательного архиепископского тона. — Чего ты,

хлюст долгополый, все выговариваешь мне, как мальчонке неразумному! Отсиделся в Холмогорах на своем подворье, теперь с наставлениями лезешь!»

Думая так, воевода, однако, решил вести себя с владыкой похитрее и сказал:

— Все может быть. Ну да у нас пушки наготове. Сунутся еще — намнем бока!

Воевода умолк. Молчал и Афанасий, раздумывая, с чего начать щепетильный разговор. Наконец, выпив предложенного хозяином морсу из толстого, украшенного затейливым рисунком стакана, он отер губы и начал:

— Пошто стольника обидел, князь?

Воевода резко вскинул голову, повернулся так, что под мышкой хрустнуло:

— Уж успел нажаловаться?

— Не скрою, была жалоба. Неласково ты с ним обошелся, Алексей Петрович. Противу священного писания...

— Своеволье допустил Иевлев. За то и наказал. Воинского дела не знает, а мнит себя героем. Фрегат шведской битой в Архангельск направил без моего повеленья... И к тому же, владыко, разве не волен я твердой рукой порядок править? Што будет, ежели каждый будет соваться не в свои дела?

Афанасий сощурился, выпятил нижнюю губу, молча проглотил обидный намек.

— Единовластие, данное от бога и государя, — столп, подпирающий благополучие Руси, — продолжал Прозоровский, ковыряя ложечкой в тарелке с морошкой. Потом отодвинул стакан, обиженно звякнувший о бок графина. — О том государь Петр Алексеевич денно и нощно печется...

— Единовластие необходимо. Однако и суд надо вершить справедливо, — сухо отозвался Афанасий.

«Донесешь царю, поп окаянный! — думал воевода, — Чтоб тебе черти снились каждую ночь!»

А владыка думал свое: «Придется все хорошенько разузнать и государю подробно отписать. В поборах воевода жесток, не только купчишки, а и простой народишко кряхтит от его мздоимства. Что ни день — правож, битье... От сего одно недовольство. А от недовольства до бунта — рукой подать. Воинов, коих следует отличить за усердие, преследует неправедными укорами... Взять хоть того же стольника».

Вспомнив о Рябове, Афанасий поинтересовался:

— Слышал я, швейские корабли на мель, прямо под пушки, посадил кормщик Николо-Корельского монастыря. Поступок — достойный похвалы. Но, наслышан я, Рябов в тюрьме?

— И поделом! Воровской поступок, владыкой Именно так, — резко возразил Прозоровский. — Привести корабли к крепости — не предательство ли самое черное? В чем ты усматриваешь добродетель кормщика? Умный ты человек, Афанасий, а простого не разумеешь... И окромя того, что корабли привел, Рябов оный еще и царский указ в море не выходить нарушил!

— Дда-а-а... Указ есть указ. То верно, — неопределенно протянул владыка.

— Не советовал бы я тебе, Афанасий, печься о стольнике да мужичишке-кормщике. У меня своя голова на плечах.

Афанасий умолк и решил перевести разговор на другое, не желая обострять беседу:

— Как дела у Бажениных?
— Спустили вчера еще один корабль. Торговый.

— Надобно будет съездить к ним на верфь. Давно не бывал.

Больше у Афанасия с воеводой об Иевлеве и Рябове речи не было. Однако в своем донесении царю архиепископ подробно и обстоятельно изложил все события, не забыв и о неблагоприятных поступках Прозоровского.

— Ну как, отошел? — над Иваном склонился плечистый русоволосый мужик с веснушками на щеках и с бородой, в которой запутались соломинки, клочки пакли и еще бог весть какая дрянь.

Иван хотел поднять руку и не смог. Руки скованы. Ноги — тоже. Он лежал на охапке соломы под узеньким забранным решеткой оконцем. Спину и пониже ее жгло огнем.

— Ишь как тебя отделали воеводские холопы! — русоволосый мужик ощерил в улыбке крепкие зубы. — Ну, теперича все. Боле лупить не будут. Меня тоже поначалу так обработали — неделю валялся.

Иван невесело улыбнулся. Русоволосый пошел куда-то в дальний угол, принес берестяный туюс с водой, поднес его к губам Ивана. Тот, вытянув шею, жадно пил тепловатую, невкусную воду, скользя взглядом по лицу своего доброже-

лателя. Мужик отнес туюс на место, вернулся, сел рядом.

— За што они тебя так?

— Не знаю. — Иван глубоко вздохнул. — Закурить бы!

— О том забудь! Тута курицево заказано. Пожара судные дьяки опасаются.

Иван обвел взглядом низкое помещение, набитое узниками. Тут были проштрафившиеся пьянчужки-посадские, мужики, бежавшие с Прилука, со стройки, а также и те, кто не заплатил вовремя в казну подати. Узники лежали и сидели на земляном полу, устланном соломой, почесывались, кряхтели, переругивались. Как и когда попал сюда Иван, он не помнил. Помнил, как его били на правееже за судной избой плетьюми якобы за нарушение царского запрета выходить в море на промысел. Там, на скамье-кобылке, под плетьюми он потерял память, и его внесли сюда полуживым.

«Такова воеводская благодарность за мою службу, — с горечью подумал Рябов. — Привел шведа под пушки и посадил на мель, а меня, яко вора, в железа да под плети! Горькая судьбина! Где правда?»

— Где же правда? — спросил он русоволосого мужика.

— У воеводы за гашником правда-та! — отозвался тот и опять ощерился в озорноватой улыбке.

— Яко у кобылы под хвостом! — добавил оборванный посадский.

Узники невесело рассмеялись.

— Всяк правду знает, да не всяк ее бае! — У воеводы правда и не ночевала!

... Потянулись унылые, тягостные дни в тюрьме. Сначала Иван все еще на что-то надеялся. Рассчитывал, что воевода вспомнит о нем, пожалует, скажет: «Кормщик Рябов сослужил нам немалую службу, выпустите его!»

Но воевода, как видно, забыл о нем. Где там! Разве мало у него дел? Разве вспомнит он о безвестном поморе, несправедливо упрятанном в застенки!

Однажды тюремный сторож, приотворив низенькую, черную от копоти и грязи дверь, позвал:

— Есть тут Рябов, кормщик Николо-Корельского?

— Есть! — отозвался Иван, обрадованно заворочавшись на убогом ложе.

Сторож, воровато оглядываясь, снял железа с его ног и повел к выходу. Выйдя в караулку, Иван увидел жену.

Немало труда стоило Марфе узнать, где муж. Много бабьих хитростей и уловок пришлось применить, чтобы добраться до тюрьмы. И вот она стоит перед Иваном — похудевшая, с темными обводами вокруг глаз, но все такая же родная и любимая!

— Иванушка-а-а! — жарко зашептала Марфа и кинулась ему на грудь. — Любой ты мой, единственный! За што тебя так наказали, за какую провинку? Но нет за тобой никакой провинки... — она залилась слезами. — Нет за тобой провинки, честный ты мой, золотой ты мой!..

Сторож угрюмо стоял поодаль, наблюдая за этой сценой, то и дело поглядывая за дверь.

Иван, звеня цепью, пытался гладить плечо жены. Он не стыдился слез: слишком много пережил, слаб стал характером. Он был бесконечно благодарен жене за то, что сумела найти его, пробраться сюда, в тюрьму, куда никого не пускали.

Сторож поторапливал. Марфа оставила Ивану узелок с харчами, поцеловала его сухие запекшиеся губы и шепнула:

— Я тут в городе буду. К тебе каждую неделю стану наведываться. По воскресеньям...

Она ушла. Иван вернулся в камору, сторож снова надел кандалы. По-братски поделился лоцман харчами, что принесла Марфа, с товарищами. На душе стало и тепло и тоскливо. Еще тоскливее, чем раньше. Так захотелось на волю, домой, в свою деревню, в родную избу! Так захотелось жить по-старому, по-привычному: ходить в море, возвращаться с добычей, париться в баньке, веселиться с друзьями-рыбаками за столом, копаться на огородах, косить сено для коровы, пахать землю под ячмень...

Но все это оставалось несбыточной мечтой.

Так и жили они почти целый год: Иван в заточении, тюрьме, Марфа — и на воле, да в неволе. Она часто навещала его, приносила еду, бельишко, теплую одежду к зиме. Иногда им удавалось свидеться. Но к весне свидания стали редкими: жена истратила все деньги на подкуп тюремщиков.

Взломало лед на Двине, и понесся он в Белое море по полой вешней воде. Весной 1702 года воевода Прозоровский был отозван царем из Архангельска. На место его заступило новое начальство — стольник Василий Андреевич Ржевский.

30 мая Архангельск громовым пушечным салютом и колокольным звоном встречал императора Петра, посетившего берега Двины в третий раз.

На двенадцати дощаниках, с сыном Алексеем и с четырьмя тысячами солдат-преображенцев, Петр прибыл в Архангельск и, как и прежде, избрал местом резиденции Мосеев остров.

Сразу же по прибытии царь стал интересоваться подробностями баталии, случившейся на Двине почти год назад. Отметив распорядительность архиепископа Афанасия и храбрость стольника Иевлева, царь наградил их. И тут кто-то из горожан рассказал Петру о том, что в застенке томится лоцман Иван Рябов, посадивший на мель под пушки вражеские корабли. Царь распорядился немедленно привести к нему того кормщика.

Два солдата-преображенца, дружно, в ногу стучавшие каблуками по тесовым мосткам, вели Ивана Рябова из тюрьмы на подворье воеводы, где остановился царь, приехавший с Мосеева острова. Иван шел, пошатываясь от пьянящего весеннего воздуха, не ведая, куда ведут, и не зная, радоваться ему или горевать перед новым испытанием.

Вдали, над церковными куполами, вились тучей галки, оглашая воздух суматошным криком. Посадские женки шли с коромыслами на плечах от реки, придерживая руками деревянные ведра с водой и опасливо оглядываясь на солдат, ведущих изможденного оборванного мужика.

— Куды тепер, на виселицу? — спросил Иван у солдат.

Молчали солдаты, каменно невыразительными были их лица. На плечах покачивались тяжелые мушкеты, грозя свинцом.

Привели во двор воеводского дома, приказали подняться на крыльцо. Там тоже стояли два солдата с ружьями по обе стороны крашенной охрой двери. Иван замешкался, торопливо перекрестился и, шагнув в темный проем, в сени, услышал, как один из доставивших его сюда преображенцев тихонько сказал:

— Царь ноне весел. Проси милости у него! «К царю привели?» — сердце у Ивана обомлело, и он уже почувствовал, как петля стягивает ему горло. Он не помнил, как следом за петровым денщиком вошел в просторную залу и остановился, ослепленный ее великолепием.

За длинным столом, покрытым бархатной с золотым шитьем скатертью, сидело много людей. Старые и молодые, гражданские и военные, бордатые духовники, вельможные бабы с голыми плечами. Петр — под иконами в серебряных окладах, во главе застолья, в запахнутом зеленом кафтане, в белой сорочке с бантом на груди, — откинувшись всем корпусом, смеялся, топорща черные усики. Денщик, выждав, когда царь обратит на Ивана взор, доложил, молодцевато прищелкнув каблуками:

— Иван Рябов, лоцман, ваше императорское величество!

— А-а-а! Рябов! — Петр вышел из-за стола, направился к кормщику. У Ивана ноги стали будто деревянными. Голову сверлило сомнение: «Встать на колени? Просить милости?»

Но злость, накопившаяся за год вынужденного сиденья в тюрьме, обиды, нанесенные воеводой, заставили кормщика гордо поднять голову и перед царем. Иван, удивившись уверенности и

звучности своего и будто не своего голоса, сказал:

— Кормщик Рябов, государь-батюшка... пред твои светлые очи...

Царь подошел, крепко вцепился большой рукой в его плечо, заглянул в глаза, увидел в них затаенное недовольство, крякнул, выпустил плечо.

— Ну, что скажешь, кормщик? — спросил, отойдя на шаг.

— А дозвожь, государь-батюшка, вопрос тебе задать.

— Валяй! — одобрительно кивнул царь.

— Пошто ноне на Руси повелось: людей, кои не жалея живота пасут ее от беды, порют плетьюми да в тюрьму сажают?

Царь выслушал вопрос, потемнел, вернулся на прежнее место за стол, обронил в наступившей тишине:

— Дерзок! Дерзок, кормщик! Но понимаю — обидели тебя. Обидел прежний воевода. За то и лишен воеводства. Подойди сюда, кормщик!

Царь взял штоф, выбрал на столе чару поболее, налил ее до краев, потом налил себе. Гости тоже послушно наполнили свои чарки.

— Держи, кормщик! Выпьем с тобой за матушку Россию!

Иван подошел, дрожащей рукой взял чару, подумал: «Авось, обойдется. Спаси господи!» Перекрестился, храбро опрокинул чару, закусил куском мяса, услужливо поданным кем-то из гостей.

— Ну, рассказывай теперь, как шведов под пушки вел, — приказал царь, указав на свободный стул.

Иван рассказал все как было, без утайки. Царь слушал внимательно, не сводя с кормщика пронзительных ястребиных глаз с желтыми прожилками в белках, а выслушав, сказал:

— Добро, ежели так, кормщик! Молодец, хвалю! И верю тебе. Нельзя не верить поморским людям: перевидали на своем веку бед не мало, смотрели смерти в глаза прямо. Такие не подведут! И помни, кормщик, не мне служишь — государству российскому! Спасибо тебе!

Гости одобрительно загудели, захлопали в ладони, опять взялись за чарки. Царь снова наполнил чару Ивана:

— Пей, кормщик, на вторую ногу, чтоб не захромать!

Иван выпил еще и почувствовал, что пьянеет. Крепка царская анисовка. Да и то сказать, за был уж, когда в последний раз пил. Царь кивнул Ивану и на прощанье встал:

— Дарю тебе кафтан со своего плеча. Деньжишек получишь за верную службу. Велю освободить тебя, кормщик, от всех податей и тягла на все время, сколько хватит жизни твоей!

Тут Иван, обрадованный, обласканный царем, брякнулся на колени. Царь засмеялся:

— Э, кормщик! Негоже помору на коленях ползать, хошь бы и перед царем! Вставай, иди! Ты свободен!

С тех пор много воды утекло в Северной Двине в море Студеное — Белое море. По-прежнему над ней кружат чайки, и белой кипенью отливают их чистые крылья. На берегах Двины вы-

рос красавец город, город-порт Архангельск. От старой Новодвинской крепости остались одни развалины. Времени прошло немало, да и в свое время растащили крепость почти всю по плитам для продажи духовники епархиального ведомства. Остатки крепости охраняются государством как архитектурный памятник старины.

Своенравная Двина замыла, стерла на нет Марков остров, что был напротив Прилука.

Многое изменилось в этом краю.

Весной, с открытием навигации, в Архангельск, к многочисленным причалам лесопильных заводов, идут иностранные суда за янтарной беломорской доской, у входа в Двинское устье их неизменно встречают советские лоцманы. Они выходят навстречу гостям из-за рубежа на современных быстроходных катерах, занимают свое место на капитанском мостике и несут сложную и почетную вахту.

Это — потомки древних поморов, старинных кормщиков, потомки Ивана Рябова.

Временами в Архангельский порт заходит пароход-лесовоз, на бортах которого написано имя этого славного русского лодейного кормщика.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

В октябре 1963 года в газете «Правда» была опубликована статья «Верность» о капитане госбезопасности Александре Дмитриевиче Русанове. В ней рассказывалось о героической гибели этого человека — узника Заксенхаузена. Когда пытки стали невыносимыми, капитан вскрыл себе вены. На листке бумаги он написал: «Победа наша. В эту победу я вложил свою лепту, но не пришлось посмотреть плоды своей работы, ибо страданиям должен быть предел... Прощай, Родина и соотечественники! Родину не предал, секретов не выдал! Твой сын Александр Русанов».

Образ А. Д. Русанова увлек ребят — учащихся 4-й школы города Каменска-Уральского, и тогда они стали собирать материал о капитане госбезопасности, разыскивать его родных и знакомых. Первые письма следопыты отправили в Тимский район партии Курской области и Архангельский обком КПСС, где работал друг героя М. И. Иконников. Эти адреса упоминались в «Правде». Очень скоро получили ответ из Тима с адресом сестры и матери Александра Дмитриевича. А потом М. И. Иконников прислал статью «Мы звали его Чапай», напечатанную в газете «Правда Севера», в которой описывалось бесстрашие и находчивость Русанова. Это он 1 мая 1944 года сумел связаться в конц-

лагере с немецкими коммунистами и переслать через них несколько картофелин и записку советским коммунистам. В записке говорилось: «Дорогой друг! Поздравляю с праздником 1 Мая! Очищается от захватчиков Советская земля. Враг будет разбит. Победа близка. Мужайся! Да здравствует Родина! Смерть фашистским оккупантам!» В этот же день А. Русанов перед отбоем организовал первомайский концерт. Пели Гимн Советского Союза, «Катюшу», «Священную войну».

Сестра Русанова Галина Дмитриевна сообщила ребятам о старом кинофильме «Битва за новую Спарту», в котором снимался Александр, предложила им прочитать книгу Владимира Сосюры «Неустрасимые». И, наконец, состоялось знакомство с бывшим узником концлагеря Заксенхаузен Александром Андреевичем Сарапкиным, который живет там же, где и следопыты, в городе Каменске-Уральском. Это о нем, М. П. Девятаеве и Н. И. Кузнецове снят Свердловской киностудией фильм «Суровая память». Александр Андреевич награжден орденом Красной Звезды и является лауреатом Золотого ордена за заслуги перед отечеством ГДР. А. А. Сарапкин принимал активное участие в движении Сопротивления в концлагере и спас от смерти руководителя антифашистского

центра советского генерала А. С. Зотова. Это он был переводчиком между немецкой и советской подпольными организациями. Все знали его тогда по кличке «Андрей».

В лагере смерти А. А. Сарапкин познакомился с Зеппом Хааном — старым немецким коммунистом, лично знавшим В. И. Ленина. Он был соратником и учеником Клары Цеткин, Эрнста Тельмана. Тюрьмы, побеги, концлагеря... Но Хаан не сдавался. После войны он написал книгу «Безмолвная схватка», которую в 1964 году Сарапкин перевел на русский язык. В предисловии Зепп Хаан писал: «Мне хотелось бы отметить самоотверженный труд переводчика — начальника смены глиноземного цеха Уральского алюминиевого завода в городе Ка-

Супруги Клаузен и А. А. Сарапкин.

менске-Уральском — моего хорошего друга А. А. Сарапкина. Он тоже бывший узник Заксенхаузена и больше, чем кто-либо другой, знает те условия, в которых нам приходилось жить и бороться. Я рад, что моя книга переведена человеком, с которым мы бок о бок прошли последний трагический марш от Заксенхаузена до предместьев Шверина».

А вот что писал уральцу генерал А. С. Зотов: «Когда меня транспортировали в команду «Лихтерфельде», я думал, что пришел конец. Но встреча с Вами, знакомство с немецкими товарищами — коммунистами прибавили сил. Выжили, выжили благодаря твердой вере в свою Родину и партию, благодаря жгучей ненависти к фашизму».

К материалам о А. Д. Русанове, А. А. Сарапкинне, Зеппе Хаане прибавились письма от члена ЦК СЕПГ — Курта Швотцера, супругов Клаузен. Последние подарили ребятам редкий портрет Рихарда Зорге, переданный Клаузенам женой бесстрашного советского разведчика. Так статья в «Правде» дала следопытам толчок для интересного поиска. А в 1965 году в школе был открыт музей мира.

Естественно, ребят прежде всего интересовала судьба уральцев. Случайно они узнали, что недалеко от Каменска-Уральского, в селе Большие Брусняны, живет бывший узник Маутхаузена Виктор Иванович Масленников. Пригласили его на вечер.

— Тридцатого апреля 1942 года меня ранило в обе ноги. Это было на Волховском фронте под Ленинградом. Я попал в плен, — рассказал Виктор Иванович. — После того как встал на ноги, меня послали в рабочий лагерь на станцию Веймары около города Кингисеппа. Вскоре мы, восемь человек, бежали. Но неудачно. Сидел в тюрьме города Нарвы, двадцать одни сутки в одиночной камере, затем Каунас и Маутхаузен. Заключенные концлагеря подвергались нечеловеческим физическим и моральным испытаниям. Но ничто не могло согнуть советских людей. Знакомство с коммунистами других стран, с людьми, верящими в правду и силу Советского Союза, поднимали дух. Чувствовал ответственность за свое состояние, свое поведение. Ведь ты из страны Советов. Все вместе старались всячески мстить фашистам.

Еще одна судьба. Леонид Михайлович Пятых. До войны он учился в Свердловском музыкальном училище. Способный пианист, Пятых добровольно ушел на фронт. В сентябре 1941 года попал в окружение, хотел перейти линию фронта к своим, попал в руки фашистов. После неудачного побега его отправили в Заксенхаузен. Здесь он и встретился с А. А. Сарапкиным. Вместе они слушали советское радио и передавали содержание последних известий своим людям. Леонид Михайлович всегда помогал слабым, поддерживал связь с французами, бельгийцами, испанцами. Разучивал с ними «Наховку», «Песню о Родине», песни о Москве. Л. М. Пятых — узник № 56724 — снова бежал в 1944 году, но опять оказался в руках гитлеровцев.

После войны Леонид Михайлович окончил Уральскую консерваторию, написал прелюдию «Скорбь и гнев», посвятил ее двадцати семи антифашистам, казненным в 1944 году. Сейчас он — доцент консерватории во Владивостоке.

НА ПРИЗ НАШЕГО ЖУРНАЛА

Курт Швотцер — немец, член Социалистической единой партии Германии. Сын каменщика из немецкого города Цвиккау, Курт в четырнадцать лет стал подручным кузнеца.

Датой второго своего рождения Курт считает октябрь 1917 года. Революция в России пробудила в кочегаре кайзеровского миноносца стремление к свободе. Он впервые услышал о Ленине, о большевиках, о борьбе пролетариата за мир. В 1918 году Курт Швотцер — участник восстания моряков в городе Киле. 1 мая 1920 года двадцатитрехлетний рабочий вступил в Коммунистическую партию Германии и стал профессиональным революционером. Курта заочно приговорили к пяти годам каторжной тюрьмы. Он колесит по дорогам страны — из города в город, из округа в округ. В начале 30-х годов ЦК КПГ организует выезд Курта в СССР. Здесь он находит для себя вторую родину. Несколько месяцев он работал в Москве, а затем попросил направить его на строительство Кузнецкого металлургического комбината. «Я — кузнец! — убеждал Швотцер товарищей из немецкой секции Коминтерна, — и хочу принять личное участие в строительстве социалистической индустрии». Просьба его была удовлетворена.

«Я никогда не видел, чтобы люди так работали, — писал Курт Швотцер. — Невообразимая романтика труда. Каждый строитель, начиная от академика И. П. Бардина, партийных работников и кончая простыми замлекопами, Мосильцевым, Приваловым, Широковым, жили делами стройки».

Курт учил советскую молодежь своему любимому ремеслу и сам учился социалистическому строительству. Он полюбил сибирский край и людей Кузнецка.

Когда в Испании вспыхнул фашистский мятеж, сотрудник Коминтерна, бывший кузнец одним из первых был направлен в Испанию под именем Карл Гесс. Он участвовал в боях сначала простым солдатом, потом был комиссаром Интернациональной бригады. Попав в плен, больше года провел в тюрьмах Франко. Франкисты выдали немецкого коммуниста гестапо. Два года тюрьмы в Гамбурге, Берлине. Допросы, пытки. В 1940 году Швотцера отправили в концлагерь Заксенхаузен. Подпольным антифашистским комитетом здесь руководил Эрнст Шнеллер. Когда гитлеровская Германия развязала войну с СССР, Курту поручили связаться с советскими военнопленными. Он познакомился с генералом Зотовым. Вместе с ним он организовал боевые группы, которые саботировали работу на военных заводах, тайно приносили в лагерь оружие, собирали его и прятали в бараках. После разгрома фашистской Германии Курт Швотцер находился на партийной работе. Он говорит: «Я горжусь, что мы, немецкие коммунисты, всегда стояли с советским народом по

Рихард Зорге.

одну сторону баррикад, плечом к плечу, как единомышленники, бойцы, братья».

Швотцер был гостем следопытов Каменска-Уральского. А к 50-летию ВЛКСМ он прислал ребятам телеграмму: «Сердечные поздравления к 50-летию юбилею. Желаю историческому кружку успехов в учебе и в строительстве коммунизма. Курт Швотцер — член ЦК СЕПГ».

Следопыты школы № 4 собирают мате-

риалы о разгроме фашистов под Москвой, исторической битве на Волге, героической обороне Брестской крепости. Они побывали в Волгограде, Севастополе, Одессе. О работе уральских ребят знают в Советском комитете ветеранов войны. Вот две телеграммы в адрес школы: «Дорогие друзья! Поздравляем вас с 25-летием разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. Пусть героический ратный подвиг старшего поколения всегда будет примером в вашей жизни, желаем Вам большого счастья.

Маресьев — ответственный секретарь Советского комитета ветеранов войны, Герой Советского Союза».

«От души поздравляем с 50-летием славного комсомола участников открытия новой экспозиции школьного музея «Никто не забыт, ничто не забыто». Ветераны гордятся успехами красных следопытов. Желаем дальнейших успехов!»

Советский Комитет ветеранов войны»

К 50-летию Советской власти следопыты решили установить мемориальную доску в память бывших учеников школы № 4, павших смертью храбрых в боях за Родину. Большую помощь в этом деле оказал ребятам Михаил Иванович Панов — житель Каменска-Уральского, участник трех войн, член КПСС с 1921 года.

В 1918 году Михаил Иванович вступил в ряды Красной Армии. После гражданской войны был председателем сельсовета, работал участковым уполномоченным, инструктором по кустарной промышленности, народным судьей, адвокатом. В 1942 году ушел на фронт. Под Воронежем его тяжело ранило, вернулся в родной Каменск-Уральский. С 1964 года он — персональный пенсионер.

Сын Михаила Ивановича, Владимир, окончил нашу школу. В 1943 году ушел добровольцем на фронт. В письме из Горького 27 февра-

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

Интересно прошло следопытское лето у ребят Свердловской области.

Геологи школы № 55 города Талицы еще осенью 1968 года по заданию районной строительной организации исследовали берега реки Пышмы. Они выявили залежи среднезернистого песка, гравия, торфа.

Нынче весной и летом они продолжили свою работу и нашли другие строительные материалы. Задание выполнено.

В течение четырех лет следопыты 21-й школы Первоуральска собирали материал по истории комсомола своего города. В день празднования 50-летия ВЛКСМ ребята открыли музей. В нем они выставили документы, воспоминания, снимки, рассказывающие о комсомольцах всех поколений: о тех, кто отстаивал завоевания Октября в огне гражданской войны, о тех, кто воздвигал гиганты индустрии в годы

первых пятилеток, кто перестраивал деревню и нес в массы культуру, кто защищал нашу Родину в дни Великой Отечественной войны, о славных делах комсомольцев наших дней.

Следопыты продолжают свои поиски.

В Нижней Туре, на территории нынешнего машиностроительного завода, до революции находилась Николаевская тюрьма.

ля 1944 года он писал домой: «Не беспокойтесь, я вернусь, хочу облегчить ваш труд, вашу старость. Мы разобьем фашистов». Но через пять месяцев Володя погиб под Нарвой на Ленинградском фронте.

Вместе с Михаилом Ивановичем ребятам удалось установить имена и других учеников школы, отдавших жизнь за счастье Родины. Это — Михаил Надеин, Георгий Золотавин, Василий Чапыгин, Василий Засыпкин, Николай Васильев, Александр Родионов, В. А. Грязнов, Г. Ф. Ерышев, Н. Ф. Ерышев, М. П. Яценко. Следопыты разыскивают родных и друзей этих воинов.

Собрали ребята и сведения о защитниках Брестской крепости, живущих сейчас на Урале, потом пригласили их в школу на вечер. Кто они, эти участники героической обороны?

Степан Васильевич Воробьев. 22 июня 1941 года принял бой с фашистами в Брестской крепости. На станции Косово тяжело раненный был взят в плен. Совершил четыре побега. И снова продолжал бить фашистов. Теперь живет в Свердловске.

Илья Никитич Никитин. Служил в звании лейтенанта в медсанчасти. Семь дней защищал Брестскую крепость.

Валентина Федоровна Севрук. Она помогала раненым при осаде крепости. В партизанском отряде имени Чапаева Брестского соединения героически сражалась с гитлеровскими захватчиками. Живет в Нижнем Тагиле.

Разыскиали ребята и других бывших защитников Брестской крепости: Сергея Михайловича Кувалина из Коркино, Челябинской области, свердловчанина Николая Петровича Горских, Александра Ивановича Плешкова из Каменска-Уральского. В книге отзывов следопытского музея можно прочитать:

«Мы, участники обороны Брестской крепости, приносим следопытам глубокую благодарность за теплый прием, оказанный нам. Прделанная вами работа — это большой вклад в

Курт Швотцер.

дело воспитания молодого поколения. В вашем городе вы, ребята, организовали замечательный музей Мира. Мы рады, что вы помогли собраться вместе защитникам Брестской крепости. Желаем вам дальнейших успехов в этом нужном патриотическом деле».

А. ЛАГУНОВ

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

ма, куда царское правительство заключало видных революционеров. В 1906—1907 годах в одиночной камере здесь содержался Я. М. Свердлов. Узнав об этом, следопыты 5-й школы решили создать мемориально-биографический музей Свердлова. Все пионерские отряды и комсомольские группы получили задания.

Ребята начали переписку с людьми, знавшими Якова Михайловича, с совхозами, городами, предприятиями, носящи-

ми его имя, с сыном, который сейчас работает в Москве.

Следопыты побывали в Свердловске, где познакомились с материалами государственного музея Я. М. Свердлова, в колхозе-миллионере его имени. Старожилы Верхней Туры показали ребятам места встреч Якова Михайловича с верхнетурскими большевиками.

Сделали следопыты и несколько макетов: здание Николаевской тюрьмы и одиночной камеры, где находился

Я. М. Свердлов в 1906—1907 годах, дома в Верхней Туре, где под руководством Якова Михайловича проходили подпольные заседания большевиков в 1917-м.

Комсомольская организация школы получила Почетную грамоту городского комитета ВЛКСМ за активное участие в создании музея, а пионерская дружина стала носить имя Я. М. Свердлова.

В. ЖЕМЧУЖНИКОВ

Рисунки Н. Мооса

Так случилось, что это лето мне пришлось проработать с двумя студентами-практикантами: сначала с Петей Лобановым, а потом с Лешей...

15 июня пришли мы с Петей в Куреты. Орешникам Слюдянского района это место известно как самая дальняя заготовительная база Байкальского коопзверопромхоза — тридцать километров надо топать от Тункинского тракта в горы. Недолголюбивают они Куреты и за то, что там всегда отбирают «научники» ружья и не разрешают стрелять даже кедровку, птицу-воровку, налеты которой в иные сезоны сводят на нет радужные мечты сборщиков ореха.

Куреты являются и базой Саянского беличьего стационара, где уже десятый год ведут работу сотрудники Восточно-Сибирского отделения Всесоюзного научно-исследовательского института животного сырья и пушнины — ВНИИЖП. Последние пять лет иркутские охотоведы занимаются там регулярным кольцеванием белки. В нашей стране больше нигде не проводится подобных исследований: слишком трудоемкое дело. И нет нигде подобной стационарной лаборатории в тайге. Для отечественного охотоведения

эти факты, может быть, не столь уж отрадны. Но лично нам с Петей Лобановым было приятно сознавать собственную «исключительность», мы занимались совершенно уникальным делом: ловили белок, надевали им на шею проволочные колечки с алюминиевыми ярлычками и отпускали на волю.

Белка — существо загадочное. Во многих ученых трудах были зафиксированы факты о «нашествии» белки, о том, что зверьки «валом валили прямо через деревню» или переплывали десантом большую реку. Мнение о массовых миграциях было категоричным. Но категоричность основывалась... на слухах.

Утверждали также специалисты, что белка может давать только один помет в год. Да, в вольерах она вела себя именно так. А как она ведет себя в тайге — никто не знал.

И уж совсем ни у кого раньше не вызывало сомнений то, что исчезает белка из-за нехватки кормов.

Что же выяснили охотоведы на Саянском стационаре? Что иногда белки гибнут в большом количестве и при хороших кормах, и, наоборот, — иногда численность продолжает расти и в малоурожайные

годы. Что в естественных условиях белка может давать не один, а два, иногда даже три помета. Что массовых миграций, как показало кольцевание, у нее не бывает — только незначительные сезонные кочевки.

И все же белка остается пока существом загадочным. Вот почему Саянский стационар пустым не бывает.

Петя Лобанов принес из города семена редиски и лука. Мы натаскали из конюшни старого навоза, ровно разложили его позади зимовья «научников» и огородили место железной сеткой, чтобы не затоптали лошади и собаки. Ширина — полтора метра, длина — три метра. Огород, хоть и маленький, вышел на славу.

Петя веселился:

— Плантаторами заделались! Фермерами! Осенью откроем базар. Будем продавать орешникам: редиску — полтинник за хвостик, лук — рупь за головку. Только наличными будем брать!

Вскоре мы с ним ушли в Куреты. Начали кольцевать белку на участке Ханхобой.

Каждый день выходили мы на путик осматривать плашки. Путик — это десятикилометровый круговой маршрут, на котором через каждые пятьдесят метров расставлены плашки — живоловушки, представляющие собой грубо сколоченные ящики из толстых плах. Прост и недорогой инструмент — две деревянные и короткий прут. Приманкой служат кедровые шишки.

Выходить на путик, проверять плашки желательно было два раза в день — утром и вечером. Двадцать километров в сумме. Вверх — вниз, вверх — вниз. А Саяны — горы крутые. Солнце, овод, в низинах — сырость... Был один день: под сорок жара, а мы дважды ходили проверять плашки. Но ничего не попало: зверушки предпочитали не выходить из укрытий.

За первую неделю закольцевали всего четырех белок. Одна сдохла после того, как прицепили ей проволочное колечко. «Погибла», — записал в своем полевом дневнике Петя Лобанов. «Неволю не переносят, от первого потрясения гибнут, что ли», — пояснил он мне. Когда достанешь белочку из плашки, даже сквозь толстую перчатку ощущаешь, как бьется ее сердчишко.

Дни проходили быстро. Наверно, оттого, что мы почти не сидели без дела.

Такова профессия охотоведа, он на полном самообслуживании, должен уметь делать все, что необходимо, чтобы жить и работать в тайге: дров сухих заготовить и обед варить себе, заплату наклеить на порванный сапог и выстругать березовое топорище. Я уж не пишу о чисто профессиональных делах.

Петя неизменно был чем-то занят. Он смастерил себе великолепную, простотой и красивой понагу из рябиновых прутьев и березовой коры. Грузоподъемность ее, несмотря на элегантность строительного материала, была не меньше пятидесяти килограммов — такую бывалые таежники не сменяют ни на какой рюкзак.

Он построил собственной конструкции переносную клетку, в которой могли поместиться восемь белок. Наконец, регулярно ремонтировал плашки, насквозь просверленные бурундуками. Эти ненужные нам полосатые грызуны попадались в большом количестве. Из презрения мы называли их сусликами и... снова и снова дарили им кедровые шишки. Кроме бурундуков без стеснения кормились из наших плашек полевые мыши, синицы, ползны. А вот белки — реже всего.

Погода была неровная, то и дело после жары и духоты падали дожди. В такие дни не хотелось выходить из сухого и теплого зимовья — разве что посмотреть на лиловые гроздья бадана, которые в дождь становились особенно яркими и роскошными. Вот в такие дождливые дни я и узнавал своего спутника.

Петя Лобанов родился в Белгороде, в шестьдесят третьем году приехал учиться в Иркутский сельскохозяйственный институт. Почему именно в Иркутский? Потому, что нигде больше не готовили охотоведов. А почему вдруг решил стать охотоведом? Тут уж не ответишь просто: с детства, видно, все началось. Мне напоминаются смутно его родные места, виденные из вагонного окна: почти голые холмы, белые на тех склонах, где добывают известняк, вроде бы скудная и скучная природа. Совсем непонятно мне, где умудрился Петя, будучи школьником, собрать коллекцию птичьих яиц, которая включала в себя 112 видов. Пожалуй, ни у одного школьника не хватило бы терпения отыскать столько даже в более благодатной природе, чем белгородская. Это ведь не марки выменивать. Попробуй найти кукушечье яйцо, а он нашел его... в гнезде сороки. Или достать ястре-

биное... Только у ведущего орнитолога страны Гладкова собрана полная коллекция яиц тех птиц, которые обитают на территории СССР — свыше семисот видов, но надо полагать, что у него было немало помощников.

Петю в институте можно было встретить не часто, все сессии он сдавал досрочно, чтобы поскорее уйти в тайгу. И не зря пропадал в Саянах. Он нашел свою, очень интересную тему — кабарга. Среди промысловых животных это один из наименее изученных видов.

В последнее время за границей неожиданно подскочила цена на струю кабарги — так называется ее мускусная железа, тут даже нельзя сказать, что она ценится на вес золота — грамм струи покупают за два грамма золота. Естественно, что начал расширяться промысел животного, на которое раньше не слишком обращали внимание. Но добыча этого поистине «золотого копытца» без учета экологических особенностей может привести к быстрому сокращению численности животного. Так случилось в двадцатые годы, когда кабарга кое-где была на грани полного истребления. Значит, нужны исследования, нужны научные рекомендации для промысловиков. И, как говорится, чем скорей, тем лучше.

Непросто собирать материалы по кабарге — за месяц мы не видели ни одной. Неизвестно, где она живет летом, где ее лежки... Зимой-то хоть следы хорошо видеть на снегу.

Для Пети стали своеобразным вдохновляющим началом две строки из прожитанного когда-то в центральном журнале стихотворения, которые он произносит время от времени то сердито, то насмешливо:

Закинув за спину рога,
По скалам скачет кабарга.

— Понимаешь, это не случайная ошибка, — объяснил он мне. — Никто ничего не знает о кабарге, только слышали красивое слово. Какие, к черту, рога, если она безрогое животное! Клыки у нее имеются, но опять же не такие большие, чтобы куда-нибудь закидывать.

Трудно, конечно, предположить, что в ближайшее время Петя Лобанов проведет капитальное исследование на кабарге, которое будет иметь большое практическое значение. Важно не это. Важно то, что он досрочно, до получения диплома, стал специалистом. Помогли ему ос-

воиться в тайге Марэн Смышляев и Борис Павлов, опытные охотоведы-биологи. Они быстро разглядели в парне завидную работоспособность, по-достоинству оценили тщательность, с которой он обрабатывал материал. Эта тщательность стоит гораздо дороже, чем ежеминутные «переворотные» идеи начинающих гениев от науки. Фактически студент Лобанов уже стал сотрудником Восточно-Сибирского отделения ВНИИЖПа.

А для дипломной работы Петя давно собрал материал. Он задался вопросом: почему у кабарожек так разнообразна окраска шкурок — от почти черной до серой, и такая разная пятнистость — от едва заметных светлых крапинок до ярких белых пятаков? Не встретишь двух одинаковых по внешнему виду животных. А каковы причины столь отчетливо выраженного «индивидуализма»? Вопрос не праздного созерцателя, если учесть одно элементарное обстоятельство: окраска животных всегда выполняет защитные функции. Ответ на него, возможно, приведет к разрешению и других загадок. Хотя бы той же: где летом скрывается кабарга?

Тридцать кабарожьих шкурок собрал Петя — такой коллекции, определенно, нет больше ни у кого, тут уж он вне конкуренции. Петя добывал кабаргу зимой, в лютые морозы, на обледенелых скалах, в заваленных снегом распадках. Охотведа, как и охотника, ноги кормят. Честный хлеб, честная наука, где компиляция практически невозможна. И хотел бы человек списать у кого-нибудь, да негде взять. Ну, что можно, к примеру, списать о кабарге, если ученые еще даже не договорились: отнести ли ее к оленям или выделить в самостоятельное семейство?

В ночь на 26 июня выпал снег. Мы шутили: первый осенний или же последний весенний? Решили, что первый летний.

— Как там, в Куретах, наши плантации? — заволновался утром Петя Лобанов. — Померзнет редиска!

Мы уже знали, что редиска благополучно взошла, а вот лук, увы, не появился — обманула с семенами какая-то старушка на базаре. Петя порывался идти по снегу, чтобы накрыть огород куском брезента и спасти редиску. Еле его удержал: догадается ведь сторож, позаботится о плантации!

От снега стало уже светло в прокопченном зимовье, а он все падал медленными тяжелыми хлопьями. По радио передавали песню:

Черноморские ночи, черноморские дни.
Город солнечный Сочи в сердце ты сохрани...

После обеда «Спидола» вдруг отказала: треск, не слышать ни одной станции.

Мы догадались, что транзистор отсырел. Подсушив его у железной печурки, включили осторожно — и на нас хлынул радостью звонкий голос женщины: «В эфире передача «Опять двадцать пять!»

Снаг быстро сошел, и снова мы с Петей пошли по путику, по увалам и распадкам, под высокими кедрами.

Горные кедррачи... Они действительно очень чистые. Клещей нет, комаров совсем мало, к августу и овод исчезает. А воздух какой! Не знаю, правда или нет, но мне говорили, будто в кедрачах в одном кубическом километре воздуха — всего один микроб. За пять месяцев я ни разу не схватил даже насморка и поверил, что в здешних лесах действительно ничтожное количество микробов...

А потом Петю Лобанова сменил Леша. Случилось это уже в конце августа, и я очень жалел, что не уехал вместе с Лобановым.

Не буду писать о том, какая это славная пора в тайге. Не буду писать о том, как легко было кольцевать — ни бурндуки, ни мыши не портили нам настроение, в плашки попадались одни белки и часто попадались — видно, подросли бельчата второго помета. Но, несмотря на все это, пропал у меня интерес к работе, захотелось бросить все и уйти, куда глаза глядят.

Моим напарником стал студент четвертого курса, симпатичный чернобровый малый. Но была у Леша идея-фикс — добыть кедровку-подранка. Вообще-то кедровок он убивал каждый день, без труда, по несколько штук. Но ему был нужен именно подранок.

Была у Леша и вторая идея-фикс — уменьшать заряды в патронах. Он стремился довести до минимума количество пороха и дробы. Зачем? С нормальным зарядом патрон стоит две копейки, а когда его содержимое Леша убавил до предела — стал обходиться в полкопейки. В четыре раза дешевле. Даже малокалиберный патрончик стоит дороже — одну копейку. И одностволку он купил специ-

ально небольшого, 32-го калибра, чтобы не слишком тратиться на патроны. Возьми он 16-й калибр — каждый выстрел влетал бы чуть не в четыре копейки. «Будешь палить из такой «пушки» — глядишь, сам вылетишь в трубу», — говорил Леша.

Стрелял он метко, но общий «экономический эффект» от его рационализаторских поисков оказался неважным: из каждых трех кедровок, которых он брал на мушку, давалась лишь одна, а другие «улетали умирать». Одно из двух: то ли дробинок было слишком мало, то ли ударной силы не хватало. И он снова начинал мечтать: «Эх, мне бы только подранка покрикливей...»

До конца практики, то есть до конца

сентября, Леша намеревался прокормиться дичью. Зачем есть тушенку, если в одной кедровке почти восемьдесят граммов чистого мяса? Штуки три-четыре сварить — и достаточно на день. А банку баранины вскроешь — считай, выбросил из своего кармана 86 копеек. Он предусмотрительно не стал брать на базе сгущенное молоко, хоть и любит его. Как просверлит в крышке дырочку, как присосется — так и не может оторваться до конца. А эти синие баночки по 55 копеек стоят.

Человек на личном хозрасчете. Как иначе назвать?

Однажды попалась нам в плашку летяга. Медлительный такой зверек, совершенно не похожий на обыкновенную белку: шелковистая серая шерсть, плоский хвост, кожистые перепонки между передними и задними лапами, делающие ее в полете похожей на маленький ковер-самолет, и самое впечатляющее — огромные печальные глаза, ну, прямо как у красавицы актрисы. Наверно, ничего подобного не увидел в ней Леша. Потому что он сказал только одно: «Летяг я еще не пробовал...»

Леша нашел и другую доходную статью — занимался шишкобоем, для чего ездил в Тофаларию. Там, в Тофаларии, орешники не знают беды от кедровки, не совершает она туда свои опустошительные налеты. Леша не делился со мной впечатлениями, — какая там природа и какие люди; — он любил вспоминать о своих фантастических достижениях на шишкобое: двести кулей взяли шишки они на двоих, иногда выгоняли по десять кулей на брата в день, за два дня обработали сто кулей шишки и так далее.

Я думал: может, Леша сирота, на одну стипендию живет? Но нет, Леша с гордостью сообщил, что папаша у него «номенклатурный».

А подранок Леше нужен был для того, чтобы быстро и наверняка обеспечить себе обед. Побродить час-другой с ружьишкой он не желал. Нерационально.

Как-то днем отошел он недалеко от зимовья и слышу — открыл беглый огонь: пух! пух! Именно такой звук, а не бах! бах! издавала его одностволка благодаря «усовершенствованным» зарядам. И еще слышу — верещит, надрывается кедровка.

Потом является, взволнованный и довольный, с пятью убитыми птицами и подранком.

— Редкая удача! — кричит. — Наконец-то попался мне хороший подранок! Орет, как магнитофон!

Через несколько минут я увидел эту «охоту»: кричал смертельным криком подранок — и бесшумно слетались кедровки на помощь со всех сторон, и бесстрашно садились чуть ли не на крышу зимовья. Леша едва успевал перезаряжать. Одновременно держать в руках ружье и подранка ему было неудобно, и он крикнул:

— Возьми подранка! Подергай как следует!

— Ну и сволочь же ты, Леша, — не выдержал я. — Себя подергай за волосы!

— Ну, ну! — огрызнулся Леша. — Кедровка — птица вредная...

Леша после охоты отрезал подранку маховые перья и начал его кормить и поить, чтобы поддержать бодрый крикливый дух.

На другое утро, сразу из спального мешка, он схватил ружье и — к подранку. Пока я умывался у родника, он «добыл» двух кедровок и очень был весел: «Расскажи кому в городе — не поверят! Пока один умывался, другой...»

Потом подранок замолчал. Ничего не мог с ним поделаться Леша. Ни звука! Не могу, нет, не хочу описывать, как изощрялся он, чтобы вызвать у раненой кедровки призывное задушенное карканье...

— Отпусти, не издевайся.

— Ха, добренький. Я полсезона искал подранка... И не суйся не в свои дела!

Нравилось Леше жить в тайге. Он говорил: «Голова чистая, ни о чем не думаешь». Я все ждал: вдруг он загорится и пойдет-пойдет рассуждать о таежных проблемах или научных охотоведческих вопросах. Так и не дождался.

Еще одна деталь: носит Леша на шее оригинальный таежный амулет — маленький белый клык кабарги. Незаконно, по моему носит. Это мог бы себе позволить с полным правом Петя Лобанов, который рассуждает и спорит о кабарге даже во сне...

В середине октября начался охотничий промысел. Напряженным оказался этот сезон для сотрудников Саянского стационара — по программе научных работ был запланирован интенсивный отстрел белки.

Каждый вечер приходилось обрабатывать десятки беличьих тушек — выделка шкурок, промеры, взвешивания, «хирур-

гия», дневниковые записи... Керосиновые лампы в зимовье «научников» нередко горели за полночь.

Хозяева стационара — «бельчатники» — в этот раз работали и на своих коллег — «соболятников». Черепа добытых соболей аккуратно укладывались в банки с формалином. Потом эти банки нужно будет доставить в Иркутск на исследование. Правда, на соболей «фартило» далеко не каждый день.

Как это всегда бывало во время экспериментального промысла, научным сотрудникам помогали студенты-практиканты.

Охотился и Леша. Он добывал белок плашками, а на соболей расставлял капканы. Однажды он вошел в лабораторию необычайно возбужденным. Развязал рюкзак и — выложил на стол соболя. Если бы это был обычный баргузинский соболя, никто бы не обратил на него особого внимания. А тут минут через десять собрались все, кто был в это время на стационаре.

Шкурка зверька была удивительно красивой и оригинальной по окраске — с темно-пепельной подпушью и серебристой сверкающей остью. Это был редкостный экземпляр платинового соболя. В здешних местах еще никто не добывал такого, оттого и вызвал Лешкин трофей всеобщее внимание, удивление и... досаду: платиновая шкурка была безнадеж-

но испорчена. На спине зверька виднелась большая проплешина.

Выяснилось, что Лешка три дня не прозерял капканы, и за это время мышিপлевки изгрызли соболью шерсть, не посчитавшись с ее уникальной расцветкой.

— Сам виноват,— говорили незадачливому практиканту охотоведы.— Надо было поменьше валяться в зимовье, не лениться каждый день обходить капканы. Такую шкуру прощляпить! Да ведь ей бы цены не было. Для любой бы коллекции с руками оторвали.

Нет, не о пропавших деньгах жалели бывалые таежники — о бестолково погубленной красоте.

Пришел поглядеть на диковинку и сторож Куретской базы дядя Ваня, 60-летний охотник, который еще не бросил заниматься промыслом. Покачивая головой, он смотрел то на соболя, то на Лешку.

— Сынок, в тайгу надо приходиться хозяином или вовсе не приходиться. Тайга разгильдяйства не любит,— как приговор произнес дядя Ваня.

А Лешка... Даже неловко было на него глядеть — такая расстроенная была у него физиономия. «Сколько бы дали за такую шкурку? Цены ей нет»,— повторял он, чуть не плача.

— Эх ты,— сплюнул дядя Ваня.— Барышник...

А я, признаться, был рад, что шкурка платинового соболя оказалась испорченной.

ПОЛЖИЗНИ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Человек мечтает. Среди буйного духовитого разнотравья под ясным безмятежным небом течет Сылва. То синевой, то зеленью отливают волны. Круто нависли над поймой великаны-камни. Время отпечатало на их упрямых взлобьях свои таинственные письмена. Ослепительна нежная белизна берез.

А человек мечтает о подземелье. Там и сейчас, ярким весенним утром, вечный холод и мрак. Там не услышишь привычных звуков жизни — трелей птиц, шагов человеческих.

Но в мечтах этого высокого, худощавого человека совсем другое. Видится ему волшебное сияние, сказочный блеск ледяных хором. Чудятся дива дивные, которыми беспрепятственно любуются люди. Много-много людей, желанных гостей подземного дворца.

Мечты? Грезы? Но ведь не за семью замками сокровища красоты неписаной, не волшебник злой стережет к ним доступ. Здесь у входа в Кунгурскую Ледяную пещеру, положен большой камень. Отодвинешь его, если только сил достанет, — и путь в недра земные открыт.

Открыт, но пока еще не свободен и уж совсем не легок.

В этом, как хорошо известно ему — кунгурскому мещанину Александру Тимофеевичу Хлебникову, — всего несколько лет назад имел случай убедиться сам глава Пермской губернии. При попытке проникнуть в пещеру, губернатор попал в положение, что называется, хуже губернаторского. Грузный, дородный, он застрял уже аршинах в пяти от входа — и ни взад, ни вперед. Еле протолкнули внутрь уж вовсе без должного к высокому чину почтения. А после тем же манером извлекли сановника на свет божий.

42 Как видно, в честь столь знаменательного события появилась над входом в пещеру мемориальная надпись:

«4 июля 1903 года посетил пещеру Его Превосходительство Пермский губернатор А. П. Наумов».

Доступ же в подземный дворец как был, так и остался затруднительным. Что, впрочем, по-прежнему не вызывало никаких забот у отцов губернии и города.

«До 1914 года, — отмечает в своих замечаниях кунгурский краевед М. П. Скрипов, — вход в пещеру был еще в первобытном состоянии, не разработан и представлял из себя круглое отверстие, диаметром, примерно, в метр. Ход шел под тупым углом — сначала вниз 4—5 метров, а затем вверх, причем нужно было буквально передвигаться на четвереньках. Многие из внутренних ходов были в то время почти недоступны».

Точнее — так было до 18 мая 1914 года. Именно этим числом датирован документ, который при всей своей официальнойности мог возникнуть тогда лишь по инициативе неисправимого мечтателя и романтика:

«...Мы, нижеподписавшиеся, доверенные Филипповского сельского общества, той же волости, Кунгурского уезда, Иван Алексеевич Подосенов и Федор Иванович Переделин, с одной стороны, и Кунгурский мещанин Александр Тимофеевич Хлебников, с другой, заключили настоящий договор в следующем:

1. Филипповское сельское общество по договорам своим, постановленным на сельском сходе 20 апреля 1914 года и 2 и 4 мая того же года, за № 3, отдало в арендное содержание ему, Хлебникову, принадлежащую обществу пещеру в Ледяной горе...

2. Арендатор Хлебников вправе расширить отверстие входа в пещеру, внутри ее содержать освещение, прислугу и караул. Пещера сдается для допуска в нее экскурсантов и вообще лиц, интересующихся...»

Теперь от многолетней мечты — к делу.

Навсегда отвален камень от входа в пещеру. Вековечную тишь разбудил перестук топоров, перезвон пил. Словом, стало осуществляться предусмотренное договором «...право пользования землею общества у самого входа в пещеру на пространстве ста квадратных сажен для возведения постройки, а также право содержать пеправу через реку Сылва...»

На межевом камне над рекой Сылвой появилась совершенно невероятная по понятиям кунгурских толстосумов вывеска: «Ледяная пещера». Не лавка, не кабак, не иное какое солидное заведение, а нечто такое, от чего и толку не видно!..

А человек, взявший на себя хлопотливые обязанности хранителя и популяризатора пещеры... О чем он мыслит, что замышляет?

Пройдут еще многие годы, и скажет Александр Тимофеевич свое, итоговое:

— Полжизни моей — под землей.

И пояснит в том же духе:

— Считайте, если бодрствую, так рабочее мое время больше всего там. Да и во сне редко на поверхность выхожу... Ну, я-то выхожу из нее, из пещеры, да она-то из головы не выходит!..

По привычке «не выходила из головы» пещера задолго до того, как стал он арендатором кунгурского чуда, хотя к тому времени немало обошел и объездил за свои тридцать семь лет.

Кажется, лишь недавно вернулся он из второй половины своего кругосветного путешествия, начатого им еще в ранней молодости. Пересек чуть ли не всю Россию — от Урала до Тихого океана. Побывал в Японии. Несколько лет колесил по Америке. Затем — путь обратный. Но уже через Атлантику, Францию, Голландию, Германию.

Самой долгой и трудной, полной приключений и злоключений, оказалась дорога на Восток, на океан, в Западное полушарие.

Есть у годов странствий своя предыстория.

Увлечения детства. На них отпечаток места, времени, окружения. Летом ли, зимой ли, пусть только выдастся свободный от забот школьных и дел домашних час, — поскорей вместе с такими же крепышами на Сылву, Ирень, Шакву, Ириловку. Благо, реками Кунгур не обделен. Выпадет денек незанятый — спешит шумная ватага мальчишек на Спасскую гору, к Осиновому озеру, или по другую сторону городка, скажем, в сосняк у Новой Деревни. Все окрестные тропинки обегал Саня, все кручи облазил...

Но дома знают и другого Саню. Как набегается вдосталь — часами сидит за книгами. Или рисовать примется. То дом соседний изобразит, то какой-нибудь лесной уголок по памяти на бумагу перенесет. А то вдруг и вовсе новые, незнакомые места возникают под рукой юного художника. Оазисы в пустынях, высокие пальмы, города заморские, далекие паруса в океане. Принимается лепить из глины. И рядом с тем, что взято прямо из окружающего, появляются какие-то диковинные животные и растения.

Еще любимое занятие. Разложит географические карты — на столе, на кровати, даже на полу, — внимательно разглядывает, прикидывает расстояния. Чертит замысловатые схемы.

— Не иначе, в Кирилла он, Санька наш, — тянется с мужской лаской к светлым вихрам любимца отец.

Саня и не спорит. Только снова и снова просит отца:

— Расскажи о Кирилле Тимофеече!

— Что еще рассказать?

— Про Аляску!

Увлекают мальчонку рассказы о его знаменитом предке — русском землепроходце и ученом Кирилле Тимофеевиче Хлебникове. Слушает восхищенно. Задумывается надолго о чем-то своем. А скажет немного:

— Скорей бы.

— Куда это?

— Пока — на Сылву.

И был таков...

— Вырасти бы... — нетерпеливо торопит время Хлебников-младший. Но детство и отрочество беззаботные оборвались раньше, чем Саня успел вырасти и закончить городское училище. Скоропостижно скончался отец. Учебу за партией Александру пришлось сменить на ученичество у мастера чеботарного ремесла Тимофея Ивановича Бородулина.

Цепкость глаза, сметливость и быстрота рук, совершенно необходимые путешественнику, вполне пригодились и в очень усидчивом сапожном деле. Когда же пришла пора расставаться с чеботарной мастерской, юноша получил от хозяина своеобразный «аттестат»: «в том, что он, Александр Тимофеевич г-н Хлебников, находясь у меня в учении сапожному ремеслу, в течение трех лет вел себя все время очень аккуратно и по занятиям был всегда исправен, и поведение имел отличное.

В чем и удостоверяю собственноручным подписанием.

Кунгурский мещанин и сапожных и башмачных дел мастер Тимофей Иванов г. Бородулин».

Тогда же к старым увлечениям прибавилось новое. Тоже — на всю жизнь.

«...Дорога к моим излюбленным местам, — запишет об этом впоследствии А. Т. Хлебников в автобиографии, — пролегла над Кунгурской Ледяной пещерой. Я много раз пытался увидеть пещеру и после многих попыток осмотрел ее... При выходе из пещеры во мне возникло глубокое самоотверженное сознание, что рано или поздно надо вернуться к ней и восстановить ее в надлежащей форме для доступа массе любителей природы».

Не угасло и еще в детстве возникшее стремление повидать дальние страны. Только теперь это уже вполне определенная цель, которая окончательно оформилась, когда Александр жил и работал счетоводом у своего дяди, тазовского лесничего Н. П. Круглова.

У образованного родственника оказалась богатая библиотека. «Среди обилия литературы», — вспоминал Александр Тимофеевич, — я нашел обстоятельные сведения о своих предках. А главное, — о Кирилле Тимофеевиче Хлебникове, который в 1816 году с экспедицией уехал на Аляску и прожил там десятки лет, будучи одно время директором Русско-Американской компании. Возвратившись на родину, он из 60 тысяч рублей, заработанных на Аляске, 20 тысяч пожертвовал на устройство городской библиотеки в Кунгуре и на другие полезные для земляков дела.

Пробуждение наследственности к путешествиям во мне сразу воспламенило тот костер, нетерпеливую любовь к родному краю, для блага которого хотелось послужить в далеких краях, и я решил поехать на Аляску, по следам Кири-

Но где взять средства для путешествия? Помощь пришла с востока. Из Хабаровска от двоюродного брата, техника-строителя Е. Г. Шавкунова, пришел перевод. Сам человек непоседливый, он понял Кирилла и поддержал чем смог.

Теперь — в дорогу.

Дальний Восток. Тогда он был действительно недостижимо далеким. Транссибирская магистраль еще только строилась. Действовали лишь отдельные ее участки. От Кунгура до Екатеринбурга — на почтовых тройках. Оттуда в Томск — по железной дороге. Впервые в жизни.

Теперь бы дальше, в Иркутск. Но туда «чунжки» еще нет. Как быть? Ехать на перекладных — денег не хватит. А что если с попутным обозом? По примеру Михайлы Васильевича Ломоносова.

«В Томске мне пребывать долго не пришлось. Я пошел по постоянным дворам отыскивать попутчиков и сейчас же нашел. Купец Фуксман отправлял в Иркутск обоз в пятьдесят подвод с товаром. В дороге обоз пробыл пятьдесят два дня».

Почти двухмесячный переезд опустошил и без того тощий кошелек. Вся надежда на обещанный двоюродным братом денежный перевод, который должен был ждать в Иркутске. Но там ожидало лишь грустное известие: финансовое положение хабаровца вконец пошатнулось.

Пришлось Александру задержаться до поры до времени на берегах бурной Ангары. Рассчитывать отныне он мог лишь на себя. Нанимался к заводчикам и судовладельцам — в подсобники, грузчики. При случае брался и за сапожное ремесло. Не раз пригодилось умение вести счета.

Недаром, однако, была в ходу поговорка: «От трудов праведных не наживешь палат каменных». Потребовалось долгих шесть лет, чтоб скопить сумму, без которой нечего было и думать о продолжении пути к все еще далекой Аляске.

К выезду Александр Тимофеевич, теперь уже не безусый юноша, а двадцатипятилетний молодец, подготовился основательно. Немалых усилий стоило, например, выправить «губернаторский паспорт» — документ, без которого запрещалось покидать пределы Российской империи. Бумага эта потребовалась в Порт-Артуре, на пути в Японию.

Почему в Порт-Артуре? При чем тут Япония, если речь шла совсем о других параллелях? А при том, что путешествие на дальний север американского материка сорвалось. Власти С.А.С.Ш. (так именовались тогда США) не дали разрешения на въезд в Аляску.

Горевал Александр. Но тут вспомнилось: Кирилл Хлебников много месяцев провел в знаменитой Калифорнии. А раз туда вели дорогие следы, не раздумывать в отчаянии надо, а поскорей круто опустить заветный маршрут к югу.

К тому же есть у кунгуряка и другой повод открыть для себя Америку в довольно обжитой ее части. Есть там, в штате Кентукки, пещера. Огромная. За свои размеры Мамонтовой названа. Говорят, именно о ней писал Марк Твен в своих «Приключениях Тома Сойера». Осмотреть бы Мамонтову.

В Порт-Артуре Александр оказался не один. Еще во Владивостоке произошла счастливая встреча с родным братом Михаилом. Младший еще не завел себе бородку, уже украсившую

Александра. А в остальном сходство изрядное. Глаза, например, такие же мечтательные, добрые.

На предложение продолжать путь вместе Михаил откликнулся горячо. И в Порт-Артур, где находилась русская военная база, явились двое Хлебниковых. Здесь и сфотографировались вместе. Но когда стали подсчитывать деньги, то оказалось, что для совместного броска через океан их явно не хватало.

— Что же делать? — с огорчением раздумывал Александр. — Неужели возвращаться?

— Есть выход! — решительно прервал брат.

— Какой?

— Поезжай один. А я побуду пока здесь. Работа, знаешь, наклеивается.

— Ни за что!

Но Михаил все-таки сумел убедить старшего брата: лучше хоть одному из Хлебниковых осуществить намеренное!

Небольшое судно доставило Александра в японский порт Иокогаму. А там пришлось дожидаться американского парохода. Русские суда по Тихому океану в Америку почти не ходили.

У берегов Нового Света, как в ту пору еще называли Америку, — задержка. Власти заставили чужеземца отсиживаться на острове близ города Ванкувер: требовалась особая виза на въезд. Грозили: заставят вернуться.

В минуты отчаяния пришла мысль, оказавшаяся спасительной. Послал депешу на имя русского консула в Сан-Франциско с мольбой помочь потомку дорогого россиянам Кириллу Тимофеевичу Хлебникову. Консульство дало необходимые поручительства. Теплый прием во Фриско стал наградой за перенесенные мытарства. А в Америке...

Запрет на Аляску так и остался для Александра в силе. Зато он сумел основательно ознакомиться и с Мамонтовой пещерой, и с ее рекламой. Тем самым, из двух больших стремлений, что привели за океан, одно все-таки осуществилось. Время показало — это и было самым важным.

Мало того, сам А. Т. Хлебников, волей-неволей, оказался в роли своего рода пещерного коммивояжера. В дни, когда в кармане не оставалось и нескольких центов из сандвич, Александру самому пришлось стать... «сандвичем», как прозывали тех, кто таскал на груди и на спине разного рода рекламные щиты.

Так месяцы и месяцы слонялся потомок русского землепроходца по американским дорогам, зазывая «всех, всех, всех» под землю, в пещеры. Текст плакатов по-американски криклив, назойлив. Сулил, правда, несколько туманно, неземные ощущения в подземных гротах. И довольно откровенно обещал там же вполне земные блага. При сухом законе, провозглашенном тогда в большинстве штатов, почти открыто рекламировался «пьяный рай» для посетителей Мамонтовой. Как только суть дела дошла до Хлебникова, он с омерзением сбросил с себя пеструю, как американский флаг, рекламу. Лучше голодать!

И голодал... В самом тяжелом, казалось бы, безвыходном положении опять пришла помощь. Теперь уже из русского консульства в Нью-Йорке. Соотечественники предложили место бухгалтеря.

Итак, вновь среди своих. Но не на своей земле. А его прямо-таки неудержимо потянуло в родные места.

Друзья пытались отговорить, советовали не торопиться с возвращением. Но — безуспешно.

...Долго ли, коротко ли, но вот уже не в мечтах, а наяву и не из Америки, а из родного Кунгура рассылает А. Т. Хлебников бесчисленные приглашения:

— Посетите нашу пещеру!..

Зовет по влечению сердца и по праву арендатора. Приглашает как проводник. Первый профессиональный проводник пещеры в Кунгуре и на всем Урале.

Впрочем, свободными оказались и другие должности при открытой для массового посещения Ледяной. И все вакансии быстро заполнились самым простым способом, истинно по-хлебниковски. «Кассиром стал ваш покорный слуга, — не без юмора вспоминал он впоследствии, — бухгалтером — тоже я; тем более, что финансовой дисциплины не требовали, все же в предпринимателях числился».

Мог бы добавить — и зодчим. Купил Александр Тимофеевич в соседнем селе Филипповском небольшой амбар. Потом, вооружившись сперва чертежными принадлежностями, а затем и топором, вместе с небольшой плотницкой артелью соорудил из немудреного строения затейливый павильон.

Больше всего дел и забот, разумеется, внутри пещеры. Проводник должен не только показывать, но и неустанно разведывать и благоустраивать пути для экскурсантов. А их, посетителей, все больше и больше. Во все концы страны, в большие города и малые, почта приносит художественные конверты с оповещениями, отпечатанными на синих, зеленых, розовых, белых листках — рекламные проспекты. Возможности и роль «поблисити» будущий популяризатор пещеры оценил еще там, за океаном. Но не посулами обратил подземный дворец в кабак привлекал широкое внимание А. Т. Хлебников. Он стремился разжечь любознательность. О главном — познавательном — значении пещеры, об ее истории и говорилось в рекламных проспектах.

Заканчивался проспект так: «пещера... для г.г. посетителей находится открытой всегда, т. е. во всякое время каждого дня и ночи во весь круглый год».

Вот так: во всякое время дня и ночи. Во весь круглый год.

Плата за услуги при посещении пещеры взималась «весьма умеренная», как это справедливо отмечала реклама. Едва-едва покрывались лишь текущие расходы этого все усложнявшегося хозяйства. Между тем настоятельно требовались и средства для дальнейшего освоения пещеры. Попытался было Александр Тимофеевич обратиться за финансовой поддержкой в земскую управу. Но там наотрез отказались помочь хотя бы в благоустройстве прилегающей к пещере территории. О том же, чтоб выделить какие-то средства для удлинения маршрута осмотра гротов, и слышать не захотели.

Но нашел-таки «пещерный простак» верный и безотказный способ получить деньги.

В один прекрасный день начала июля 1914 года А. Т. Хлебникова вдруг срочно вызвали к волостному старшине Гилеву. У старшины уже ждали. И кто! Не только председатель земской управы Перевозчиков, но и сам пермский вице-губернатор Европеус.

Гроза губернии едва кивнул, отвечая на вежливое приветствие. Но тут же поднялся со стула,

дабы подчеркнуть этим всю значимость своей миссии. Внушительно оглаживая холеные бакенбарды, сообщил:

— В вашей пещере имеет быть сановная особа!

Что это за «особа» высокий губернский чин умолчал. Но по городу уже разнесся слух:

— Из императорской фамилии...

А «совершенно секретно», лишь до избранных, дошло:

— Иностранная принцесса царицына рода!..

— Почто жалуется?

— Да в нашу пещеру.

Донеслось также, что следует «особа» не одна, а, как положено, с пышной свитой, изрядно пополненной пермскими чинами с самим губернатором во главе.

— Что же, для рекламы сгодится, — решил Хлебников. — Глядишь, и иностранцы пожалуют.

Всполошившиеся деятели города и уезда поспешили отрядить к арендатору пещеры объединенную делегацию:

— Чего требуется?

— Сколько?

В итоге переговоров городская управа ассигновала 300 рублей, а земство отвалило полтыщи. В общем-то не покрывались даже личные средства Хлебникова, уже вложенные в пещерное хозяйство. Но все-таки: не было ни гроша да вдруг алтын. К тому же из Перми пригнали целый вагон с материалами, каких в те времена в Кунгуре днем с огнем не сыскать бы!

Вход в пещеру был значительно расширен, расчистили многие проходы, привели, наконец-то, в порядок дорогу от станции.

В первые же свои «пещерные годы» А. Т. Хлебников волей-неволей взял на себя обязанности исследователя.

Есть экскурсанты, нет их, трудны ли, полегче ли жизнь и заботы, — в пещеру Александр Тимофеевич идет каждый день. Пробирается по ходам и гротам. Наблюдает, сравнивает увиденное с тем, что представилось взгляду раньше — неделю назад, позавчера, вчера. Где-то преобразовались кристаллы льда, возникли, подросли сталактиты и сталагмиты, появились незнакомые доселе осыпи. Залучить бы сюда ученых. С радостью отдал бы в их распоряжение повседневные записи. Вот эту зеленоватую клеенчатую тетрадь. Взял как-то ее с собой в пещеру да и не разлучался потом много лет. На закапаных стенах страниц — беглые карандашные заметки.

Написал статью в «Пермские губернские ведомости». Прежде всего, конечно, для рекламы. Но не только. После ссылок на авторитеты поделился и некоторыми своими наблюдениями. Подчеркнул: в пещере — своя жизнь, свои тайны и загадки, свои находки... Расчищал осыпь. Лезвие заскрежетало о металл. Оказалось — старинное ядро не то 17, не то 16 века. Не Ермаковых ли дружинников след? Если так, то есть своя правда в давних преданиях, будто сподвижники могучего покорителя Сибири останавливались в Кунгурской пещере.

А что это за надпись проступает на закомленном своде?

«Мария Меньшикова. 1722». Неужели эти слова выведены дрожащей рукой дочери петровского любимца? Так или иначе, живет сказание о том, что именно в 1722 году впавший в немилость «счастья баловень безродный» вместе с дочерью

ми следовал в сибирскую ссылку через Кунгур. Встает перед глазами суриковское «Меньшиков в Березове».

И его же «Утро стрелецкой казни». Тоже в связи с историческими легендами, которыми овеяны гроты Ледяной. Сказывают, не все стрельцы испепелены были царским гневом. Часть из них, раскольники-беспоповцы избежали «стрелецкой казни». Укрылись они на Урале. Прибежищем для них стала пущь и студеная, зато малодоступная «пустошь в горе».

За каждым поворотом подземных коридоров ждали открытия. Что ни грот, то и новое свидетельство зодчества природы.

Хотя бы вот этот. Вытянулся намного длинней других. А по нему, начиная от самого входа, тянется, теряясь где-то в глубине, запутанная цепь озерков. Во многих водоемчиках — каменные островки. «Гротом тысячи озер» назвал это чудо хранитель пещеры.

К слову сказать, по душе пришлось ему это дело — «крестить» подземные залы и палаты. Так были вызваны к жизни названия: «Данте», «Атлантида», «Руины», «Колизей»...

Однажды, войдя в пещеру, Хлебников вроде бы отклонился от намеченного пути. Да не случайно — с умыслом. Заинтересовало «углубленное» эхо там, где предполагался сплошной каменный массив. Отклонился — и проник в неизвестный до того проход. За относительно прямизну и округлую форму назвал проход «Трубыным». Открытие немедленно послужило на пользу: облегчилось освоение новых маршрутов. Упростились путь между гротами «Склеп» и «Грозный».

Встречи в пещере... За свои полжизни, проведенные под землей, Хлебникову довелось быть проводником многих людей.

В гражданскую войну, ледяной декабрьской ночью, перед приходом белых, к Хлебникову постучались. Голос предупредил:

— Огня не зажигать!

Другой голос, моложе и также незнакомый:

— Собирайтесь да побыстрее!

В темноте все-таки различил: военные. На том, что оказался рядом, поскрипывала кожей комиссарская куртка.

— Куда? Зачем?

— В пещеру...

У знакомого входа на снегу — очертания продолговатых ящиков.

— Проводите.

Привычно двинулся вперед, освещая путь захваченной кем-то «летучей мышью». За ним, шагах в двух, бережно несли груз. В первой паре — тот, в кожанке.

Он же, когда вернулись, потребовал от проводника:

— Дайте ключ!

И уже мягче:

— Конечно, есть запасной?

При колчаковцах посещать пещеру было запрещено. Белые боялись подпольщиков. Но Хлебников не мог отказаться от любимого дела. Правда, в «засекреченный» грот он до поры до времени не заглядывал. Наведался туда уже дней через пять после освобождения Кунгура. Но в тайнике оставались лишь обломки от ящика да редкая россыпь винтовочных патронов. Нет ли прямой связи между этим приключением и выстрелами, которые нередко слышались в тылу белых?

Побывали здесь Валерий Чкалов, Михаил Громов. Глядя на них, совершивших свой беспримерный по тому времени воздушный бросок через Северный полюс с полушария на полушарие — за считанные часы, Александр Тимофеевич с улыбкой вспомнил и свой давний трансконтинентальный «прыжок», на который ушло у него несколько лет...

Года через два после того, как прогнали с Урала Колчака, пещеру посетил Михаил Иванович Калинин.

«...Он запросто, как с давно знакомым, поздоровался и попросил показать пещеру. Помню, как волновался я, когда мы спустились по узкому ходу. Но Михаил Иванович улыбался и был чрезвычайно заинтересован. Осмотрев пещеру и выбравшись наверх, Михаил Иванович сказал: «Эта пещера — крупнейшая в Советской России по красоте и величию. Ее надо сохранить для науки».

Советскому президенту предложили оставить запись в «Книге почетных посетителей». Михаил Иванович выразительно посмотрел на часы: пора, время не ждет. Но, заметив на лице Хлебникова огорчение, приложился к чистой странице характерной скорописью:

«Был в Ледяной в 21 году 21 июня. М. Калинин».

Посещение это не прошло бесследно для судеб кунгурского дива. И когда в 1926 году произошла вторая встреча с хранителем пещеры, на этот раз в приемной Председателя ВЦИК, всесоюзный староста беседовал с уральским ходоком как со старым знакомым.

А речь шла о том, что хорошо бы управление пещерами передать в ведение компетентной научной организации. Михаил Иванович согласился с доводами кунгуряка. Вскоре пещера перешла к Управлению государственных заповедников. Тем самым было положено начало планомерной научной работе в этой удивительной природной лаборатории карста.

Разведка и освоение пещеры одному не под силу. Ждал, верил — будет на кого опереться. Больше всего надежд на молодежь. Часто видел рядом братова сынишку. Мальчонка еще, а крепок, да, видно, и не из робких. Интересуется всем, что под землей, готов забраться и туда, куда, кажется, и сам Хлебников-старший не решается. Запреты, однако ж, помнит. Доверять ему, чувствуется, можно.

Не ошибся старый следопыт в выборе. Прошло совсем немного времени в совместных подземных путешествиях, и вот уже Витя вполне самостоятельно может пробираться в сложном лабиринте освоенных переходов. Ничего не стоит ему провести в пещере хоть целый день. Порой и голод не мог выманить наружу.

Еще в начале двадцатых годов Хлебников уверенно говорил:

— Будут и у нас, при Ледяной, свои ученые работать.

Куда бы не выезжал, и здесь, на месте, среди посетителей, высматривал научных работников, проявляющих какой-то интерес к пещере.

Зимой 1934—1935 годов ленинградский студент Слава Лукин проходил практику на Урале. С группой геологов заехал в Кунгур. В пещере встретился с Хлебниковым. Подземное диво захватило душу студента. Увлек ее хранитель и популяризатор. А тот, в свою очередь, увидел в студенте то, что искал чуть ли не в каждом встречном.

Никуда больше не уехал Лукин в недели своего студенческого отпуска, полученного после утомительного зимнего кочевья с экспедицией.

Вдвоем пробирались по узким проходам, высматривали в подземных сокровищницах сверкающие россыпи и уникамы. Самые крупные, самые поразительные — всем кудесникам алмазные грани на зависть. Выносили их наверх, на солнце, и фотографировали. Двести фотографий сделали они тогда. Составленный из них альбом получил отличную оценку в кабинете кристалло-

графии Свердловского горного института. Потом был отправлен в столицу.

Труд сближает. Близким и дорогим стал для Вячеслава Семеновича Лукина первый хранитель подземного чуда. Породнился ленинградец и с Кунгурской Ледяной. Свидетельство тому — выдержавшая уже не одно издание книга «Кунгурская Ледяная пещера». В. С. Лукин — один из ее авторов. Много страниц посвящено пещере и в диссертации Вячеслава Семеновича.

В каждой жизни есть свои вершины. Для Александра Тимофеевича Хлебникова одной из таких высот стало международное признание геологов. Не только его, Хлебникова, личных заслуг оценка, но и самое для него важное и значимое: признание исключительности Кунгурской Ледяной пещеры. Об этом событии стоит рассказать.

В 1937 году в Москве состоялся Всемирный геологический конгресс. В Кунгур для посещения пещеры направилась большая группа делегатов конгресса. Светил мировой геологии сопровождал академик Дмитрий Васильевич Наливкин.

Гостей встретил скромно одетый, уже далеко не молодой человек. Ждал смущенный выпавшей ему честью выполнить привычные обязанности проводника в столь необычных обстоятельствах.

С приветливой улыбкой подошел к нему Наливкин. Протянул Александру Тимофеевичу руку. Обращаясь к коллегам, представил:

— Этот человек первый оценил все значение Кунгурской Ледяной пещеры. Он открыл сюда широкий доступ туристам и исследователям.

Ученые выразили свою признательность следопыту подземного мира горячими рукопожатиями и словами приветия.

Что он мог ответить? Уважительно вел экскурсантов от грота к гроту, демонстрировал дорогие сердцу красоты. Улыбался в ответ на восхищенные возгласы спутников.

Удивлялись, хотя и повидали на своем веку

немало чудес в недрах земли. Поражены были даже американцы, пусть и насмотрелись они на свою Мамонтову. Не меньше других задерживались при осмотре «Бриллиантового», «Популярного», «Скульптурного», «Кораллового». Среди заокеанских гостей, которые, что называется, во все глаза смотрели на сюрпризы каждого грота, — представитель Сиракузского университета Луис В. Поджер, декан и директор университета в Небраске А. Кондре.

Несколько иначе, правда, держится третий американский делегат — профессор Вильямс. Раньше всех пробирается к выходу из гротов. Скользнет рассеянно взглядом — и дальше. Лишь к концу экскурсии выяснилась истинная причина такого, казалось бы, необъяснимого равнодушия. Чуть ли не в самом начале осмотра мистер Вильямс обронил очки. Из деликатности ученый не захотел отвлекать спутников.

Александр Тимофеевич вызвался помочь американцу. На поиски вместе с ними увязался Хлебников-младший. Вскоре Виктор воскликнул:

— Вот они, очки!

Профессор, окинув теперь уже вооруженным глазом грот, где была обретена потеря, с сожалением вздохнул:

— Не видел я этого.. Не видел..

В ответ на том же английском языке услышал:

— Не огорчайтесь, профессор, дело поправимое.

За толстыми стеклами окуляров восторженно блеснули глаза:

— О! Мистер Хлебников говорит совсем, совсем как у нас в Штатах!..

Проводник лишь кивнул головой. А мог бы вспомнить немало эпизодов из тех дней, месяцев и лет, когда выучился чужому языку «совсем как...»

Осмотр пещеры был долгим, детальным. Даже ненасытные на впечатления такого рода ученые-геологи в конце концов утомились. Да и аппетит пробудился на свежем пещерном воздухе. На экзотическом берегу Большого пещерного озера, в гроте, называвшемся «Титаническим», участников вселенского форума ждал торжественный обед.

Звучали под сводами тосты. Предоставили слово и Александру Тимофеевичу. Гулко раскатился бас, в свое время отмеченный самим Шаляпиным:

О, детище веков, сокровище природы,
Мой идеал на родине моей!

С тобой утратил я значительные годы

И отдал жизнь науке для людей.

И вот пора желанная настала,

Заветная мечта моя сбылась.

К тебе как светочу подземного кристалла

Любовь народов развилась...

Общее одобрение встретили и эта «самодеятельная» ода, и тост:

— В честь нашей встречи пусть отныне это место зовется гротом Дружбы народов. Итак, за дружбу народов!

...В 1964 году старший научный сотрудник стационара УФАНа Евгений Петрович Дорофеев завершил работу над новым, уточненным планом пещеры. Как поразился бы первый ее хранитель, увидев множество разведанных за последние годы гротов, ходов, подземных озер. Кстати, некоторые из этих открытий в свое время были предугаданы Александром Тимофеевичем. Так, еще много лет назад, изучая еле уловимые токи воздуха, он утверждал, что в неразведанной еще тогда части пещеры имеются большие гроты.

И на новой карте рядом с гротом Романтиков нанесен грот Хлебниковых.

Не всегда велся точный учет посетителей Кунгурской Ледяной пещеры. Но и самые приблизительные подсчеты позволяют утверждать, что в конце 1960-х годов по маршруту прошел уже миллионный экскурсант. По маршруту, начало которому положено первым хранителем и популяризатором пещеры, первым ее профессиональным проводником Александром Тимофеевичем Хлебниковым.

Н. ХАУНЕН

«Уральский филиал Академии наук СССР передал, а Пермский областной совет по туризму принял...». Прочитав эти слова, взятые из официального акта, вы, наверное, сразу же захотите узнать, по какому поводу появился на свет такой документ.

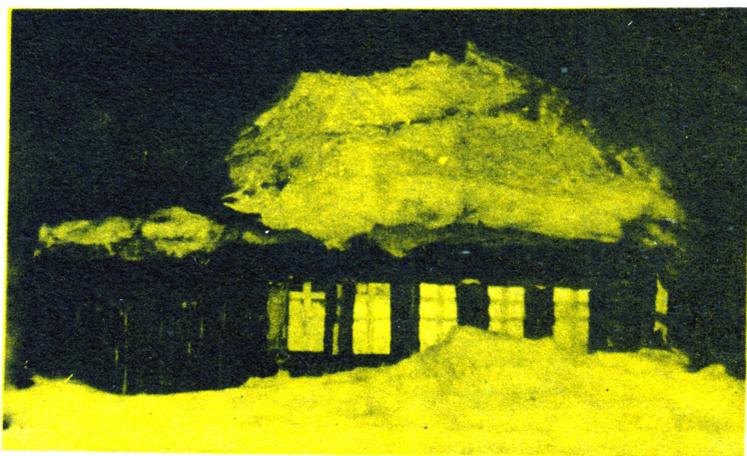
Речь идет о знаменитой Кунгурской Ледяной пещере. Отныне она получает нового хозяина, который берет на себя все заботы, связанные с обслуживанием многочисленных посетителей

этого уникального природного заповедника на Западном Урале.

Областной совет по туризму уже создал здесь специальные экскурсионные бюро. Дальнейшими планами предусматривается строительство вблизи Кунгурской пещеры туристского комплекса с пятиэтажной гостиницей, моста через протекающую рядом реку Сылву и канатной дороги на вершину горы, внутри которой находится пещера.

НА ВСЕ РУКИ

Ребята, которые ходят в кружок картонажа и лепки «Умелец» Свердловского Дворца пионеров, называют мастерами на все руки. И тут нет никакого преувеличения. Зайдите в их удивительную мастерскую, и у вас глаза разбегутся. Вы увидите отлично изготовленные макеты Ленинского дома в Горках под Москвой и Шушенском; пейзажи Марса и Венеры и Лунный городок; представителей всех национальных республик Советского Союза в ярких нарядах и костюмах; персонажей ба-

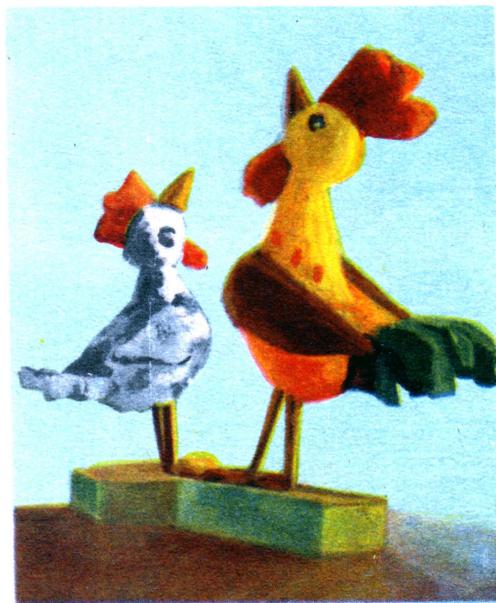

жовских сказов и русских народных сказок. А сколько тут разных сувениров?! Поющие петух и курочка, робот, снеговик, мышка, играющая на дуде, развеселые рыбаки, профессор Груша и человек с огуречек, и даже избушка на самых настоящих куриных ножках.

Все это делают ребята не только ради собственного удовольствия. Для ленинского за-

ла Дворца пионеров они создали макеты кабинетов Владимира Ильича в Кремле и в Смольном. В школу № 11 передали два больших макета по мотивам бажовских сказов и сказок Д. Н. Мамина-Сибиряка. Пионерам Нижнего Тагила подарили «хоромы» Хозяйки Медной горы.

А сколько поделок на разные космические темы изготовили «умельцы» по просьбе школ города!

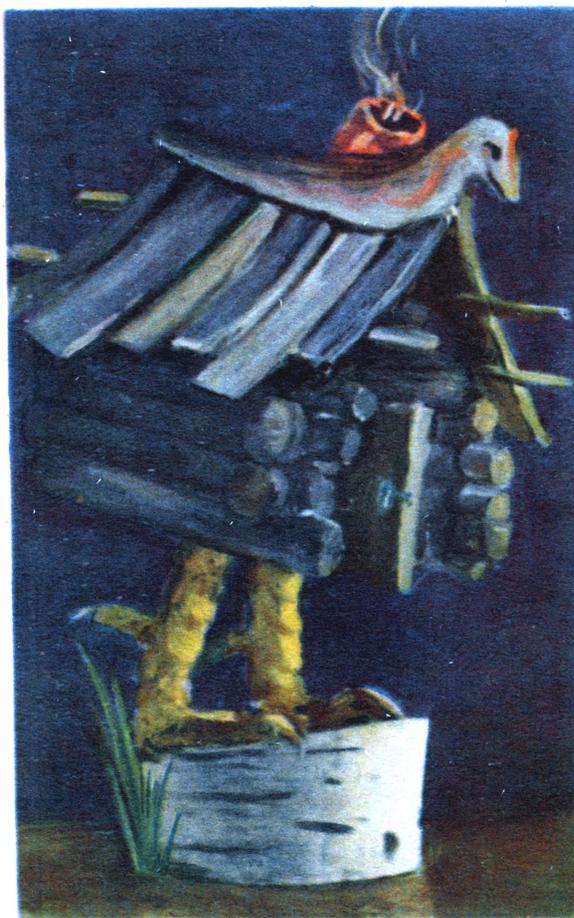

В 1956 году в Москве проходил Международный фестиваль молодежи и студентов. Когда через Свердловск проезжали делегаты фестиваля из Кореи, Китая, Вьетнама, ребята вручили гостям шестьдесят уральских сувениров.

Кружок работает с 1952 года и бессменно руководит им Ксения Викторовна Юрьева. Ходят к ней и третьеклассники и десятиклассники. Не забывают они своего учителя, когда поступают в институт или художественное училище, когда работают бутафорами в театре или становятся инженерами. Они забегают во Дворец пионеров, чтобы узнать, что нового научились делать ребята, посмотреть, как в их умелых

руках обрезки картона, фанеры, бумага, стружка, глина, пластилин превращаются в живые фигурки людей, зверюшек, птиц, в фантастические пейзажи других планет, в подлинные произведения искусства.

Наверно, и наших читателей заинтересует, как все это происходит. Вот почему с первого номера 1970 года мы открываем новую страничку. На ней вы сможете прочитать советы бывалого туриста и орнитолога, ботаника и геолога. Вы узнаете, как самому изготовить скворечник, сделать забавный сувенир, сплести настоящие лапти и корзинку, устроить театр теней с парадом героев любимых книг.

Г. МОСИН

КОЛОБОК

ЧУСОВАЯ БУДЕТ ЖИТЬ!

ОПЕРАЦИЯ

Вот и подошел к концу год, в который началась операция «Ч». Можно подвести некоторые итоги первого ее этапа.

Оглянувшись назад, заглянув в папки с письмами, донесениями, отчетами, таблицами, снимками, схемами, можно сказать, что энтузиасты-природолюбцы, краеведы, следопыты, рачительные хозяева своего края, подхватившие призыв журнала — «Реке Чусовой — жить!» — сделали немало. По Чусовой и ее притокам прошли многие следопытские отряды и прислали отчеты о своих походах. Некоторые зональные штабы организовали солидно оснащенные специальные экспедиции по обследованию реки в своей зоне. Главный штаб операции провел несколько рейдов по следам тревожных сигналов. Получено много писем от жителей берегов Чусовой, от туристов и от бывших уральцев, навесивших нынче родные края.

Одними из первых, кто откликнулся на призыв журнала и принял участие в операции, были неутомимые «глобусята» — ребята из всем известного клуба «Глобус» при Свердловском Дворце пионеров. Они еще весной организовали два экспедиционных отряда, наметили и изучили маршруты, программу работы, основательно подготовились к походу. В июне и в июле они обследовали в Шалинском районе Чусовую на протяжении свыше 100 километров — берега реки, дно ее, взяли пробы воды, опросили местных жителей, познакомились с деятельностью предприятий, расположенных на берегах Чусовой, и выявили их «взаимоотношения» с рекой. Боевая и дотошная ребятня (а это все школьники 7—9-х классов) собрали важные данные, их отчет дает обстоятельное представление о состоянии Чусовой в Шалинском районе.

Неплохо справились с задачами и следопыты клуба «Искатели» из Серовской школы № 14, обследовавшие Чусовую от поселка Еква до села Чусового.

Краеведы Свердловска провели рейд по горнорудным предприятиям и карьерам, расположенным на берегах Чусовой, и обобщили важный материал, вскрывший беды, которые терпит река от этого рода предприятий.

По заданию штаба были также обследованы верховья Чусовой, ее истоки, изучено состояние дельты на Северско-Полевском промышленном узле, в городах Ревде, Чусовом и Лысьве.

Особенно энергично и обстоятельно поработали первоуральцы. Городская организация Общества охраны природы (председатель совета И. П. Герасименко) организовала рейд по всем предприятиям своего района, провела с участием специалистов водную экспедицию (ее руководителем был Б. Н. Калистратов) по Чусовой. Они не

обошли ни одно, даже самое маленькое предприятие, облазили каждый метр реки, взяли многочисленные пробы воды и свели в таблицу результаты их анализа, зарегистрировали все стоки в реку, какого бы характера они ни были, установили их количество и вредность. Эти всеобъемлющие данные позволили им представить общую картину состояния Чусовой — в чем, где и как ей нужно помочь. А потом созвали представительное совещание, посвященное итогам летнего этапа операции. Очень интересно оно прошло — деловито, ответственно, серьезно. Это был нелицеприятный, но откровенный и заинтересованный разговор о судьбе реки. Вскрывались причины бед, изучались возможности их ликвидации. Представители предприятий докладывали о своих планах, сроках, брали обязательства. Вот так бы везде!

В общем, можно сказать, что в течение этого года были обследованы все наиболее важные узлы и участки реки Чусовой на всем ее протяжении.

Что же выявилось в итоге?

А вот возьмите-ка в руки карту-схему реки Чусовой, у кого какая есть (лучше, конечно, поподробнее) и давайте отправимся в путешествие.

Начнем снизу — с истоков и верховий. Какие здесь красивейшие, благословенные места! И если тут нет высоких скалистых берегов с красавцами-бойцами, нет той прыти и мощи воды, что мы привыкли видеть в среднем течении Чусовой, то здесь есть другое, не менее привлекательное. Задумчивые лесные озера, извилистые протоки в зеленых коридорах рогоза, утиные пастбища; и тишина — чуткая, трепетная, какая-то уютная тишина природы. Здесь, в этом районе, берет начало свыше 30 рек — малых и больших. Где еще найдешь такое? И как жаль, что в этих местах редко встретишь туристов — это для них еще не открытый край.

В этом районе нет крупных предприятий, мало селений по берегам и, вроде бы, если смотреть только на карту, то поводов для беспокойства нет — некому портить реку.

Увы! Есть, и немало. Здесь варварски вырубаются водоохраный лес, имеющий огромное значение для тех 30 речек, что родятся в этом районе. В результате — только за последние годы уровень воды в Чусовских озерах понизился на 1,5—2 (полтора-два!) метра и продолжает понижаться. Исчезло (совсем!) озеро Сурны, которое когда-то считалось истоком Чусовой. Молодежь даже и не знает, что было такое озеро. Рудничные отвалы съели его, как продолжают съедать другие речки и озера. Гибнет рыба.

Можно назвать и виновников. Это Черемшанский рудник, Чусовской леспромхоз и Коркоди-

49

новский лесоучасток. Кто возьмется устыдить их руководителей и призвать к порядку? А надо, непременно надо. Нельзя губить истоки великой нашей реки!

Но двинемся дальше. Ведите ваш палец по карте выше — севернее. Совсем немного... Первые крупные населенные пункты. Они хотя и не на самой Чусовой, но на ее притоках.

Это Северско-Полевской промышленный узел. О нем мы уже писали (см. в № 5 очерк Б. Рябина). Северский трубный и Полевской криолитовый заводы стали образцовыми предприятиями, на которые многим и многим надо равняться. Но и здесь есть недостатки и здесь природолюбам надо быть начеку — ничто не вечно под луной, в том числе и хорошие порядки, они могут испортиться, если ослабить внимание к ним.

Движемся еще дальше — вверх по карте и вниз по течению реки. Раскуиха, Курганово, Верхнемакарово... Волчихинское водохранилище — поилец города Свердловска и поэтому за его чистотой строго следят. А вот в самом конце его в Чусовую впадает Ревда. На ней город того же имени, чуть подальше СУМЗ — Средне-Уральский медеплавильный завод. Назовем все это Ревдинским узлом.

Ох, уж эта Ревда, ох, уж этот узел! Сколько крови портит он ревнителям природы, сколько портит воды в реке! Это самое страшное место на всей Чусовой. Объединенными (как сговорились!) «усилиями» заводов: метизно-металлургического (РММЗ), обработки цветных металлов (ОЦМ) и медеплавильного (СУМЗ) река превращена в сточную канаву ядовитых отходов. Все вместе эти заводы сбрасывают в Ревду и Чусовую более 54 тысяч кубометров загрязненных стоков в сутки. В одни только сутки!

А что представляет собой объем, упомянутый выше, поясним примером. Представьте себе типовой пятиэтажный 75-квартирный дом. Объем такой «коробочки» — 12—13 тысяч кубометров. Так вот, ревдинцы выливают в Чусовую 4,5 таких «емкостей».

Чего-чего только нет в этих стоках... Железо, медь, цинк, серная кислота, масла всякие, нефтепродукты, разные эмульсии, ксантогенаты, мышьяк, сера. И все это в размерах, превышающих допустимые нормы в десятки, а то и в сотни раз. Река Ревда и Чусовая за ее устьем совершенно отравлены. В них исчезли не только рыба и другие живые организмы, но даже водная растительность. Добавьте к этому, что ядовитые смрадные дымы СУМЗа выжигают окрестные леса и поля, отравляют атмосферу на много километров вокруг — и печальная, прямо-таки драматическая картина будет дорисована.

Очистных сооружений здесь практически почти нет. Они только еще строятся. Но какими темпами? Член нашего штаба, старший инженер Северо-Уральской бассейновой инспекции Н. И. Логинов привел в печати печальные цифры и факты. Достаточно сказать, что РММЗ вот уже три года не может освоить каких-то 15—20 тысяч рублей, необходимых для окончания строительства очистных сооружений хозяйственно-бытовых стоков. Незавершенные сооружения эксплуатируются с недостатками, ранее построенные элементы разрушаются, качество очистки никчемное.

На ОЦМ темпы — еще смешнее. В столе у

директора завода с 1965 года лежит без движения проект полной реконструкции очистных сооружений и канализации.

Правительство отпустило СУМЗу крупные деньги — около 3 миллионов рублей — на строительство нового хвостохранилища с оборотным водоснабжением. Объект начали строить в 1966 году. Думаете достроили? Как бы не так! Освоено едва-едва 10% отпущенных средств. Это за четыре-то года!

Руководителей этих предприятий не раз штрафовали, обсуждали на президиуме облисполкома, честили на сессиях, ими занимался народный контроль, о них писали (не раз и не два) газеты, а положение в Ревде почти не меняется. Вот и получается, что Ревдинский узел для Чусовой представляет собой опасность № 1.

С тяжелым вздохом снимаешь палец с этой точки на карте — плохи дела на Ревде! Вот где предстоит развернуться основным боям за спасение реки.

Но продвинешься по карте чуть выше — и на душе светлеет. Первоуральск! Всего несколько километров расстояния, а какая разница!

Выше мы уже говорили о нем. Здесь радуется главное — всеобщая серьезная забота о Чусовой. Составлен общегородской пятилетний план мероприятий по охране природы (главным образом Чусовой), полным ходом строятся очистные сооружения. Предприятия успешно справляются с взятыми на себя дополнительными обязательствами. Так, в конце сентября газеты сообщили, что Новотрубный завод сдал в эксплуатацию вторую очередь очистных сооружений канализации, которая обеспечит прием стоков всех предприятий города. Это — самые мощные сооружения такого типа на всем Урале. И приняты они с оценкой «хорошо».

Но будет плохо, если первоуральцы на этом остановятся и ослабят внимание к нуждам реки — нерешенных вопросов и у них много: и на Хромпике, и на Динасе, и на Старотрубном, и в леспромхозе, и на заводе термоизоляционных материалов, и на Крыласовском карьере.

Будем надеяться, что первоуральцы с честью доведут до конца свою борьбу за спасение Чусовой.

За территорией, подчиненной Первоуральску, река следует по относительно спокойной для ее режима районам — Шалинскому, Пригородному, Горнозаводскому. В этих краях нет таких крупных заводов, как в Полевском, Ревде и Первоуральске, мало и крупных населенных пунктов — загрязнять реку, вроде бы, некому. И, все-таки, и здесь, оказывается, есть кому.

Не такой уж большой завод — Староуткинский металлургический. И не так уж много у него производственных стоков. А вот реку портит. И, какой, думаете, цех? Трудно даже догадаться — ремонтно-строительный! Он расположился в полутораста метрах от реки и использует ее как естественную канализационную систему. Проще говоря — сбрасывает в Чусовую отходы леса, опил и всяческий мусор. Здесь дело не в каких-то дорогостоящих очистных сооружениях, а в том, чтобы переломить обычную лень, перерастающую в преступную бесхозяйственность.

Тепловозное депо этого завода не желает построить простейшие нефтеловушки и добавляет в Чусовую свой «вклад» — масло, мазут, солидол, стекающие с его неряшливо содержащейся площадки. То же самое — заводской гараж.

Заводик, вроде, маленький, а вред приносит изрядный. И таких небольших предприятий-нерях вдоль берегов Чусовой немало: заправочные станции и гаражи, животноводческие фермы и промкомбинаты, леспромхозы и карьеры.

Особенно карьеры. Их на Чусовой, к сожалению, много. Они с хладнокровной жестокостью уничтожают знаменитые скалы — природные и исторические памятники. Так карьер Ижевского рудоуправления (как он сюда попал?) совсем разрушил легендарный камень Слизкой. Был камень, и — нет его. Только легенды и остались да память людская. А как о вас вспоминать люди будут, товарищи руководители Ижевского рудоуправления?

Дальше путь Чусовой подводит нас к городу, носящему имя реки — Чусовому. И он-то, к сожалению, не только не дорожит славой этой голубой жемчужины Урала, а поставил себя в число основных, самых злостных врагов родной реки.

Чего уж может быть хуже, если сам председатель горсовета товарищ А. Анохин вопиет в областной газете: «У трех рек... без воды» (так называется его статья в газете «Звезда»). Город, стоящий у слияния трех крупных рек — Чусовой, Вильвы и Усьвы, — оказался сегодня на голодном пайке. Судите сами: на каждого чусовлянина приходится около ста литров воды, вместо трехсот по норме. Мало того — под угрозой пуск строящегося рессорного цеха металлургического завода — для него нет воды.

Вода-то, конечно, есть. Но какая? Ни для питья, ни для хозяйственных и производственных нужд не пригодная.

А в чем дело? Кто губит? Да в первую очередь тот же металлургический завод. Половина из тех 130 тысяч кубометров (это уже десять емкостей с пятиэтажный дом каждая) производственных стоков, что он сбрасывает в реку, идет неочищенными. Количество вредных веществ в них превышает допустимые нормы в 8—10 раз.

Загрязняют реку и железнодорожный узел, и домостроительный комбинат, и мелькомбинат, и завод железобетонных конструкций — все, кому не лень.

Но самая главная беда трех рек-сестер, это молевой сплав.

Ежегодно по Чусовой в этом районе сплавляется более миллиона кубометров древесины. И вот к чему, по словам того же товарища Анохина, это приводит: только за последние 15 лет потери лиственного леса составили более 300 тысяч кубометров. В черте города на дно Чусовой и Усьвы осело 50—70 тысяч кубометров. В некоторых местах слой топляков достигает четырех метров!

Топляками забиты Вильва и Усьва. Все окрестные берега завалены корой. Анализ воды... впрочем, какая это вода — просто грязная жижа.

Воды не хватает. А в то же время по берегам этих рек комбинат «Чусовлес» вырубает водохранилища. Рубят сук, на котором сидят! При таком «методе» хозяйствования через несколько лет река «выйдет из строя», не будет пригодна даже и для сплава (задушат топляками). Что тогда? «А там видно будет», — рассуждают, очевидно, лесозаготовители, а пока желают работать по старинке — без хлопот, без забот, как полегче.

Именно этим «там видно будет» и объясняется, вероятно, позиция комбината в его споре с...сессией городского Совета депутатов трудящихся. Еще в 1967 году сессия Совета постановила прекратить сплав леса по Чусовой и Усьве в 1968 году. «Чусовлес» не только не выполнил этого решения, но и в 1969 году, на новой сессии, его представитель (начальник комбината товарищ Рутутов) назвал «свои» сроки прекращения сплава: по Усьве — в 1972 году, а по Чусовой — в 1975 году. Почему именно в 1975-м? Надо думать, потому, что в этом году сплав просто будет невозможен — комбинат погубит реку. Вот тогда и думать будем, что делать! А зачем думать сейчас, когда на последних вздохах реки можно еще пожить сколько-то...

Да, недаром писал в редакцию один старый чусовлянин, побывавший нынче на родных берегах: «мне стыдно за мой родной город, за его отношение к реке. Стыдно и горько...»

Надо думать, что всем нам стыдно и горько. Эх, кабы город Чусовой да последовал примеру Первоуральска, Северского и Полевского!

В этом году операцией не были охвачены все притоки Чусовой. А некоторые из них прямо-таки зывают о помощи, о спасении.

«Когда-то наша река Серебрянка, — пишут нам из деревни, расположенной на этом притоке Чусовой, — была прозрачной и очень привлекательной. Говорят, что Ермак, увидев эту хрустально-чистую, отливающую серебром уральскую речку, дал ей это имя, которое она носит и поныне. Но сейчас ее надо называть иначе — Грязнухой — это будет вернее».

Гибнет Серебрянка, ее надо спасать!

Один из крупнейших притоков Чусовой — река Лысьва, дойдя до города, которому она дала имя, теряет свое значение как река — за пределами города она выглядит сточной канавой. (Читайте об этом очерк Б. Рябинина в этом же номере журнала.)

Гибнет Лысьва, ждет помощи!

Не все благополучно на Сылве и некоторых других притоках.

Притоки Чусовой тоже ждут помощи, без притоков нет реки!

Этот год, этот — первый — этап операции «Ч» был этапом разведки перед боем. Продолжая аналогию, можно сказать, что на этом этапе удалось основательно разведать противника, выявить его силы и средства, его сильные и слабые места. Теперь предстоит развить операцию вширь и вглубь.

Первый этап показал, что, несмотря на мрачную картину состояния Чусовой, есть все возможности для спасения дорогой нам всем реки. Государство не жалеет денег на природоохранные цели. Власти на местах оказывают полное содействие. В районах существуют крупные организации Общества охраны природы. Все (без исключения) беды, которые терпит сейчас река, устранимы. Чусовую можно спасти, она снова может стать чистой, красивой, снова с честью носить имя жемчужины Урала.

Все можно сделать, ибо все в руках человека. И, горячо верится, что все это будет сделано. И мы еще увидим снова красавицу Чусовую во всем ее блеске. Река будет жить, она вернет себе былую славу!

Лысьвенский

узел

Б. РЯБИНИН

Редакция лысьвенской газеты «Искра», побуждаемая письмом читателя тов. Корякина, запросила директора местного металлургического завода Е. С. Одинцова: что сделано и делается для очистки реки Лысьвы? Лысьва — приток Чусовой, превращенная в сточную канаву, загрязняет и чусовские воды... Когда это прекратится?

Директор ответил читателю и редакции:

«...Что касается замечания об очистке р. Чусовой, то мне неизвестно, кто и как ее очистил. Известно другое, что в период работы драг по добыче алмазов на р. Вижай, воды этой реки были сильно взмучены и, попадая в притоки р. Чусовой, сильно загрязняли Чусовую. После того, как драги были сняты, Чусовая снова стала светлой...»

Увы, дела на Лысьве и Чусовой обстоят не так. Далеко не так! Ответ директора — святая наивность! Что это — незнание или лицемерие? Неужели директор и впрямь полагает, что все зло заключалось в вижайских драгах и Чусовая «стала снова светлой»?

Прочитируем «Справку о мерах по прекращению загрязнения реки Лысьвы сточными водами Лысьвенского металлургического завода», подготовленную бригадой из девяти человек по поручению Пермского областного комитета народного контроля. Письмо директора помечено мартом 1969 года; «Справка» — от 27 февраля того же года. Вряд ли за такой короткий промежуток времени могло измениться что-либо.

Итак, строки из «Справки»: «Сточные воды большинства цехов кислые... Основная масса загрязненных вод сбрасывается в р. Лысьву без очистки, что приводит к ее загрязнению солями железа, свободной серной и соляной кислотами, цинком, нефтепродуктами и др. Кроме того, река загрязняется бытовыми стоками. До впадения в Чусовую р. Лысьва на протяжении 20—25 километров течет по относительно спокойному рельефу. На этом пути происходит полное выпадение железа, о чем свидетельствует наличие по берегам и дну водоема желтого железистого осадка...»

В своих выводах бригада пишет:

«Лысьвенским метзаводом за последние два года проделана некоторая работа по снижению загрязнения р. Лысьвы. В результате проведенных мероприятий ликвидировано загрязнение реки цианидами, хроматами, значительно снижено загрязнение мазутом и свободными кислотами. Однако основная масса сточных вод не обезврежи-

вается и сбрасывается в водоем без очистки... Река Лысьва по-прежнему представляет опасность для здоровья населения...» (курсив мой.— Б. Р.).

А вот еще документ — разъяснение Общества охраны природы по городу Лысьве. Хочу извиниться перед читателем — здесь снова будут сухие слова и сухие цифры. Но что поделаешь, если без них не обойтись, а именно от них-то, порой, и зависит судьба хороших дел.

Так вот: «...Лысьвенский турбогенераторный завод должен был построить очистные сооружения хозяйственно-бытовой канализации... Строительство велось с 1960 года, и в 1962 году завод ввел в эксплуатацию комплекс сооружений по механической очистке стоков. Дальнейшее строительство было прекращено в связи с перерасходом сметы... В настоящее время титулодержателем определены Лысьвенский металлургический завод, который поручил Свердловскому отделению «Союзводоканалпроект» откорректировать проект. Согласно новому проекту общая сметная стоимость очистных сооружений составляет 2.582,3 тыс. руб. Проект и смета еще не утверждены Министерством черной металлургии СССР и строительство очистных сооружений приостановлено».

Конечно, если Чусовая «стала снова светлой», как уверен тов. Одинцов, зачем и строить, тратить деньги? А река Лысьва? Стоит ли печалиться...

Лысьва. Мне давно хотелось попасть сюда. Интересовала знаменитая лысьвенская эмалированная посуда: надо посмотреть, как ее делают.

Город — на косогорах, на холмах; улицы, дома сбегают к реке, к пруду; и там, в низине, как во всех старых уральских горнозаводских поселениях, сердцевина всего — завод, породивший и город и его славу. На пруд и завод глядит с чугунного пьедестала Ленин. Он в полный рост. Памятник поставлен после смерти вождя на средства рабочих.

Город славных революционных традиций, Лысьва хранит память о многих событиях. Это засвидетельствовано в надписях на многочисленных мемориальных досках,

В бывшей конторе графа Шувалова — народный музей. Здесь прошлое встает осязаемо и зримо. Заботливыми руками местных патриотов собрано много реликвий. Фотографии, рисунки, изде-

лия из металла, пожелтевшие листовки-воззвания, отпечатанные в подполье на примитивном типографском станке.

Лысьвенский горный округ наследников графа П. П. Шувалова, располагавший огромными природными богатствами — лесом, рудой, водой — производил не только сырой чугун да железо. В первую мировую войну делали снаряды для русской армии. А когда грянула революция и разразилась гражданская война, территория округа, в прошлом не раз служившая ареной ожесточенных классовых боев, превратилась в поле битвы между красными и белыми.

Яростно сражались бойцы-красногвардейцы в рядах своих лысьвенских полков против наступавших полчищ Колчака, лучше вооруженных, богаче оснащенных, имевших союзников-интервентов, а за спиной Антанты с ее толстой мощной. Повсюду вокруг Лысьвы обелиски на братских могилах, памятные места, урочища, где полегли и спят вечным сном борцы за новую жизнь. Сколько рабочей крови впитала уральская земля! Сколько до времени ушло из жизни молодых да здоровых! В деревне Исады в одну ночь было вырезано 800 революционных моряков-кронштадтцев. В песнях да легендах сказывается про героев. И поныне находят следы минувшего: там заросший бурьяном окоп, там ржавый обломок штыка, позеленевшие ружейные гильзы.

Завод дважды орденосный: награжден орденом Ленина и Отечественной войны I степени. В войну делали каски, это тысячи спасенных жизней. Ассортимент продукции очень широкий: сталь листовая, сталь электротехническая, оцинкованная жесть; кухонные газовые и электроплиты «Лысьва», эмаль-посуда, всяческие метизы — молочные фляги, подойники, корыта; оцинкованная, медная посуда, ветроустойчивые фонари, запасные части (реактивные шланги) для автомобилей, нестандартное оборудование для механизации цехов; литейная, кузнечная продукция...

Большой коллекцией представлена продукция эмаль-цеха: кухонные, чайные сервизы и россыпью, разных расцветок и разрисовок, детские наборы. Огромная карта показывает, куда идет продукция. Стрелы протянулись через весь мир: сорок стран! Везде знают Лысьву.

На заводе есть свой, цеховой, музей, и тоже собрана целая коллекция эмалированной посуды. Сколько ее! Всех цветов! Какие разрисовки! В русском стиле. С орнаментом или просто с легкой каемочкой. Со зверюшками и птицами, с жанровыми сценками — для детей. Вазы подарочные, уникальные, сделанные в честь событий, с оригинальной художественной отделкой. Родная сестра амфоры, поднесенной космонавтам; в мире есть только две такие...

— Это, — обводит рукой начальник цеха Виктор Павлович Серов, — собрали к 50-летию Октября. Интересно самим — что выпускали раньше. Ручная роспись была. И вообще все было другое. А где взять? Только у стариков, если где сохранилось случайно. Обратились с воззванием: товарищи, приносите старые изделия завода, только чтоб уж не совсем заржавленные и худые. В обмен получите такие же, только новые! Впрочем, брали и ржавые и худые, если представляли интерес. Кое-что собрали, теперь храним...

Перед глазами у меня посуда, а в уме — природа, река Лысьва. «Операция Ч», которая приве-

ла меня сюда, заставляет мысленно постоянно обращаться к судьбе реки. Определенную тревогу насчет состояния дел природы в Лысьве и Лысьвенском районе высказывал и директор народного музея Николай Самойлович Столяров. Специальное письмо по этому поводу оставил в Пермском обкоме партии недавно побывавший в Лысьве маршал-уралец Филипп Иванович Голиков. И слушающая людей, пытаюсь представить чувства, владеющие ими, когда они держат в руках эти побывавшие в употреблении дырявые чайники, кувшины, миски, я одновременно думаю: что мешают нам вот так же бережно относиться к природе? Небрежение? Непонимание? Леность?

«Ч» — это не только Чусовая. Это и ее притоки: Лысьва, Сытва... Неблагополучно с ними — плохо Чусовой. Переворачивая старую пословицу, можно сказать: каковы детки, такова matka.

С рекой случилось страшное: ее всю, до капельки, проглотил завод. Всю. Без остатка.

Река — здесь, рядышком, журчит приглушенно где-то под стенами эмаль-цеха, но ее не видно, она вся заслонена заводскими корпусами, затерялась среди нагромождения приземистых закопченных построек, труб, копров, подъездных путей...

Все старые уральские заводы стояли только на реках. Вода приводила в движение заводские механизмы. Без воды не могла развиваться промышленность.

Ныне на смену воде пришли электричество и горючий газ. Но вода по-прежнему нужна заводу. И даже в большем количестве, чем прежде.

Вода копится в пруду. Здесь их два: малый — на реке Травянке, большой — на Лысьве. От плотины большого пруда начинается и сам завод. Открытый водозабор, как говорят техники. До завода вода чиста. А то, что вытекает за его территорией, рекой назвать уже нельзя. «Железная река», рыжая от железного купороса, где убита всякая жизнь. Пить нельзя. Даже купаться противопоказано.

Река обмелела: на дне лежит много леса (раньше шел сплав). Лес гниет и тоже портит воду.

Сразу скажем, что неблагоприятно и с прудами. В большом — вода стоит, его никогда не чистят. Зимой по нему ездят, сбрасывают отбросы. Пруды зарастают. А воды совсем не лишка.

Город уже испытывает водный голод. Строятся новые кварталы, а одному 70-квартирному дому нужно, если исходить из нормальных потребностей, 300 кубометров воды в сутки. «В водопровод набераем только ночью чайник воды, — жалуются лысьвенцы. — Нет питьевой! Подземную выпили. Там, где брали, больше нет. Опускали глубже насосы, увеличивали мощность, чтоб сильнее сосать. Но сосут воздух — воды нет!» Из-за этого город не может развиваться.

Подземные запасы исчерпаны еще и потому, что неаккуратно обращались с зеленым другом. Вокруг Лысьвы леса, но в 15-километровой зеленой зоне, действительно, немало проплешин, голо — вырубил! а лес — накопитель и охранитель влаги. Весной 1969-го санинспекция вынуждена была даже разрешить пить воду из пруда. Сейчас думают брать за пять километров от Лысьвы, но это тоже полумера.

Воду из Лысьвы используют для своих нужд два завода: металлургический, старый (ЛМЗ) и турбогенераторный, возникший в советскую пору (ТГЗ). Заводы должны быть заинтересованы в очистке и углублении прудов. Для этого нужны

деньги, а их не дают (на причинах остановимся ниже). В итоге может скоро наступить такой момент, когда воды не хватит и для технических целей...

И ведь если бы все у лысьвенцев было плохо! Тогда, как говорится, и спрос иной. Но они вовсе не сидели все годы сложа руки, потрудились немало. Когда идешь к эмаль-цеху, то шагаешь длинной тополевой аллеей; насаждения — на улицах, площадях, у школ. Взрастить деревья было совсем не просто. Сквер на площади Революции погибал и возрождался трижды. Сожжет выбросом газа — засадят снова. В 1956 году восстановили в последний раз. Теперь растет.

Лет 10—15 назад загазованность в центре города (в основном сернистым газом) превышала допустимую норму в 20—25 раз; теперь в пределах нормы.

А какие выставки цветов ежегодно под осень устраивают в Лысьве! Хоть сейчас в столицу, на ВДНХ!

А вот река... Река — в обиде.

Подробный разговор о реке состоялся в санитарной лаборатории. Она тут же, на территории завода, поблизости от эмаль-цеха

Обычно санитарная инспекция — союзница природы. Она следит за состоянием воздушного бассейна, берет пробы воды и составляет акты, на основании которых потом нарушителей привлекают к ответственности.

А как здесь? Что предпринимает инспекция для спасения реки? Есть ли надежда, что Лысьва снова станет чистой, воскреснет из мертвых?

Главный врач санэпидстанции Владимир Герасимович Рыжиков разворачивает «Укрупненные графики выполнения мероприятий по предотвращению загрязнения реки Лысьва Лысьвенским металлургическим заводом (1968—1972 гг.)».

— За 1968 год выполнено полностью, — бодрым тоном начинает он и, поймав мой молчаливый вопрос, поспешно поправляется: — Завод подлежит реконструкции, потому все тянулось. Говорят: вот уж возьмемся, тогда все сразу. Мы настаиваем делать локальные очистные цеха... Теперь улавливают хром шестивалентный, нейтрализуются кислые стоки. Очистка в эмаль-цехе: сбрасывались краски, теперь осваиваются. Договорились, что в период нереста будут вывозить кислые стоки на золоотвал. Естественная нейтрализация. Пока так...

«Пока». Ох уж эти «пока»!

А пока выясняется главное, что погубило реку — отсутствие у завода внутреннего водооборота; все берется из природы, свеженькое, а отдается — испорченное, не пригодное ни рыбе, ни человеку.

Нет, такой разговор никого удовлетворить не сможет. Не удовлетворил он, очевидно, и присутствовавшую на беседе В. В. Киселеву, секретаря городского Общества охраны природы.

— А город? — вставляет вопрос Валентина Васильевна.

Выясняется: городские коллекторы переполнены.

— А если прорвет?

Рыжиков опять начинает потрясать графиками. Графики — дело хорошее, но это вновь обещания, а мы, признаться, уже сыты ими.

— Есть ли гарантия, что впредь река перестанет засоряться?

Рыжиков и на сей раз уходит от прямого ответа.

Разговор продолжается в кабинете главного инженера металлургического завода. О нашем приходе главный инженер был предупрежден по телефону, и Валентина Васильевна еще в лаборатории все беспокоилась, как бы не опоздать, но когда наступило время идти в заводоуправление, вдруг сникла и даже пыталась уклониться («Зачем я вам там? Справитесь без меня...»). А когда вошла в кабинет, она добавила фразу, которая могла показаться странной, если бы я не знал, что скрывается за нею:

— Вам, очевидно, мое присутствие не доставит удовольствия...

— Нет, почему же. Проходите, пожалуйста, — отвечал главный инженер холодным тоном.

Валентина Васильевна под села к столу, но я видел, что она нетерпеливо ожидает конца разговора, чтоб можно было поскорее встать и уйти. Положительно я не узнавал ее, такую решительную, бескомпромиссную, всегда уверенную в себе...

Тут, пожалуй, мне следует сделать отступление.

Валентина Васильевна Киселева не готовила себя к деятельности защитника природы. Да и кто из нас готовился к этому: вузов таких пока еще нет. Просто самим ходом жизни ее вынесло на эту стезю.

Она оказалась очень на месте. Правда, кое-кто сетовал: мол, больно пряма, умеет восстанавливать против себя, обижает людей. Обижает? Кого? А может, просто нетерпима к лицемерию и злу? Таким и должен быть настоящий человек и защитник природы.

Маленькая женщина эта — с большим характером. «Я фанатичка», — говорит она про себя. А может быть, вернее сказать так: серьезно относится к своим обязанностям, взятым на себя не столько ради заработка, сколько по велению сердца.

А работка, и вправду, не из легких. Как она сама характеризует: «Я — ответственный секретарь, казначей, бухгалтер, инструктор, инспектор, склад ядохимикатов... все за 45 рублей — полставки».

Когда Киселева пришла работать в декабре 1963 года, в Лысьве было две с чем-то тысячи членов Общества; в 1968-м — свыше 14 тысяч. Нет, это, конечно, не только ее заслуга; но она же единственный освобожденный работник, — кому же заниматься, как не ей!

Порой Киселевой даже пообедать некогда; дома появляется поздно вечером. Вот и выставки цветоводства, которые имели большой успех, тоже на ней.

Но цветы — дело приятное, так сказать, отдушина для чувств. Куда менее приятно воевать с браконьерами, всякими нарушителями. Дня не пройдет, чтобы не прибежали ребята: «Тетенька, а там дяленька ветку сломил!.. Тетенька, а там коза дерево ест!..» Первоклашки — самые активные члены Общества. Они выглядят, ей — принимать меры. Кто «дяленька»? Чья коза?

«Судилась с частником»: срубил триста сосен себе на изгородь. Присудили ему 1113 рублей выплачивать государству и дали условно год испра-

вительных работ, Вряд ли гражданин Ширинкин благодарен ей за это. Лося убил Зухра Шакиров, тоже передано в суд...

На благодарность трудно рассчитывать, когда заведется тяжба с предприятиями. И по сей день не может забыть то, что случилось в 1967 году с ЛМЗ.

В мае это было. В воскресенье, 20-го. С утра началось к ней паломничество в дом — приходили соседи, знакомые:

— Вы знаете, что на всех перекрестках продают рыбу? Было массовое отравление. Можно ли покупать?

Кому какая забота: им — рыба в ухе, а ей — рыба в реке. Что с рекой?

Выяснилось: от моста металлургического завода, при выходе с территории завода, до деревни Лезгиной плывет лещ вверх брюхом. Ловят юбками, вброд, кто чем может...

На машине горкома партии поехали вдоль реки. Люди рассказывали, кто сколько выловил: «Я-то килограмма два только поймал. А вот он килограммов пятнадцать!» Лещ шел на нерест.

Рыба плыла почти весь день. Километров двадцать реки представляли настоящее рыбье кладбище.

В понедельник на работе непрерывно звонил телефон. За сутки с небольшим в Общество охраны природы поступило от населения 93 жалобы, письменно и по телефону.

Расследование показало: рыба отравлена бурой.

Стали искать браконьеров (обычно они пользуются бурой). Виновником оказался... завод — ЛМЗ. Как объясняли после администрации, недосмотрели за хранением: кто-то унес со склада два мешка буры, предназначавшихся для эмаль-цефа. Кто похититель, установить точно так и не удалось. После стали закрывать на замок, однако, забегая вперед, можно сообщить, что в 1968 году кража буры повторилась, и только после этого ее стали хранить, как надо, завели строгий порядок.

Стали оформлять дело. Не оформляют. Заколедило! Милиция: «Мы ничего не знаем, нам никто никакого задания не давал...» Как будто нужно задание, чтобы наказать расхитителей народного достояния. Тогда Киселева позвонила в Пермь в Рыбнадзор и в облпрокуратуру. Вечером те были уже в Лысьве, прилетели на самолете. Подключился народный контроль. Отправились в цеха. Машина закрутилась. Вскоре газета «Искра» оповестила, что возбуждено уголовное дело против администрации ЛМЗ.

За весь 1967 год это был единственный случай по Пермской области, когда было возбуждено уголовное дело на губителей природы. Нет, не потому, что больше некого было судить: слишком неохотно до сих пор принимают суды к производству подобного рода дела. Завод был вынужден покрыть убытки в сумме 7200 рублей, а несколько человек из руководящего персонала наказаны штрафом по 100 рублей каждый. Директору и главному инженеру грозило наказание пострее...

Уже давно говорили: завод нарушает правила охраны поверхностных вод. Представители Пермской группы Северо-Уральской бассейновой инспекции составляли акты, указывали на недостатки. Не действовало. История с лещом к чему научила. Достаточно ли? Не все способны делать сразу выводы, а иногда делают, да не те.

Да, охранять природу не просто. И положение защитника природы иной раз очень сложное. Киселева испытала это на себе. Сказать, что после этого на нее косились, не сказать ничего. Долгое время не давали пропуска на завод...

...Разговор в кабинете у главного инженера сперва не ладился. Хозяин кабинета, Евгений Васильевич Иванов, заканчивал объяснение с подчиненным, сдвинув брови, с подчеркнuto строгим выражением лица.

Мне рассказывали: главный инженер вникает сейчас во все детали, строго спрашивает с начальников цехов на оперативках, если они не проявляют достаточной заботы к делам природы.

Рыжиков опять извлек на свет свои «Укрупненные графики» и разложил их на столе. Но мы и так уже много времени посвятили графикам. И вообще, что даст такой разговор? Начнется жонглирование цифрами и терминами.

— Давайте говорить честно: ведь это все полумеры, кардинального решения вопроса они не дают, — сказал я.

Внезапно оскорбленно запротестовал Рыжиков: разве мало делается? Вон скоро будет аэрационная плотина для насыщения воды кислородом, сброс по ступенькам. Должна быть в конце завода... Иванов только повел на него глазами. Складывалось впечатление, что главсанврач даже больше выгораживает завод, чем сами руководители предприятия, почему — неизвестно.

— Не можем места найти для очистных сооружений. Заводу 180 лет, — заговорил Евгений Васильевич. — Строили — об этом не думали. Тесно. Вы были в цехах? До сих пор старый — пакетный — способ прокатки железного листа: разрубают косарем. Где еще увидите? Десять лет разрешается вопрос капитальной реконструкции. А без реконструкции все, что бы мы ни делали, при всем старании, все это подпорки...

Что ж, мы рады услышать и это: честное признание лучше хитрых уверток. Но как же все-таки быть с Лысьвой? «Ссылки на реконструкцию надоело слушать», — вспомнились строки из письма Корякина. Так же высказывались другие.

Евгений Васильевич как будто подслушал:

— Нас ругают: консерваторы-де, не хотим... Прежде, действительно было; сейчас — изменилось... С 1967 года ЦЗЛ (центральная заводская лаборатория) ведет большую работу по систематическому изучению загрязнения реки Лысьвы, состава и метода очистки образующихся на заводе промстоков. За два года внесено десять предложений по методам локальной очистки травильных растворов, в настоящий момент все они реализованы. С апреля этого года ввели в штат завода должность инженера по техническому надзору за сточными водами. Разработан «План мероприятий по предупреждению загрязнения реки Лысьвы». Строже взыскиваем. Но положение очень серьезное. Не все от нас зависит.

Что же от них не зависит?

Сложная проблема — железный купорос. Проблема эта не только лысьвенская. «Северский завод завалил отвалы железным купоросом. Сброса его нет. Маюются другие...» Между тем, железный купорос — ценнейший продукт. Выловленный из травильных растворов, подвергнутый обжигу, перемолотый, он дает так называемый пигмент, в котором остро нуждаются промышленность, строители. Железный сурик — окись железа — прекрасная краска.

Завод ищет пути. Заключил договор с Уральским государственным университетом. Ученые разработали технологию: путем электролиза отделяют железный купорос, в итоге получается порошковое железо для штамповки. Порошковая металлургия — перспективная отрасль народного хозяйства. Университет уже сделал интересную установку для Верхне-Салдинского завода (там извлекают титановые белила). Опытную установку делает Северский. Решать нужно коллективно, тогда и успех наиболее вероятен, и придет быстрее. Получить бы такую установку, и река перестанет быть красной...

Однако, наиглавнейшее — оборотное водоснабжение. Опять претензии к проектным институтам: медленно выдают документацию. Сколько раз уже срывали сроки. А ведь тут ключ ко всему, избавление от многих бед! Взять из реки сколько-то воды и пусть она крутится внутри завода; только добавлять на испарение, на технические потери. Тогда снова обретет свободное течение река Лысьва, природе не нужно будет непрерывно восполнять потери в водном балансе.

Но техника техникой, а люди — людьми. Вот убийственный факт. В 1953 году уже начинали строить очистные сооружения, но не закончили — не хватило денег. Вскоре произошла смена руководства: директором стал Одинцов. Он погубил все, что было сделано. Главный корпус очистки был возведен под крышу — в нем разместили отдел капитального строительства и подсобные мастерские. Была смонтирована часть оборудования — порезали, выбросили в переплавку. Три миллиона рублей улетели в воздух зря.

Все делают люди, все! Старый директор был не рыбак, но хотел сделать доброе для реки; Одинцов — с осуждением говорили люди — равнодушен, хотя сам не прочь побаловаться рыбалкой: на плотинке для него поставлена специальная будка... Уж ведь попадал однажды в беду, спас случай. Увы, не волнует товарища директора судьба реки, смотрит как на лишнее беспокойство.

Разговор в кабинете главного инженера принял неожиданный оборот с появлением высокого молодого мужчины с озабоченным лицом.

— Клементьев Александр Иванович, — представил его главный инженер. — Начальник несуществующего цеха...

— То есть?..

— Очень просто. Он — начальник цеха холодной прокатки. Прокатка есть, а цеха нет...

— Ничего не понимаю, — признался я. — Что же он делает, кем или чем командует, если цеха нет?

— Он больше всех работает, ездит, выколачивает... Жена уж развод ему собирается давать, — пошутил Евгений Васильевич. Клементьев сдержанно улыбнулся и опять стал серьезен. — Дома не живет.

Вскоре все разъясняется. Разговоры о реконструкции — не пустые разговоры: насущная необходимость. Все спят и видят ее. С нею связана и деятельность начальника «несуществующего цеха».

Старый завод, фигурально выражаясь, давно уже нуждается в омоложении, приливе свежей крови. Общие наметки давно готовы. И не только наметки, есть кое-что уже и вполне реальное. Ну, к примеру, новые виды продукции. Их уже успешно осваивает Лысьва. Было время — событием была белая жесть, луженная оловом; теперь на смену идут, вернее, уже пришли жести, покрытые пищевыми лаками. Экономичнее, выгоднее, практичнее.

На столе у главного инженера появляется несколько банок с этикеткой «Ставрида».

— Чтоб сделать эту банку, были проделаны тысячи опытов. Разработали точную технологию. В чем особая ценность? Этим банкам три года. Вот эта из белой жести. Если ее вскрыть, вы увидите следы реакции: олово тоже не вечно. А вот эта — как свеженькая. Здесь лаки. А представляете, какое это имеет значение? Теперь судите: надо или не надо это форсировать? По общему проекту должен быть новый цех холодной прокатки жестевого листа...

Но тут главный инженер делает паузу и продолжает уже другим тоном.

— Все это мечты! Если будет 170 миллионов рублей. Тогда и в отношении природы можно будет подумать как следует, предусмотреть все, что требуется. Не будет 170 миллионов — останется по-старому, речка будет красной...

Вот оно куда повернулось. Начали с природы, а кончили чем... Впрочем, не ясно ли, что охрана природы переплетается с проблемами производственными, общественными, социальными!

Но когда же, когда все это будет, «закрутится по-настоящему»? Чтоб и река, и люди, и вся природа могли вздохнуть с облегчением?

— В этой пятилетке намечали провести полную реконструкцию, а Госплан затормозил: «будет рассмотрен вопрос»... Как будет решен, еще неизвестно.

— Что мешает?

— Говорят, нет строительной базы...

— Но ее же можно создать!

— Конечно. И мы так же говорим. А нам отвечают: будем строить в Запорожье, в Караганде, там строительная база хорошая, можно быстро строить. Будем заниматься ими в первую очередь. А Лысьва, вроде, подождет... Ну, мы, — продолжает Иванов, — стараемся ускорить, как можно, повлиять, насколько в нашей власти. Жмем всеми способами! Готовим площадку. Но нужного темпа и масштаба пока еще нет...

Ах, если бы поскорее — и темпы нужные и масштабы! Чтобы поскорее стала Лысьва чистой и красивой, полезной людям.

ИЗ КНИЖКИ ПЕРИРОДЫ

КРАЧКИ

Утром на озере первыми всегда появлялись чайки. Одна за другой они выплывали из розового тумана и летели дальше, снова в туман, инспектировать свои владения. Чайки медленно опускали и поднимали крылья, лениво, будто по обязанности, поглядывали из стороны в сторону, а потому всегда казались мне сонными в эти ранние утренние часы.

Следом за чайками над водой появлялись крачки. Крачки уже успевали проснуться, успевали понырять и половить рыбешку и теперь оглашали озеро и окрестные места громкими, задиристыми криками.

От своих более рассудительных собратьев, сизых и озерных чаек, крачки отличались большой непоседливостью. Чем-то эти неугомонные птицы походили на озорных, но смысленных мальчишек, которые хоть и кажутся непослушными, однако всегда готовы на большую искреннюю дружбу.

С крачками я подружился почти сразу... Лодка осторожно подошла к каменистому островку, я выбрался на берег и тут же встретил воинственные отряды небольших сереньких птиц. Они взмывали вверх, пикировали на незнакомца и угрожающе кричали. Наиболее отважные выходили из пике лишь над моей головой, и я не знал, как восстановить нарушенный мир... Я присел, достал из сумки несколько рыбешек и предложил их рассерженным птицам. Воинственные крики, звучащие примерно как «кикикья-яя» или «киррря-яя», сменились на примирительное «ки-кики». А через полминуты мои будущие друзья уже сидели недалеко на камнях и с удовольствием уплетали мои подношения...

Шел день за днем, мои визиты на остров крачек повторялись все чаще, переговоры с каждым разом проходили спокойнее, мои дары становились богаче, и теперь мне оставалось только подписать с птицами совместное коммюнике, где отношения человека и обитателей острова именовались бы самыми дружественными.

Так постепенно островок посреди озера стал принадлежать и мне. Я получил неограниченное право передвигаться среди гранитных валунов, ловить рыбу рядом с гнездами птиц и даже осматривать эти гнезда, проводя при этом несложные беседы с желторотыми птенцами.

Птенцы уже умели выбираться из гнезд, умели совершать нехитрые путешествия среди камней и потому родителей встречали не у дверей своего дома, а на границе песчаной отмели... Когда мимо

островка проходил пароводик и большая крутая волна, шипя, приближалась к отмели, птенцы смешно сутулились, опускали головки и быстро-быстро улепетывали подальше от опасности. Волна проходила, будущие крачки снова ковыляли к воде и снова принимались верещать, вызывая родителей. Если родители не сразу откликнулись на зов проголодавшихся детей, я вооружался удочкой, вылавливал несколько маленьких рыбешек и обходил кричащий детский сад. Птенцы благодарно умолкали, но почти тут же снова поднимали крик, требуя пищу, — уже не у родителей, а у меня.

Мои добровольные обязанности по воспитанию птенцов крачки восприняли как должное и порой какая-нибудь запоздавшая мамаша смиренно дождалась, когда я окончу кормление ее ребенка, и только потом направлялась к своему чаду...

Несмотря на всю искренность отношений, мое

присутствие на острове было ограничено одним очень строгим правилом — я не имел права поднимать над головой руки. Стоило мне в разговоре с птенцом подняться во весь рост, да еще показать ему пальцем, где находятся в данный момент его родители, как все взрослые обитатели острова тут же неслись к своим жилищам и поднимали истошный крик, содержание которого я переводил для себя следующими словами: «Что за безобразие! Прекратите ваши выходы! Или тут же убирайтесь!»

Я мог только догадываться о том, почему столь невинный жест вызывал ярость у моих добрых друзей. Впрочем, многое на острове казалось мне поначалу загадочным. Так, я долго не мог объяснить неожиданные тревоги и спешный отлет всех взрослых птиц в неизвестном направлении...

Тревогам на острове обычно ничто не предшествовало. Так же светило солнце, дул тот же самый ветер, на горизонте не было ни туч, ни ястреба, но птицы вдруг принимались кричать: «кирррря, кирррря», срывались с насиженных мест и суматошной толпой неслись куда-то за большие острова.

Тогда единственным защитником острова оставался я. Я готовился мужественно защищать каменистый клочок суши от любых завоевателей, называл сбегавшихся родителей трусами, но жизнь на острове по-прежнему оставалась безмятежной... Так проходило десять-пятнадцать минут, и сбегавшие птицы медленно и устало возвращались обратно. И нередко возвращались они с богатой добычей.

Мысль о том, что внезапное исчезновение птиц можно объяснить не близкой опасностью, а чем-либо иным, привела меня вслед за крачками к большому мелкому заливу. На берегу я тут же организовал наблюдательный пункт, и наконец мои старания увенчались успехом.

Залив, заросший травой, граничил с темной таинственной глубиной. Там, в глубине, жили окуни. Время от времени окуни появлялись в заливе и наводили ужас на мелких рыбешек, населявших подводные заросли. Окунь всегда появлялись

вдруг, бушевали по заливу одну-две минуты и снова надолго исчезали. Когда полосатые рыбины появлялись в заливе, вода кипела от окуневых хвостов, в разные стороны бросались стайки плотвичек, чавкали прожорливые пасти, испуганные рыбешки вылетали из воды и неосмотрительно падали на листья кувшинок. И вот тут-то на рыбешек, вылетающих из воды, и обрушивались новые охотники — мои крачки.

Ничего мудреного не было в том, что окуни так или иначе помогали крачкам ловить рыбу, а последние умело пользовались услугой хищников, — о коллективных охотах животных я знал, видел много таких общественных охот. Но... Вот это «но» заставляет меня задумываться и по сей день: откуда крачки могли знать тот момент, тот час и ту минуту, когда окуни начинали свою охоту?

Охота была недолгой, окуни появлялись и исчезали в глубине, придерживаясь своего собственного расписания. Это расписание никто и никогда не согласовывал с птицами, но птицы тем не менее никогда не опаздывали к началу окуневой охоты. Крачки появлялись в заливе за две-три минуты до выхода окуней из глубины, молча дожидались начала охоты и с криком растаскивали добычу.

Сначала я попытался выследить среди крачек птицу, которая дежурила бы около залива и могла подавать сигнал к началу охоты. Но такого наблюдателя у крачек не оказалось. Тогда я попробовал отыскать в заливе какого-нибудь другого наблюдателя, не связанного с крачками близким родством. Однако тщетно я просиживал часами на берегу залива. Ни с чем возвращался я вслед за удачливыми охотниками на остров, мучался в догадках и ничего не находил, и уже готов был поднять руки в знак капитуляции, но вовремя вспомнил, что поднимать руки на острове крачек мне категорически запрещено. Ведь эти птицы никак не соглашались принимать поднятые над головой руки за миролюбивый жест. В поднятых руках им чудилось оружие.

А. ОНЕГОВ

КАК ЛИСА ДОМ СЕБЕ ЗАВЕЛА

Хороший дом у лисы — глубокая нора в овраге. Все там есть: проходы и переходы, мягкие половики из сухих листьев, отдушины для притока свежего воздуха, запасные выходы — отнорки. Даже спальня есть.

Только нору-то лиса не сама рыла — отняла у барсука. А произошло это вот как.

Долго барсук старался. Хоть и не твердый был грунт, песчаник, все равно приходилось скрести его лапами, подкапывать носом, перегрызать крепкие древесные корни. Еще труднее стало, когда нора углубилась. Земля забивала лаз, и барсук выталкивал ее грудью. Но вот нора совсем глубоко ушла в берег, теперь землю и грудью не вытолкнешь.

Догадался барсук перебрасывать сыпучий песчаник лапами. Бросает, бросает из-под себя назад, к выходу, передвинется и опять бросает. И так до

тех пор, пока не дойдет до начала лаза. Из норы он свежий грунт не выбрасывает далеко, аккуратно разваливает у входа. Потом, когда закончит работу, пересыплет красноватую, заметную на зелени землю листьями и травой.

Две недели маялся — построил дом. Просторный, чистый. Осталось выстлать травкой полы, взбить помягче постель, а там и спать пора — зима-то не за горами.

Вернулся как-то утром барсук к норе и вздрогнул: дух такой неприятный, хоть нос зажимай! И лаз открыт. А когда уходил ночью на кормежку, вход завесил папоротником. Сунулся барсук в нору, а там кто-то есть! Пригляделся, видит — лежит мордой к выходу лиса. Вытянула голову, положила на лапы, шерсть острые зубы, протяжно с переливами рычит. Недобро мерцают желтые, как луковицы, глаза.

Все же полез барсук дальше: жалко вот так, ни с того, ни с сего, лишаться дома. Столько труда положил! Да и какой уж такой зверь — лиса? Так себе, шерсть да кости!

Лезет барсук, хрюкает, сопит с присвистом — страх на лису нагоняет. Не выдержала лиса, попятилась. Уши прижала, губы собрала складками, чтобы зубы виднее были, и рычит без передышки. Пятится, пятится, рычала, рычала да ка-ак вдруг бросится на барсука! Тот даже глаза от страха закрыл. А когда открыл, лиса была на прежнем месте. Морда у нее еще больше вытянулась, седые усища оттопырились.

Опять барсук стал наступать. Лиса заоглядывалась: нора незнакомая, тесная, всякие корешки цепляются за шерсть, собственный хвост мешается.

Снова лиса бросилась вперед, и снова барсук зажмурился. Но теперь уж не так испугался: все равно не заест лиса в норе.

Хрюкал барсук, хрюкал, пятил лису, пятил и дотянул до запасного отнорка. Еще немножко — и вытолкнет незваную гостью. А лиса и сама обрадовалась, что кончается узкий коридор, не стала дожидаться, когда барсук выпихнет ее, попятилась назад быстрее и быстрее. И вывалилась!

Барсук живенько забил отнорок травой, крутанулся вниз головой, развернулся, побежал затыкать парадный вход. Бежит, чихает. Ну и зверь, эта лиса, всю нору опаскудила своей вонючей шерстью. Как теперь здесь жить?

Добежал до парадного — а там опять лиса! Пуще прежнего скалит зубы, повизгивает от нетерпения поскорей вытурить хозяина. И давай наступать. Попятился барсук, — теперь лиса в выгодном положении. А она знай напирает да напирает. Глазища горят, спину горбит — вот-вот укусит. Собрал всю смелость барсук, хрюкнул погромче, и тут же пожалел: вовсе рассердилась лиса, подскочила, цапнула за самый кончик носа!

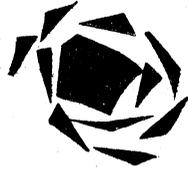
Заскулил барсук, замотал головой, давай без

остановок переступать назад. Переступал, переступал да и вылетел в овраг...

Тьфу ты, пакость какая! И чем только от нее пахнет? Псина, и только! Умей барсук плевать, непременно плюнул бы и на лису, и на свою нору. Обтер он о траву испоганенный нос, хрюкнул отчаянно да и побрел от оврага в соседний лес подыскивать место для новой норы. В старой ему, чистоплотному зверю, сейчас все равно не прожить.

Л. ФОМИН

ДЕТОПИСЬ НЕ- ОБЫЧАЙ- НЫХ ЯВЛЕНИЙ

Декабрь

Декабрь — месяц морозов. Но не одними морозами бывает грозен он. Много бед приносит тяжелый гололед.

В последние дни декабря 1957 года в юго-западных районах Башкирии на проводах высоковольтных линий электропередачи отложилось столько льда, что рухнуло более 100 опор. В декабре 1965 года в тех же районах Башкирии диаметр отложений льда на проводах достигал 100—140 миллиметров. На каждом метре провода, таким образом, висело 4,7 килограмма льда.

Бывают в декабре и зимние

После боры.

грозы. Их наблюдали жители Свердловска, Перми и Кунгура в один и тот же день — 24 декабря 1957 года, города Березники Пермской области — 8 декабря 1960 года и Усть-Катава Челябинской области — 10 декабря 1965 года.

Интересно, что за все время метеорологических наблюдений в Свердловске (с 1836 года) зимних гроз, кроме как в эти годы, не отмечалось.

В декабре 1968 года случилось совершенно необыкновенное для Урала явление природы — *бора*.

Первая декада месяца тогда отличалась исключительно сильными морозами, термометры отмечали до минус 44—48°.

В горных котловинах, верховьях рек Косьва и Усьва 8 декабря воздух охладился до минус 54°. Холодный тяжелый воздух, стекая по долинам рек, некоторое время задерживался хребтом Белый Спой, а затем стремительно ринулся через горный перевал. Неистовый ветер, достигая скорости 36—40 метров в секунду, переметал массу снега, насыпая двух-трехметровые сугробы. Некоторые здания в Кизеле и Губахе были занесены до самых крыш.

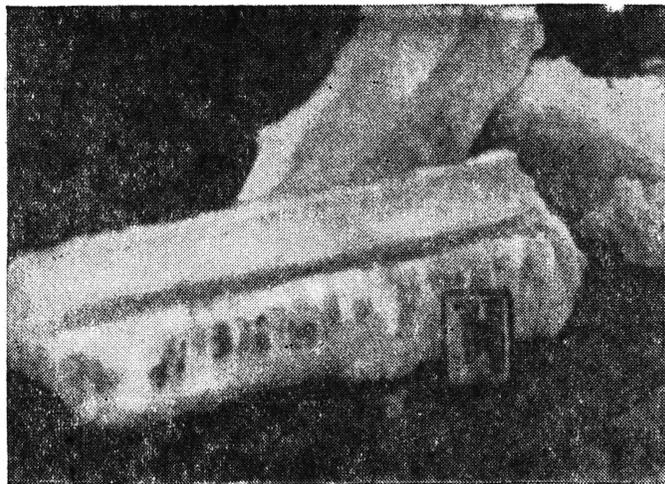
Свирепый морозный ветер продолжался 33 часа, парализовав всякое движение транспорта. Это была настоящая бора, впервые отмеченная на Урале.

Отмечены в декабре и землетрясения.

16 декабря 1836 года в Златоусте, Кыштыме и Тургоряке (Челябинская область) произошло землетрясение силой до трех баллов. Сопровождалось сильным подземным гулом.

8 декабря 1901 года колебание почвы наблюдалось в станции Кундравинской (тоже Челябинской области). В Миассе отмечалось дребезжание посуды, стук мебели. На следующие сутки, 9 декабря, землетрясение, сопровождавшееся подземным гулом, повторилось в городе Златоусте.

Л. ФЕДОРОВ,
З. ХАЛЕВИЦКИИ

Вот сколько льда намерзло на проводах. Темная полоска — след провода.

ПОЧЕТНЫЙ

КРАСНОАРМЕЕЦ

Перед нами — документ сорокалетней давности. Приведем его полностью:

СССР
Командир 1 роты
153 стрелкового полка
27 июля 1929 г.
№ 840

Почетному красноармейцу 1 роты
153 стрелкового полка
51-ой Перекопской дивизии
тов. Демьяну Бедному

15 августа с. г. 51-ая Перекопская дивизия имени Моссовета празднует 10-летие своего существования.

Вам, как почетному красноармейцу вверенной мне роты, участнику перекопских боев, которому хорошо известен исторический путь дивизии,

приказываю:

В целях заострения внимания трудящихся масс к делу обороны СССР и поднятия боеспособности дивизии:

1. Написать литературное произведение, посвященное десятилетию дивизии, и поместить его не позже 15 августа в центральных органах печати.

2. Прибыть на празднование в распоряжение 153-го Замоскворецкого полка в город Одессу.

3. О выполнении приказа и времени предполагаемого Вами прибытия в дивизию донести не позже 10 августа с. г.
Командир роты (Подпись).

Поэт этот приказ выполнил.

15 августа 1929 года в «Правде» было напечатано его стихотворение «Боевая

дисциплина». В предисловии к стихотворению Демьян Бедный написал:

«15 августа 1929 г. исполняется ровно 10 лет со дня формирования 51-ой Перекопской дивизии. Формирование дивизии совпало с тем моментом, когда Красные войска Восточного фронта, незадолго до этого перешедшие в решительное наступление, перевалили Уральский хребет...»

А вот отрывок из стихотворения:

Про сибирские дела 51-ой дивизии,
Про то, как, дорвавшись до
врангелевской физии,
Она превратила ее в лепешку
кровавую,
Покрыв себя неувядаемой славой,
Про все это ради именинного дня
Хоть рассказать лишний раз
и уместно,

Я считаю, это все без меня
Должно быть всякому известно.
Каждый должен знать наизусть,
На ком перекопская слава красуется,
А кто не знает этого, пусть
Поинтересуется!
Есть в Перекопе особый интерес:
Другу — радость, врагу — зарез!..

Поэт заканчивает свое стихотворение так:

Завтрашний жребий не каждому
ведом:
Скоро, быть может, раздастся свисток,
И уеду я тож на восток,
За Блюхером следом,
Потому — раз начдив впереди,

*Раз напористой вражья неумная
злоба,*

Гляди

В оба!

*Может быть наступает черед —
Боевым заповалом вперед!*

Демьян Бедный был тесно связан с бойцами 51-й дивизии и раньше, еще на Южном фронте. Кто из ее бойцов не слышал знаменитого «Манифеста барона фон Врангеля»? Его первым читателем и слушателем был командующий Южным фронтом Михаил Васильевич Фрунзе, в вагоне которого он и был написан. Сотни тысяч листовок с текстом «Манифеста» наши летчики разбросали по всему врангелевскому фронту.

Сообщение об избрании почетным красноармейцем 153-го полка 51-й Краснознаменной Перекопской дивизии, по свидетельству очевидцев, глубоко взволновало поэта. В дни революционных праздников он часто приезжал в Одессу, где тогда, после гражданской войны, стояла легендарная дивизия, и первым делом являлся в свою роту. Представ перед ее командиром, в прошлом участника перекопских боев, товарищем Раковским, поэт прикладывал руку к кепке и четко докладывал:

— Товарищ командир роты, почетный красноармеец Демьян Бедный прибыл в ваше распоряжение и ждет ваших указаний...

Раковский обычно отвечал:

— Почетный красноармеец Демьян Бедный, приступайте к выполнению своих обязанностей.

— Слушаюсь! — отвечал поэт.

Обязанностей у почетного красноармейца было немало. Демьян Бедный читал бойцам свои стихи и басни, выступал на совещаниях военкоров, учил, как писать в газету. Когда поэт выступал в дивизии со своими «обзорами» международных событий, красноармейцы буквально покатывались со смеху. Бывая в своей дивизии, Демьян Бедный встречался здесь

и с другими ее почетными гостями — шефами и ветеранами, приезжавшими с мест ее формирования из городов Пермской области: Кизела, Чердыни, Усоля, Кунгура, Перми. Ведь основное боевое ядро дивизии составляли уральские рабочие-пермяки, а головной ее полк сохранил и наименование: 151-й Верхнекамский.

23 февраля 1931 г. в «Известиях» было напечатано стихотворение «Перекопская» («Походная песня»), посвященное 51-й Краснознаменной Перекопской дивизии:

*Уж как мы под Перекопом
С белым скопом
Бой вели,
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
С белым скопом бой вели!*

*Тлю господскую густую
Всю вчистую
Подмели.
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Всех буржуев подмели!*

*Нынче снова строят плутни
Злые трутни
И шмели.
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Заграничные шмели!*

*Но скажи нам только: «Хлопцы,
Перекопцы,
Навались».
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Где очутятся шмели?*

Демьян Бедный утверждал, что место поэта в первых рядах бойцов за народное счастье. Именно таким — боевым заповалом — его помнят и любят ветераны гражданской войны.

А. КОВАЛЬ,

*бывший политрук 151-го
Верхнекамского полка
51-й Перекопской Краснознаменной
дивизии*

АЗЪ, БУКИ, ВЪДИ

Читатели «Уральского следопыта» присылают в редакцию немало писем, в которых интересуются происхождением слов, диалектных и заимствованных, и некоторыми вопросами теории языковедения.

Многие письма содержат интересный фактический материал, главным образом, из области диалектной лексики.

Считаю своим долгом поблагодарить читателей Ф. П. Медведева из города Камышлова, Н. Д. Никифорова из поселка Нижне-Исетск, А. С. Щербакову из села Зайково, Е. А. Навалихину со станции Чернушка, А. П. Зарихина из города Нижняя Салда, П. И. Нестерова из города Калтан, А. Г. Мисаилову из города Волжского и других товарищей, сделавших много ценных и интересных сообщений.

Особенно хочется остановиться на письмах читателя Л. Ф. Хохлова из Североуральска, давшего большой список редких на Урале «жгонских» слов, принадлежащих одному из старых социальных диалектов России — диалекту кочевавших ремесленников, ныне почти исчезнувшему. Материалы Л. Ф. Хохлова пересланы мной профессору В. Д. Бондалетову.

На некоторые вопросы читателей я отвечал на страницах

«Уральского следопыта». О некоторых других речь пойдет сейчас.

Так, А. П. Зарихин из Нижней Салды Свердловской области спрашивает, откуда взялось выражение **Иорданью пахнет** в смысле — лед на водоеме ненадежный и можно провалиться. Иорданью называлась раньше прорубь на реке или озере, устраивавшаяся в праздник «крещенья», седьмого января по старому стилю. Верующие люди раздевались и бросались в прорубь, принимая якобы благодать крещения в память Христа, крестившего своих учеников на реке Иордан в Палестине. Такое религиозное рвение часто кончалось плачевно, так как далеко не каждый мог вынести ледяную воду в крещенские морозы, самые лютые среди зимы. Многие получали воспаление легких, а то и туберкулез. К сожалению, «иордани» кое-где устраиваются и в наши дни. Но в большинстве сел и городов от этого дикого обычая люди давно отказались, и слово **иордань** чаще всего обозначает просто прорубь (например, для подледного лова). Значит, **иорданью пахнет** это **прорубью пахнет**, то есть лед тонок и опасен.

Кроме того, А. П. Зарихин

интересуется смыслом выражения **арапа заправлять** и откуда появились на Урале слова **базлать**, **хайлать**, **хайло**.

«Арапа заправлять» — лгать, рассказывать небылицы — пришло в диалект из воровского жаргона и обязано своим происхождением слову **арап** (так на Руси в старину называли негра); «арапа заправлять» первоначально значило делать белое черным, выдавать одно за другое, хитрить... **Базлать** — громко кричать, плакать; **хайлать** — громко ругаться, **хайло** — рот — это широко распространенные великорусские слова, они известны не только на Урале, но и в Архангельской, Вологодской, Кировской и других областях и пришли, наверное, с Севера, так как северные говоры старше уральских. Что касается их происхождения, то тут, очевидно, присутствует звукоподражание, например, корень **баз-** встречается в таких словах, как **базгать** — громко стучать, **баздырнуть** — ударить, **базынить** — реветь; слова **хайло**, **хайлать**, видимо, связаны с **хай** — крик, шум или с **хаять** — бранить, но и то и другое нуждается в дальнейшем исследовании. Кстати, надо отметить одну интересную и загадочную черту русского языка: почти все слова,

начинающиеся с **Х**, очень трудно объяснить по их источнику, по их происхождению: откуда они пришли к нам? Может быть, из древних исчезнувших языков? Это увлекательная, но трудоемкая задача.

Читатель В. Д. Тишков из села Дальник Овидиопольского района Одесской области спрашивает, не родственно ли молдавское слово **мыса**, или **мыца** — кошка, жгонскому слову **мырса**, тоже обозначающему кошку. Дать сколько-нибудь положительный ответ на этот вопрос затруднительно. Скорее всего нет, так как слово **мырса** взято жгонами из мордовского языка, а он далеко не родствен молдавскому.

Интересуется происхождением слов **каюк** и **новатор** Д. Г. Андреев из города Ровеньки Луганской области. О первом из них мы говорили раньше — оно происходит от татарско-турецкого **кайык** — челн, долбленая лодка, однодеревка. Поскольку такие лодки были неустойчивы на воде, они часто перевертывались. Отсюда другое, переносное значение слова **каюк** — конец, гибель. Но интересна такая деталь, приведенная Д. Г. Андреевым. Он пишет, что у одного из индейских племен Южной Америки лодка тоже называется **каюк**. По-видимому, это

не более, чем курьезное совпадение.

Случается в языках почти полное совпадение звучания и значения слов, однако единичные случаи ни о чем не говорят. Так, древнее мексиканское **теотл** — бог и греческое **теос** — бог очень сходны, но более ничего сходного в этих языках нет, и никакого обобщения мы сделать не можем. Немецкое средневековое слово **марка** и перуанское **марка** обозначают общинную землю, но дальнейшего сходства также нет ни в чем. Случайно совпали полинезийское **мата** и литовское **матау** — смотрел, и так далее.

Д. Г. Андреев утверждает, что слово **новатор** — латинское, и он прав. Но затем говорит, что оно также и русское, происходящее от **новый**. И здесь ошибается. Слово **новатор** происходит от латинского **новарэ** — обновлять, восходящего к **новус** — **новый**. От глагола **новарэ** взята основа **нова** и к ней прибавлен суффикс **тор**, служащий для образования наименований действующих лиц (например, **оратор** — от **орарэ** — говорить, **сальватор** — спаситель, от **сальварэ** — спасать и другие). Стало быть, слово **новатор** целиком латинское. С другой стороны, русское **новый** и латинское **новус** восходят к общему древнему корню

ноу — **новый**, поэтому можно сказать, что **новый** и **новатор** — родственны.

Читатель С. М. Шикин из Красноярска спрашивает о происхождении слова **кулебяка** — пирог с начинкой и приводит цитату из № 4 «Уральского следопыта» за 1967 год: «Щи остынут, кулебяка охладает, а она только тепленькая хороша» («Сказание о граде Ново-Китеже»). В «Словаре иностранных слов» **кулебяка** толкуется как немецкое **кольгебэккэ** — пирог с капустой, хотя я не совсем уверен, что это так. Любопытно, что в Горьковской области есть город **Кулебаки**. Не родственно ли это название со словом **кулебяка**? В. И. Даль в «Толковом словаре» приводит глагол **кулебячить** — валять руками, сваливать, мять, гнуть и складывать, стряпать и лепить, и считает, что это русское слово. Но его трудно связать с другими. Таким образом, слово **кулебяка** — одна из загадок русского языка. Может быть, кто-нибудь из юных лингвистов возьмется за разгадку?

Напишите, какие еще вопросы лингвистики вас интересуют.

В. ЖИТНИКОВ,
доцент Уральского
государственного
университета
имени Горького

В. Зорин

Собака НЕ ПРОДАЕТСЯ

Рассказ

Рисунки Ю. Ефимова

ный костюм, на очки в золотой оправе, на солидную лысину, с недоверием вслушиваешься в неожиданно начальственную хрипотцу его голоса — и вдруг какое-то нечаянное словцо, бросившаяся в глаза табачная желтизна на пальце, движение плеч, и исчезнут сегодняшние приметы, и останется знакомый, близкий до комка в горле неунывака-беспризорник, с которым делили скудную пайку, мерзли в подвалах и радовались раздобытому на двоих почти не ношенному бушлату... Новороссийск стал приглаженным и многооконным, в аккуратных деревьях, магазинных витринах и садовых скамейках. На подоконниках грелись откормленные коты, а добропорядочные дамочки деловито несли сумки с продуктами. И только облысевшие от норд-остов горы над городом были те же. И так же рябила лилово-стальным блеском вода в бухте, качались мачты сейнеров у Каботажки. А когда я свернул к Лесному причалу, споткнулся раз и другой на щербатых плитках узенького тротуара, вдохнул запах сырого бука, пеньки и лака, то на душе стало легко, как бывало когда-то в юности.

Рябой старик сторож в будке у ворот хлебал какое-то варево из бачка, старательно и с трудом жевал. Он посмотрел на меня равнодушно и чуточку недоволено. А собака у его ног, черно-коричневая лохматая дворняга, зарычала, наморщил нос.

— Бимс! — строго сказал старик.— Отставить! Человек по делу!

— Не по делу,— сказал я, весь напрягшись: на меня пахнуло как жарким ветром пустыни.— Я не по делу... Бимс, псуга!

Восемнадцать лет не был я в Новороссийске и теперь узнавал и не узнавал его. Такое чувство бывает, когда встречаешь старого друга, ставшего важной персоной,— с легким удивлением смотришь на его новенький отутюжен-

— А куда и зачем идешь, знаешь ведь? — придиричливо и вместе с тем как-то понимающе смотрел на меня сторож.— А собаку не зови, не любит, когда чужие ее по имени...

— Ты, отец, все время здесь? Мы вот тут, напротив самой мастерской, стояли...

— Давно?

— Давно. Восемнадцать лет тому...

— Ну, то-то же... Разве припомнишь?

— Так ведь собака-то... Она у нас была...

— Перехрестись, парень! Собаки столько и не живут.

— Так ведь Бимс же! Имя-то!

— Это море, оно вечно тут. И корабли тоже... А Бимс со мной на шаланде был.

— Прости, отец.

— Чего там, иди...

Восемнадцать лет назад черно-коричневый лохматый Бимс был любимцем всей нашей команды. Когда наша самоходная баржа стала в Новороссийске на ремонт, боцман Алька Голованев подобрал на улице щенка — скулящий пушистый комочек. Мы выкормили его из соски, научили нехитрым фокусам, необходимым для каждой судовой собаки, — стоять «на флаге смирно», выбегать по авралу на палубу и не бояться купаний в море. Дальше все обычно зависело от собственной собачьей смекалки. Надо сказать, что, став крепким и сильным псом, Бимс доказал, что имеет право жить в нашем суматошном коллективе.

Он приносил мотористам гаечные ключи, подвывал, когда ребята пели, спал, вытянувшись во весь рост, на пустующей койке. Его пытались переманить на тральцы, соблазняя белыми галетами и тушенкой из «морского А» пайка. Бимс признательно помахивал хвостом и отворачивался от угощения. Тогда это было равно героизму.

Во время первого после ремонта рейса на траверзе Ак-Мечети, ночью, стоя рядом с впередсмотрящим, Бимс учуял блуждающую мину и поднял ошалелый лай. Нам удалось вовремя сделать поворот и чудом избежать столкновения со ржавым, начиненным смертью шаром.

Спустя месяц, во время шторма в Керченском проливе, я шел по узкой кромке палубы, держа банку с кислотой для по-

полнения аккумуляторов. Сильно качало. Я поскользнулся и упал за борт. Бимс, как всегда, вертелся в рубке возле рулевого и уж не знаю, каким чутьем уловил случившееся... Словом, минут через сорок меня выловили — над проливом сгустились сумерки, а я довольно сильно ударился при падении и держался на воде из последних сил.

— Спасибо, старик! — сказал я тогда Бимсу, как товарищу.— Я не забуду этого...

Потом я женился, списался с судна. Потом поступил на другое. А потом сложилось так, что на много-много лет мои дороги с морем разошлись. И вот теперь...

Я долго сидел на теплом от солнца штабеле буковых досок. В воздухе витали неповторимые ароматы порта, моря, юности. И вдруг показалось мне, что сейчас вывернется из-за домика диспетчера чуть сутуловатая фигура боцмана Альки Голованева и я услышу его резкий пронзительный голос:

— Кончай сачковать! Сейчас под бункеровку идем!

Когда я возвращался через те же ворота, старик курил увесистую сигарку, довольно щурился. Он внимательно посмотрел на меня, усмехнулся. А собака встала и потянулась. Какой-то толстый парень, с перстнем на пальце, в синей робе, заглянул в будку и, видно, продолжая давний разговор, поцокал языком.

— Ну что, старик, не передумал?

— И не передумаю,— сурово ответил сторож.— Собака не продается! Тебе она, чтоб добро за забором сторожить, на цепи, а Бимс — пес корабельный. Помру, сам на судно уйдет... Понял?

Парень пожал плечами, хмыкнул, ушел. Я присел перед Бимсом.

— А я ведь вроде в долгу перед тобой, старик...

Пес слабо шевельнул хвостом и посмотрел мне в глаза просто и доверчиво. Сторож закашлялся, заволкся табачным дымом.

— Не глупи, парень!

— Да,— сказал я.— Пожалуй. Ну, прощай, Бимс!

На Колдун-гору напозало белесое облачко. Было душно, как всегда перед норд-остом. И все звало, звало гудками уходящее в открытое море судно.

ПЕРВЫЙ ПОХОД

В 1947 году вышла интересная книга «Жизнь кондо-сосьвинского соболя». Ее написал биолог Вадим Вадимович Раевский после более чем десятилетнего изучения соболей в Кондо-Сосьвинском заповеднике. Вот как оценивает эту книгу профессор А. Н. Формозов, автор замечательного «Спутника следопыта»: «Книга В. В. Раевского — одна из ценнейших биологических монографий промысловых зверей... и образец мастерского применения следопытства при изучении жизни очень скрытного зверька».

К сожалению, В. В. Раевскому не пришлось увидеть своей книги: он погиб в том же 1947 году, в возрасте 36 лет, жестоко простудившись во время исследовательских работ в тайге.

О начале работы В. В. Раевского в Кондо-Сосьвинском заповеднике, о его первом походе в тайгу, полном приключений, рассказывает очерк «Первый поход», найденный в бумагах ныне покойного охотоведа и краеведа С. А. Куклина, близко знавшего Вадима Вадимовича.

То, о чем я здесь расскажу, действительно произошло с одним из замечательных следопытов Урала Вадимом Вадимовичем Раевским осенью 1933 года, вскоре после его приезда в Кондо-Сосьвинский заповедник. Этот заповедник, созданный в 1929 году для сохранения и восстановления поголовья речного бобра и соболя, размещался в глухом уголке таежного Зауралья — в верховьях рек Конды и Малой Сосьвы.

Создание Кондо-Сосьвинского заповедника связано с именем другого уральского первооткрывателя Василия Владимировича Васильева. О нем стоит сказать особо.

До революции имелись лишь отрывочные сведения о речных бобрах на уральском севере. Многие исследователи писали об обитании бобров в

Северном Зауралье (И. С. Поляков, К. Д. Носилов, И. Я. Словцов и другие), но где они живут и в каком количестве, оставалось тайной в течение долгого времени. Местное население (ханты и манси), считая бобра важнейшим культовым животным, тщательно скрывало от русских местонахождение бобровых колоний. И только В. В. Васильеву первому удалось раскрыть тайну зауральских бобров.

В необычно трудных условиях Севера, при острой нехватке выделенных средств, В. В. Васильев с августа 1926 года по февраль 1927 года обследовал верховья Конды и Малой Сосьвы, пройдя пешком и на лодках около четырех тысяч километров. Приходилось неоднократно ночевать на морозе, обмораживаться, голодать, идти до изнеможения с тяжелым рюкзаком, грести до кровавых мозолей. Но все это окупилось результатами экспедиции: было установлено обитание бобров на 35 речках бассейна Конды и Малой Сосьвы.

Одновременно выяснилось тревожное положение с поголовьем соболя.

Хищническое истребление этого зверька привело к тому, что соболь на кондо-сосьвинском водоразделе почти исчез. Находился под угрозой истребления и речной бобр. Необходимо было принять срочные меры по сохранению этих ценных зверей. По докладам Васильева и по его энергичному настоянию сначала окружные, а затем областные и центральные органы власти вынесли постановления об организации Кондо-Сосьвинского заповедника. Первым директором его стал В. В. Васильев, занимавший этот пост около 15 лет. А исследование проблемы соболя взял на себя научный сотрудник Вадим Вадимович Раевский.

В результате исследований Раевского с большой полнотой был изучен образ жизни соболя, разработаны методы рационального использования этого зверька. И если сейчас в нашей тайге наблюдается «многособолье», как три века назад, если шкурки соболя добываются тысячами, то немалая заслуга в этом принадлежит и Вадиму Вадимовичу Раевскому.

До прибытия В. В. Раевского в Кондо-Сосьвинский заповедник изучение соболя и его местобитаний там не проводилось, и на заповедной территории было много «белых пятен», которых еще не касался взгляд исследователя. Особый интерес представляли уголья, известные у местных народностей — ханты и манси — под названием «богатырских», или «святых» мест. По религиозным поверьям, там обитали духи — хозяева леса и животных, покровители охотников и рыбаков. Спокойствие духов нельзя тревожить, поэтому не только охота в «святых местах», но и посещение их запрещалось. Кстати сказать, наличие таких религиозных заказников сыграло большую

роль в сохранении на кондо-сосьвинском водоразделе бобра и соболя до организации там государственного заповедника.

На территории Кондо-Сосьвинского заповедника оказалось несколько «святых мест». Самым крупным из них был бассейн реки Ем-еган (Святая речка) с урманом Ем-амп-упт-ун-тах-лазе, что по-хантыйски значит «Лес такой густой, как у хошой собаки шерсть». Действительно, этот урман, расположенный на повышенной, хорошо дренированной площади среди болот, выделялся высотой и густотой древостоя. Он представлял собой наилучшие соболиные угодья, и его обследование решено было провести в первую очередь.

Эта работа была поручена В. В. Раевскому. В помощь ему прикомандировали егеря-наблюдателя Андрея Афанасьевича Ячигина, который должен был выполнять обязанности проводника. Опытнейший охотник-соболятник А. А. Ячигин, приехавший из Нарыма несколько лет назад, охранял восточную часть заповедника. В границы его обхода входила и река Ем-еган. Зная, что нарушение еще живых религиозных запретов на по-

сещение «святых мест» грозит ему неприятностями со стороны коренного населения, Ячигин попытался отказаться от возложенного на него поручения сопровождать Раевского, ссылаясь на то, что он, как выходец с Нарыма, еще плохо знает Ем-еган, и что собака у него молодая, ненатасканная и не может разыскивать соболей. На самом деле все это не соответствовало истине. Егерь хорошо знал свой участок, и собака у него уже прекрасно шла на соболя.

В конце концов, под угрозой увольнения с работы за невыполнение приказа, Ячигин согласился идти на Ем-еган, но прежде хотел сходить в поселок Хангокурт, якобы, для того, чтобы спросить проживающих там хантов Маремьяниных — бывших хозяев урочищ по Ем-егану — о тропах («тесах»), расположенных избушек и т. п.

Шаманский род Маремьяниных пользовался «святыми» угодьями по Ем-егану до самой организации заповедника и в сознании местного населения продолжал оставаться хозяином этой богатой вотчины. Истинной целью визита Ячигина в Хангокурт было попросить разрешение на посещение Ем-егана у старейшего из рода Маремьяниных, бывшего шамана А. Д. Маремьянина. Возможно, что бывший шаман поручил Ячигину предпринять кое-какие меры, чтобы сорвать экспедицию Раевского. Как бы то ни было, возвратившись на базу заповедника через три дня, Ячигин сообщил, что старик Маремьянин не возражает против исследований в «святом урмане» и послал для Раевского свою собаку лайку, хорошо натасканную на соболя.

В середине октября по мелкому снегу, без лыж отправились Раевский и Ячигин с двумя собаками в тайгу. Путь их шел по сравнительно удобному и часто посещаемому «тесам», идущим на восточную границу заповедника, а затем по ней на кордон Тугр. Далее был «святой урман».

Шли не быстро, так как Раевскому нужно было заносить в записную книжку множество наблюдений: характер рельефа, состав и возраст древесных пород, следы или появление самих зверей и птиц, а некоторых из них предстояло добыть для научных коллекций.

Большую помощь оказывал Раевскому его проводник. Опытный следопыт, знаток местной природы и умелый охотник, Ячигин мог по следам не только сказать, какой зверь прошел, но и когда и в какую сторону, самец это или самка, молодой или старый, сытый или голодный. Он мог определить, сколько лосей или диких северных оленей прошло друг за другом «след в след», быстро добывал нужных Раевскому зверьков и птиц. Коренной москвич, прошедший детство и юность в городе, Раевский поражался знаниям и умению Ячигина и учился у него читать мудрую книгу природы.

Поздно вечером пришли к избушке на одном из притоков Ем-егана. Она ничем не отличалась от других охотничьих избушек, которые строили местные промысловики: землянка площадью два на два метра, в углу «чувал» — место для разведения огня, остальное пространство занимали нары. Чувал состоял из двух, сходящихся углом, глинобитных стенок, изолирующих костер от бревенчатых стен избушки. Над чувалом зияло отверстие для выхода дыма — поэтому для тепла надо было все время поддерживать огонь.

Пока варился ужин, он же и обед, Раевский перенес в дневник свои путевые записи. А поужинав, утомленные путники сразу же легли спать.

Проснулся Раевский ранним утром от громких криков Ячигина, звавшего собак. Быстро одевшись, он вышел (вернее выполз) из избушки и узнал от Ячигина неприятную новость: исчезли собаки. Их следы вели в направлении Хангокурта, до которого по прямой было не более 12 километров. По видимому, лайка Маремьянина ушла домой и смамила с собой собаку Ячигина.

В тайге без собак, что без рук. Ни выследить зверя, ни добыть птицу. Ясно, что обследовательские работы придется прекратить и возвратиться домой. Не на это ли рассчитывал старик Маремьянин? Суеверный Ячигин воспринял побег собак как дурной знак и стал убеждать Раевского вернуться. Но тот решил иначе. Пусть Ячигин проводит его до ближайшего кордона, а сам налегке сходит в Хангокурт за собаками. На том и порешили.

Следующая ночевка должна быть в новой избушке Ячигина, построенной совсем недавно. Там находился запас продуктов: вяленое лосиное мясо, рыба, крупа. Путники рассчитывали хорошо поужинать из этого запаса, так как из-за отсутствия собак были лишены возможности добывать дичь. Но надежды их не оправдались. Еще издали, увидев настежь открытую дверь избушки, Ячигин почувствовал недоброе. Подойдя ближе, они увидели картину разгрома, учиненного медведем. Зверь разворотил крышу избушки, пробрался внутрь и сожрал мясо и рыбу, рассыпал крупу, сплющил котелок, в котором варилась пища.

Подобные разгромы охотничьих избушек в этом медвежьем краю не редкость, особенно в годы неурожая на ягоды и кедровые орехи. Но Ячигин расценил погромный визит «хозяина тайги» как новое предупреждение не ходить в «святой урман». Ночевать в разгромленной избушке было невозможно, решили идти до следующей, хотя и было уже поздно. Добрались до места глубокой ночью, намучившись и сильно устав.

Следующая остановка была на кордоне вблизи «святого урмана». Пришли туда вскоре после полудня. Ячигин занялся заготовкой дров, а Раевский — устройством рабочего места и обработкой собранных за три дня похода материалов.

Громкое название кордона носила избушка, почти не отличавшаяся от обычной охотничьей, разве что немного побольше величиной. Внутри — те же нары и чувал. Стола не было, и Раевский оборудовал место для работы, положив вынутую из нар доску одним концом на оконце, а другим — на скамейку. На этом импровизированном столе он разложил все необходимое для работы: инструменты, вату, бутылку со спиртом. Сюда же была выставлена банка с порохом — предстояло пополнить запас патронов.

В чувале горели дрова, в избушке было тепло, и Раевский работал без верхней одежды — в свитере, на ногах — шерстяные носки. Время от времени, когда становилось очень жарко, Вадим Вадимович открывал дверь наружу.

Уже в конце дня, в тот момент, когда Раевский зачем-то отошел от «стола», а дверь была открыта, в избушку влетел большой глухарь. Вадим Вадимович быстро захлопнул дверь, намереваясь поймать его. Увидев над чувалом отверстие для выхода дыма, глухарь взлетел к нему, но пролететь сквозь узкую дыру не смог и бился над чувалом. Пытаясь поймать птицу, Раевский встал одной ногой на край чувала, но оборвался с него и упал на конец доски, служившей столом. Другим концом доска описала дугу и метнула в огонь все, что на ней стояло.

Через секунду уже горел пролитый спирт, сухая трава на полу, вспыхнул просыпанный порох, начали рваться в огне снаряженные патроны. Вадим Вадимович выскочил наружу в чем был: без шапки, полушубка и бродней. Вылетел в дверь и виновник переполоха — глухарь. Заметив пламя пожара в избушке, Ячигин подбежал к ней. В этот момент взорвалась банка с порохом. Ячигин схватил ружье, висевшее на стене снаружи избушки, и с криком бросился прочь, в сторону поселка Хангокурта. Вскоре огонь охватил всю избушку.

Покинутый проводником, оставшийся без одежды и обуви, Раевский стоял и обдумывал, как найти выход из создавшегося положения. Чем он располагал? Оказалось, что у него имеется нож, часы и ружье с двумя патронами. Прежде всего нужно решить проблему одежды. Где-то поблизости, в центре «святого урмана», по рассказам, находится жертвенное место хантов. Там деревянные идолы обмотаны тканями, а кругом развешаны олени и лосиные шкуры. Но разве найдешь это место?

А не найдется ли что в «чамье», стоящей недалеко от избушки?

На его счастье и к его великой радости в чамье кое-что нашлось: вяленое лосиное мясо, две выделанных оленьих шкуры и одна лосиная, а также пучок сухожилий, употребляемых хантами вместо ниток. Разостлав лосиную шкуру на снегу, при свете горящей избушки Вадим Вадимович занял

ся «шитьем». Разбив ручкой ножа пук сухожилий, надрал из него «ниток». Иголку заменил отрезок кедрового корня с надрезом на одном конце вместо ушка. Шапку выкроил из оленьей шкуры острым ножом и сшил мехом внутрь в виде колпака.

Вопреки ожиданию, работа двигалась довольно быстро, и через некоторое время Раевский изготовил еще обувь в виде длинных чулок из лосиной шкуры. Обмотав ноги вместо портянок сухой осокой, как это делают ханты, и подвязав надетые кожаные чулки ниже колен, а верхний край прикрепив к поясу, Вадим Вадимович нашел, что обувь очень удобна. Значительно сложнее оказалось изготовить куртку. Хотелось спать, но нужно было торопиться. К утру он закончил портняжную работу.

Позднее Раевский говорил мне, что, занимаясь шитьем, думал, хуже ли у него получились изделия, чем у Робинзона Крузо, и утешался мыслью, что смотреть на него здесь некому. Из остатков шкур он сшил еще небольшой вещевого мешок с ляжками, взамен сгоревшего рюкзака.

В угольях пожарища Вадим Вадимович нашел чугунный котелок, пригодный к употреблению. Вскипятив чаю и пожевав вяленой лосятины с сухарями, он собрался в путь по следам Ячигина.

Раевский шел по следам Ячигина и думал о нем. Да, сдали нервы у проводника-ханта. И то подумать: исчезновение собак, разграбление избушки медведем, а теперь вот пожар. Третье из этой цепи несчастий было воспринято Ячигиным как последнее предупреждение потусторонних сил, не желавших, чтобы люди ходили в запретное место, и он в панике бежал прочь от «святого урмана», забыв о своих обязанностях проводника.

По дороге на Хангокорт Вадим Вадимович должен был пройти через кордон, расположенный на реке Малой Сосьве, напротив впадения в нее речки Ем-еган, где надеялся встретить людей. Там жил наблюдатель Маремьянин-младший, сын старика шамана.

К устью Ем-егана Раевский пришел уже в сумерки. На той стороне Малой Сосьвы смутно виднелся кордон, но попасть к нему было невозможно: река в этом месте имела быстрое течение и еще не покрылась прочным льдом. Пришлось несколько километров идти по берегу, удаляясь от кордона, пока не нашлось удобное место для перехода. На одном из тихих плесов лед уже достаточно ок-

реп, можно было переползти реку. Вырубив две длинные жерди, Раевский с их помощью кое-как перебрался на другой берег. Стемнело, и уставший путник решил переночевать — сил его не хватило бы дойти ночью до кордона.

После упорных поисков было найдено сухое дерево для «ноды» — охотничьего костра. Но не было спичек. Как добыть огонь? У Раевского имелась только одна возможность: получить огонь выстрелом из ружья. Собрав в кучу тонкие листки бересты, сухой мох и траву, Вадим Вадимович выстрелил бумажным пыжем... Вскоре запылала нодея, у которой начинающий таежник и переночевал.

Утром он услышал лай собак на кордоне и, ориентируясь по нему, напрямиком через лес направился туда. Дома была только одна женщина — жена Маремьянина-младшего. Если бы она не знала от Ячигина, что на кордон может прийти «начальник из заповедника», то, наверное, в панике бросилась бы от приближающейся фигуры, смахивающей на огородное пугало. Во всяком случае изумление ее было велико.

Оказалось, что мужчины Маремьянины, старший и младший, ловили рыбу на одной из речек и прибежавший из лесу Ячигин пошел к ним. Вечером они все трое явились на кордон. С интересом выслушали рассказ Раевского о его приключениях, рассматривали его робинзоновскую одежду, с одобрением цокали языками.

Так Вадим Вадимович прошел первое испытание на суровое звание таежника. За годы его пребывания в заповеднике много происшествий случалось с ним в походах, но первый поход на Ем-еган остался самым памятным. Раевский впоследствии стал настоящим таежным следопытом, не худшим, чем Ячигин.

В «святой урман» они вернулись через несколько дней, поработали там до больших морозов и уже без больших приключений. Мало-помалу Ячигин освободился от суеверий и потом стыдился того случая, когда он бросил спутника в беде. Раевский и Ячигин стали хорошими друзьями, делившими поровну во многих походах в тайгу кров, невзгоды и радости.

Запись С. А. КУКЛИНА
обработал для печати
охотовед Н. ЧЕСНОКОВ

Рисунок В. Яковлева

ВСЕГО ОДИН УКОЛ

Р. ПОДОЛЬНЫЙ

Рисунки Г. Переватова

Рассказ входит в цикл задуманных автором «Рассказов о путешествиях во времени». Машина времени в данном случае — чисто условный прием: герой всего цикла, Путешественник, попадает в прошлое и будущее, знакомится с людьми, событиями, фактами.

Мой спутник очень торопился. «Теперь я не позволю себе тратить в день на развлечения больше двух с половиной часов,— мимоходом сказал он.— Вот через девятнадцать дней...» И едва я успел прочесть скромную вывеску: «Клуб гениев», как уже был втянут в дверь. Швейцар почтительно заглянул в протянутую ему сиреневую книжечку и благоговейно отступил в сторону.

В клубе было уютно и тихо. Накормили нас вкусно, и я, вынимая портсигар, без всякой задней мысли спросил:

— Который год вы член этого клуба?

У сотрапезника вдруг задрожали руки, он переменялся в лице.

— Хотите меня обидеть?!

— Господь с вами! Откуда вы взяли?..

— Будто не знаете, что гениальность длится максимум месяц!

Меня меньше удивило слово «месяц», чем форма фразы: так говорят о болезни.

— Не понимаю!

— Ах, да! Вы же у нас только второй день... Но неужели никто не успел вам рассказать? Честное слово?

— Что рассказать?

— О прививках гениальности.

Он вынул из кармана ту самую сиреневую книжечку, что предъявил швейцару. На обложке было напечатано красными буквами: «Членская книжка Клуба гениев». Внутри стояли фамилия и имя, год рождения; чуть ниже: «Дата прививки — 31 октября 1986 года, срок действия — с 1 по 30 ноября 1986 года включительно».

— Прочли?

— Да.

— А поняли?

— Нет...

— Ну-ка, выгляните в окно — как вам нравится эта статуя?

— Человек, раздающий факелы? Великолепная работа! Но что это у него на голове? Ах, да! Вместо волос — языки пламени, он и сам горит, точно факел... 71

— Верно — он и сам горел. И сгорел... Это памятник профессору Физбаху. Физбах начал все это, — рассказчик щелкнул пальцем по глянцевому переплету своей книжечки.

— Ведь гениальность — болезнь, об этом догадывались и раньше, кажется, еще в ваше время. Многие психиатры прошлого писали о гениальности как разновидности безумия. Но безумие-то можно вызвать искусственно! Средства для этого знали еще древнеримские колдуньи, не говоря уже о средневековых ведьмах. Опять-таки и некоторые достаточно распространённые болезни приводят на последних стадиях к сумасшествию... Но бывает, что на больного перед самым сумасшествием находит какое-то просветление. И в эти короткие недели и месяцы, много реже — целые годы, человек, в лучшем случае способный, начинает вдруг проявлять задатки таланта, а талантливый — создает произведения, которые совсем недавно были ему явно не по плечу. На институтских лекциях у нас поминали, кажется, Ницше, Мопассана, еще кого-то.

Будь Физбах химиком, как я, он бы, верно, занялся веществами, вызывающими галлюцинации. Опиум, героин, эфир, гашиш, мескалин — что-то тут должно крыться... Во всяком случае, мне так кажется. Но он-то был микробиологом! И решил заражать талантом. Захотел вывести микробов, вызывающих эту прекрасную болезнь. Как конкретно он этого добился? Я не знаю. Химик я, уже говорил, а не микробиолог... Вы все-таки хотите знать подробности? Ну, химические мутагены. Ну, проникающая радиация. Ну, отбор среди бактерий, спирохет, кокков и вирусов, подвергнутых всему этому. Словом... не знаю, мне и миру известен результат. Черт его знает как, но Физбах вывел бактерию гениальности! Естественным путем она, слава богу, не передается. Но — легкий укол, недолгий инкубационный период, и бактерия начинает действовать. С мозга словно слетает какая-то пелена. Мысли проясняются, определяются цели, откуда-то берутся силы, которых раньше не было, — я это по себе знаю! И так — целый месяц!

— Только месяц?

— Целый месяц, я сказал! Разве этого мало? На одну-единственную жизнь! Среднему человеку — хватит.

— А что потом?

— Всего лишь короткий период безу-

мия — и смерть... Да вы не пугайтесь, не пугайтесь за меня! С тех пор много воды утекло. Я просто рассказываю обо всем по порядку.

— Хорошо, по порядку... Но на ком же Физбах ставил опыты?

— На обезьянах, разумеется. Одна горилла последние две недели ходила только на задних лапах. И даже сделала сама каменный топор! За два дня до смерти... А когда эта стадия проверки закончилась, профессор впрыснул разводку бацилл себе.

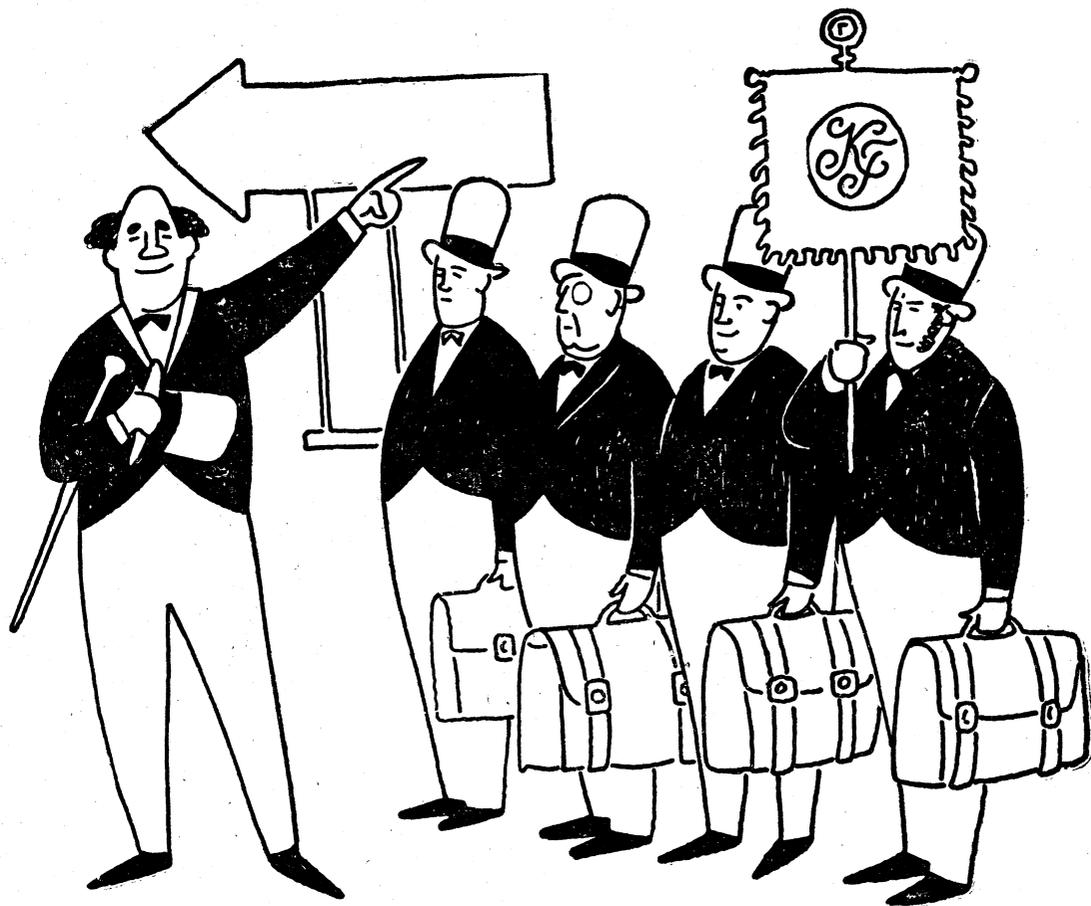
— Себе?!

— Ну, он не был самоубийцей! Рассчитывал, что за этот месяц гениальности сумеет как-нибудь усмирить свою бактерию. Не успел. А когда он умер... Что же, пришлось людям примириться с тем, что за гениальность платят жизнью. Сначала-то на прививку шли только законченные графоманы да изобретатели вечного двигателя. А позже дело поставили на широкую ногу. На всех перекрестках висели воззвания фирм, госдепартамента и колледжей к самоубийцам: за баснословные деньги у них покупали жизнь. Гангстерские банды десятками переключались с продажи наркотиков на поставку «гениев поневоле». Схватят человека, сделают прививку, а потом предлагают: работай там-то, умрешь через месяц, зато семья будет обеспечена. Отказался — сразу конец, и гению, и его семье... Сколько тогда об этом писали!.. Помню объявление фирмы Дженерал электрик: «Зачем вам посредники-гангстеры? Обращайтесь прямо к нам, и комиссионные достанутся вашим детям!» Хорошие денежки гангстеры на этом деле зарабатывали...

А вот глава сицилийской мафии понял: «гениев поневоле» выгоднее использовать в своей системе, чем продавать!

Первый из собственных гениев мафии за свои четыре недели поднял ее доходы, как позже выяснилось, на двадцать шесть процентов. Такие предложил способы ограбления банков и борьбы с батраками, что старейшие специалисты диву дались! Но второй...

Бруно Челли сделал им тридцатилетнего профессора экономики. А тот, видно, начитался в детстве приключенческих романов. В первые двадцать два дня его работы доходы Челли росли, как на дрожжах. Но на двадцать третий день своей гениальности Энцио собрал на маленькой вилле под Палермо восемнадцать вожа-

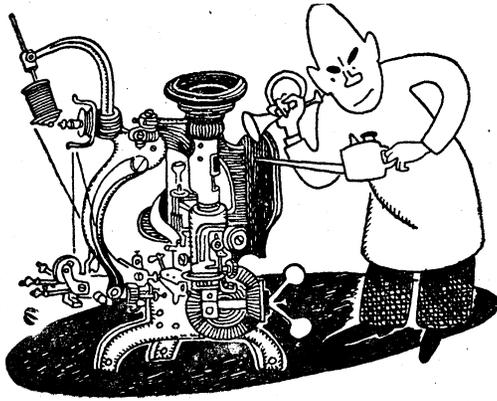
ков мафии, запер их в гостиной и забросал через окно гранатами. Потом передал итальянскому правительству материалы на тридцать тысяч членов и пособников мафии. И сам же послал фотокопии всех документов во все газеты: боялся, что иначе дело замнут... Замять, правда, не удалось. Но и Энцио не удалось дожить до законного тридцатого дня гениальности: его убили уже на двадцать шестой...

Истории в этом роде не прекращались. Больше всего доставалось ученым. Ведь и гангстеры понимали: чтобы открыть новое, надо знать старое. В научных городках и университетах создавались дружины самообороны. Профессора, академики, даже студенты старших курсов не расставались с револьверами. На улицах Принстона разыгралась великая битва с гангстерами, в Йельский университет пришлось ввести войска, чтобы защитить от профессоров администрацию, на которую

пало подозрение в сговоре с местной бандой...

А между тем в своей лаборатории уже работали день и ночь двадцать смертников. Двадцать микробиологов, которых созвал к себе перед смертью Физбах. Их целью было укротить бактерию. По очереди они прививали себе гениальность, и привитый тут же становился — до своего безумия — руководителем работ. Потом его место занимал — по жребию — следующий гений. А девятнадцать оставшихся в живых выбирали среди лучших микробиологов страны нового двадцатого и посылали ему сообщение об этом. Слушаев отказа не было.

Когда, наконец, великий Бройс решил таки в свой месяц «проблему Физбаха», ни одного из первой двадцатки уже не было. Но плод их общего труда, — рассказчик ткнул себя пальцем в голову, — тут. Теперь по-прежнему человек на месяц становится гениальным — или хотя

бы талантливым. Но через месяц он всего лишь возвращается в обычное состояние, выздоравливает, а не умирает.

И едва это стало известно, как премьер-министр Федгании Ганс Крамке предложил привить бактерию гениальности всем гражданам своего государства. О, это было потрясюще! В едином порыве будущие таланты ринулись на созданные по всей стране пункты прививок, — их обычно устраивали в помещениях призывных пунктов. Соседние и несоседние

державы отчаянно протестовали, но премьер-министр заявил в ответ, что все федганцы потенциальные гении и что это — сугубо внутреннее дело. Правда, тут же он совершенно нелогично прибавил, что страна гениев, естественно, должна руководить странами не-гениев.

Одновременно в газетах Федгании появились предварительные подсчеты. Сообщалось, что всего за два года страна минимум учетверит свою экономическую мощь, реализовав внесенные за месяц гениальные предложения.

Первые недели, казалось, подтвердили эти предсказания. В течение месяца после «дня гениальности» патентными бюро было принято заявок на изобретения примерно в четырнадцать тысяч восемьсот шестьдесят раз больше, чем за предшествовавшие десять лет. В генштаб поступило в полтора раза больше детальных планов захвата власти над миром. Картинные галереи не могли вместить новых полотен, а журналы закрывались, потому что редакторы оказались не в силах справиться с потоком рукописей. Хуже было то, что остановилось большинство предприятий: гениям ли стоять у станков и спускаться в шахты?!

Но увы, скоро выяснилось, что изоб-

МОЙ ДРУГ- ФАН- ТАСТИКА

Н О В И Н К И

Борис Лапин. КРАТЕР ОЛЬГА.

Иркутск, Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1968. 135 стр.

Это — первый сборник рассказов молодого фантаста. Читатель найдет здесь и необычайные приключения телепата, и сложнейшую электронную технику, и трагически сложившуюся судьбу далекой инопланетной цивилизации...

Александр Абрамов, Сергей Абрамов. РАЙ БЕЗ ПАМЯТИ.

М., Изд-во «Детская литература», 1969. 320 стр.

Любители научной фантастики, вероятно, помнят историю

о том, как на Земле появились загадочные розовые «облака», умевшие воспроизводить любые атомные структуры, в том числе — и людей. Новая книга А. и С. Абрамовых представляет собою продолжение романа «Всадники ниоткуда». Действие здесь разворачивается уже на другой планете, где «облака» создали модель земной жизни.

Владимир Владко. ПОТОМКИ СКИФОВ.

М., Изд-во «Молодая гвардия», 1969. 368 стр.

Герои романа исследуют заброшенную пещеру в глухом уголке Донбасса, Разобрав один из завалов, они попадают

ретений сделано лишь немногим больше, чем обычно. Просто каждое из них принадлежало одновременно нескольким десяткам тысяч человек... Ничего удивительного: история знает, что на звание изобретателя телефона и телевизора, самолета и бог знает чего еще претендовали сразу от двух до двух сотен человек. Ведь всякое изобретение — выполнение заказа общества. В принципе число изобретений, которые можно сделать на данном уровне развития цивилизации, отнюдь не бесконечно и даже сравнительно невелико.

Еще печальнее то, что самый гениальный человек не сможет изобрести стоящую штуку без хоть какой-нибудь теоретической и практической подготовки. А гениальность часто проявлялась в области, к которой новоявленный великий человек прежде не имел ни малейшего отношения... Словом, толку от федганского опыта было гораздо меньше, чем переполуху.

Когда же тревожный для планеты мясц истек, выяснилось, что Федгания всего лишь исчерпала на четверть века свой гениепотенциал. Зато другие страны получили возможность сделать из всего этого выводы. Везде пооткрывали курсы для

подготовки гениев, где преподавался обычно только один предмет, но зато — по двенадцать и даже шестнадцать часов в день. Обучение тут стоило дорого, но по единому слову курсанта его освобождали от платы. Он лишь обязывался продавать свои изобретения, книги, картины только хозяину курсов.

Подзаголовок крупнейшей газеты Херста гласил: «В нашей редакции работают только гении». Театры опоясывались рекламами: «на сцене — дипломированные гении». И впервые самые ехидные критики были вынуждены писать в таком роде: «Роман писателя Н. (номер членской книжки Клуба гениев 13974698), как и следовало ожидать, гениален. Но мы должны отметить следующие недостатки, бесспорно, являющиеся продолжением достоинств романа... Надеемся, что при повторном издании книги гений-редактор сумеет устранить эти погрешности. Гений-критик М. (номер членской книжки Клуба гениев...)»

Но радоваться было рано. Слишком очевидным стало, что многие из гениев, даже окончивших курсы, явно не оправдывают своего титула. Певца-гения забросали тухлыми яйцами — и по заслугам. Спектакль, поставленный режиссером-ге-

---

в сумеречный мир, отрезанный от поверхности земли, никем и никогда не посещавшийся. Удивительные, порою по-настоящему опасные приключения ожидают их в этом «затерянном мире».

И. Давыдов. Я ВЕРНУСЬ
ЧЕРЕЗ 1000 ЛЕТ.

Свердловск, Средне-Уральское книжное изд-во, 1969. 339 стр.

Посланцы Земли холодно встречены племенами далекой Риты. Более, чем холодно: на каждом шагу пришельцев подстерегают отравленные стрелы, расчетливая ненависть и недоверие. Чем объяснить эту враждебность? И как преодолеть ее? Ведь земляне принесли полудиким обитателям далекой планеты дружбу и знание.

Аркадий Львов. ДВЕ
СМЕРТИ ЧЕЗАРЕ РОССО-
ЛИМО.

Одесса, Изд-во «Маяк», 1969. 263 стр.

...Гибнет Чезаре Россолимо, талантливый сотрудник научно-исследовательского института эмбриологии. Вскоре после этого доктор Умберто Прато, его коллега по работе, встречает одного двойника Чезаре, затем — другого... На проверку «двойники» оказываются самим Россолимо. Но много других событий, удивительных и поначалу столь же малопонятных, должно произойти, прежде чем Умберто Прато узнает страшную подоплеку всей этой истории.

НА СУШЕ И НА МОРЕ Аль-
манах, книга 9.

М., Изд-во «Мысль», 1969. 639 стр.

Любителям фантастики, читавшим книгу И Забелина «Загадки Хаирхана», уже знакомы Вербинин и Березкин. Это — изобретатели хроноскопа, с помощью своей электронной машины «читающие» прошлое, восстанавливающие картины самых, казалось бы, непонятных и загадочных событий. В новой повести И. Забелина — «Кара-Сердар» — хроноскописты выясняют происхождение каменных скульптур Горного Мангышлака.

Очередной выпуск сборника содержит также рассказы других советских и зарубежных фантастов.

нием при участии восьми артистов-гениев, провалился. К тому же еще командующий военным флотом одной из стран после прививки разразился потрясающим циклом лирических стихов, а прославленный художник стал чемпионом по шахматам. Это заставляло думать, что многие «гении» тратят свой неповторимый месяц зря, поскольку не знают, чем им надѳ заниматься.

Мировая пресса начала кампанию за то, чтобы гениями становились лишь под старость, когда накоплены знания, определены вкусы и способности. Но многие ученые справедливо отмечали в ответных выступлениях, что к старости мозг слишком часто теряет свое лучшее качество — гибкость, а заостреннее мышление становится не способно к созданию нового.

Этот вопрос дискутируется по сию пору, хотя и принял чисто теоретический характер. Ведь почти все без долгих размышлений спешат пораньше использовать свой шанс стать миллионерами... Но почему вы загрузили?

— Представил себе, каково человеку, когда его месяц прожит. И раньше бывало, что гениальность приходила к человеку только погостить и покидала, едва бросив свой отблеск на его труды. Все вокруг видели, что он покинут своей музой,— все, кроме него самого. И человек сохранял надежду. А у вас и сами бывшие гении знают, что случилось. Какая трагедия!

— Ну, это как у кого. Мой кузен обещал себя за месяц на всю жизнь — избрал новый рисунок на чулке и придумал для него небывалую рекламу. Сотня тысяч в год послужила ему неплохим утешением, — рассказчик усмехнулся.— А сам я работаю сейчас над такой штукой, такой штукой... Жалко, не могу рассказать. Секрет одной фирмы. И потом, мне надо, чтобы люди привыкли к тому, что я не такой, как все, особенный. Мо-

жет быть, — он взглянул мне в глаза,— может быть, я и до прививки был гением, только никто об этом не догадывался? Месяц пройдет, а я останусь собой... Разве это невозможно, скажите мне, человек из прошлого?!

Только тут я понял, какое чувство все время примешивалось во мне к восхищению, с которым я слушал рассказ о величайшем открытии всех эпох. Имя этому чувству — отвращение. Впрочем, нет. Отвращение — это слишком сильно сказано. Мне просто было неприятно. Что именно неприятно — сама идея Физбаха или ее живое воплощение — не знаю... А рассказчик, не дожидаясь ответа на свой вопрос, снова говорил о том, что он химик, настоящий химик, великий химик, и для него средство Физбаха — только путь к признанию...

— Мне пора,— сказал я.— Вы уже потратили на меня два часа, а ведь это время гения.

— Ничего, ничего, у нас еще есть четверть часа. Ведь и гении должны отдыхать.

Его длинное мягкогубое лицо было счастливо — да, я же назвал его гением! Он был доброжелателем до самолюбования, человек, угощавший меня обедом. Что бы он еще мог сделать для меня? Ах, да! Он придумал, честное слово, придумал!

— Погодите, а вы-то еще не были гением? Что за вопрос! Конечно! Вы же из прошлого! Пойдемте, я вас порекомендую, без очереди пропустят. Учтите, кстати, что спрос на гениев все растет. Слишком многие преждевременно сделали прививку. А ведь она дает иммунитет, знаете ли... Идемте, идемте! Вот только допьем кофе.

Он догнал меня у дверей клуба:

— Не отказывайтесь от своего счастья, друг мой. Всего-то один укол. Ну, не упрямьтесь, смешно — кто же не хочет стать гением?!

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

ГЕРОЙ МЕССИНЫ

Это произошло шестьдесят лет назад, за несколько дней до встречи нового 1909 года. Страшное землетрясение в несколько секунд превратило крупный итальянский город Мессину в груды дымящихся развалин.

Мессинская трагедия произошла на глазах матросов и офицеров русской эскадры, следовавшей в Сиракузы. И моряки первыми пришли на помощь пострадавшим. Получив разрешение итальянского правительства, командование направило крейсера «Адмирал Макаров», «Цесаревич», «Богатырь» и «Слава» к разрушенным причалам. Разбивая в кровь руки, рискуя жизнью, люди откапывали жителей города, оказавшихся под развалинами, помогали раненым. Русские корабли не раз пересекали пролив, перевоза в Неаполь мессинцев, которых удалось спасти.

Много суток вместе с другими матросами вел спасательные работы и комендор с крейсера «Цесаревич» Василий Свиридов.

Сейчас Василий Егорович живет в Оренбургской области, в селе Новопокровка. Ему 88 лет. Бывалого матроса приглашают в школы, в сельские клубы, где он рассказывает о мужестве русских моряков.

— Развалины мы разбирали руками,— вспоминает Василий Егорович.— Конечно, сподручнее было бы работать ломом и кирками, но боялись ранить людей, которые и так уже перенесли столько ужасов. В городе не осталось ни одного целого дома. И приходилось, к сожалению, больше вытаскивать мертвых, чем живых. Работали до тех пор, пока не валились с ног. Отдохнем немного — и опять к развалинам. Несколько наших матросов тогда погибли — их придавили обвалившиеся стены. Две недели стояла эскадра у берегов Сицилии. Когда уходили, провожали нас итальянцы со слезами на глазах, обнимали, кричали: «Спасибо, русские синьоры!»

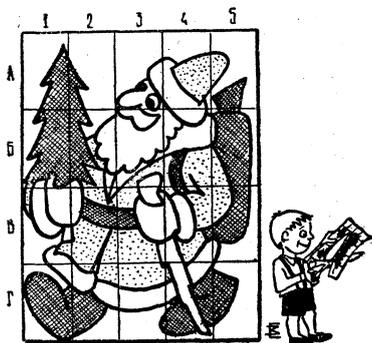
Хранит В. Е. Свиридов серебряную медаль на белой ленточке с двумя зелеными полосками. Это награда правительства Италии. Есть у него и газета, в которой приведены слова итальянской писательницы: «Пусть навсегда в истории будет отмечена доброй памятью страница воспоминаний о том, что сделали русские моряки в Мессине! И пусть гордятся русские теми, кто прославил себя своим мужеством и любовью к ближнему. В истории Мессины были тысячи страниц человеческой доброты и щедрости. Но самую первую, вечную и нетленную страницу в эту историю вписали они, светловолосые славяне, столь сдержанные на вид и столь отзывчивые и сердечные на деле».

В. АЛЬТОВ

НАЙДИ,
УЗНАЙ,
ПОДУМАЙ!

Мальчик сделал из новогодней картинке 20 флажков на елку. Но нитка оказалась короткой и 4 флажка на нее не вошли. Какие?

Рисунок В. Семенова

ОТВЕТЫ

Какие известные русские писатели изображены на портретах? (№ 11).

- 1.— А. И. Куприн;
- 2.— А. Н. Островский;
- 3.— В. Г. Короленко;
- 4.— В. И. Даль;
- 5.— Л. Н. Толстой;
- 6.— П. Н. Вяземский.

На этой странице: А-2, Б-4, В-5, Г-3.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ЗА 1969 ГОД

О ПОДВИГАХ, О ДОБЛЕСТИ, О СЛАВЕ

- Альтов В. На девятой версте. № 7.
Альтов В. Подарок. № 9.
Альтов В. Шел вертолет навстречу солнцу. № 10.
Артамонов А. Последний пролет. № 7.
Голубых М. Конец Колчака. № 7.
Ераносьян В. Чистейшей воды большевик. № 3.
Колос И. Десант выброшен. № 1.
Комаров П. Визит «генерала». № 9.
Ларин Л. Золотой мост. № 6.
Любарский А. Альбом комиссара Ораса. № 9.
Мыльников Н. Шесть крестов. № 2.
Мыльников Н. Гестапо ищет Косухина. № 5.
Некрасов А. Железный Максим. № 10.
Никитян А. «Азин соколом летал». № 8.
Пучков В. Заполярная сессия. № 1.
Раевский В. Землекоп. № 3.
Санин А. Человек № 182944. № 9.
Санов В. Побег, № 12.
Сомов М. У полюсов земли. № 3—4.
Стариков В. Память моя — солдаты. №№ 2—3.
Турунтаев В. Не верь тишине. №№ 8—10.
Устюгов А. Две недели в пятой роте. № 11.
Шмерлинг С., Алексеев Д. Красные вступают в город. № 7.
Шулешова А. Пароль на сутки — «Achtung». № 4.
Щипко Л. Ледовая тропа. № 8.

ЛЕНИНИАНА

- Альтов В. Над картой Сибири. № 2.
Артамонов А. Делегаты к Ильичу. № 12.
Большаков В. Запрос Ильича. Судьба Вуколы Шашкова. № 6.
Мещеряков Б. Уралец — биограф Ленина. № 8.
Неверкович А. Самая почетная награда. № 4.
Петрицкий В. По приказу Ильича. № 10.
Пехер К., Полянин Ю. История двух памятников. № 4.
Шаньгина В. Отзовитесь, юные коммунары. № 5.
Шнайдштейн И. Из податного сословия. № 7.
Ярогов Б. Почтальон «Искры». № 8.

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- Басаргин И. Барсушка. № 11.
Белозеров Т. Кулик. № 11.
Богданов Е. Лодейный кормщик. №№ 11—12.
Жемчужников В. Платиновый соболь. № 12.
Зорин В. Ветер с Кос-Арала. № 2.
Зорин В. Собака не продается. № 12.
Кауров Б. Стихи. № 8.
Карпенко Б. Стихи. № 1.
Квин Л. Дважды два... № 5.
Клепов Н. Стихи. № 5.
Климушкин В. В жавороночь пору. № 11.
Круглов А. Поперек брони. № 3.
Курелла Т. Теплый хлеб. № 8.
Мережников Н. Стихи. № 3.
Мерзликин Л. Стихи. № 4.
Мирошниченко Н. Воюй, сынок. № 5.
Мухин С. Поздний гриб. № 7.
Никонов Н. На Балчуге. № 3.
Панченко В. Стихи. № 11.
Пакулов Г. Стихи. № 6.
Печенкин В. Царская подпись. № 8.
Печенкин В. Волк. № 9.
Поскребышев О. Стихи. № 12.
Сибирев В. Стихи. № 12.
Скворцов К. Стихи. № 1.
Снегов С., Черносивов В. Погоня в тумане. №№ 6—8.
Соболев А. Гераська. № 1.
Сорокин В. Стихи. № 9.
Сорокин Л. Стихи. № 7.
Сорокин Л. На древних нильских берегах. № 12.
Стариков Н. Студенты. Стихи. № 11.
Суздаев Г. Стихи. № 2.
Тряпша В. Стихи. № 11.
Тубалев В. Бунт. №№ 4—6.
Федоров И. Стихи. № 2.
Шипулин Л. Личное мнение. № 1.
Юдалевич М. Стихи. № 10.
Ян В. Бегство на остров сокровищ. № 10.
- ## ДОРОГАМИ ПОИСКА
- Абрамов Н. Где вы, ребята с Брянщины? № 2.
Альтов В., Лазарев Б. Человек идет за песней. № 3.
Ананьев Е. Странствия мангазейца Пенды. № 7.

Брабич В. Под созвездиями Зодиака. № 1.
 Вадильев Я. «Гелиос» спешит на помощь.
 № 11.
 Геллер И. Где вы, друзья-кремлевцы? № 8.
 Голдовский Б. Тайна атолла Суворова. № 11.
 Голомозина В. Когда сбежала охрана. № 7.
 Гомельская С. Автограф Герцена. № 7.
 Гравишкис В. Сокровищница диких. № 2.
 Гурвич К. От раба до ученого. № 3.
 Гурвич К. От академика до раба. № 4.
 Демидов В. Совершенно секретно. № 2.
 Деревянко А. Путешествие к пращурам.
 № 10.
 Добрынин А. Где вы, друзья-однопольчане?
 № 7.
 Кацер Ж. Прошу написать. № 1.
 Кокоулин Б. Письма большому другу. № 3.
 Коваль А. Почетный красноармеец. № 12.
 Любарский А. Рассказ о корабле-герое. № 1.
 Подвиг Наташи Кочуевской. № 7.
 Раппопорт Е. Озеро горных духов. № 2.
 Росоховатский И. По давним следам. № 9.
 Руженцев С. Царева люстра. № 10.
 Серебренникова Е. Находки юных геологов.
 № 9.
 Токмаков А. История одного экслибриса. № 8.
 Ферсман А. Как организовать день. № 5.
 Ябуров В. Питомцы Горького. № 8.
 Яровой Ю. Офорты Виталия Воловича. № 4.
 Яковлев В. Редкое издание. № 1.

НАУКА, ТЕХНИКА, ТРУД

Беленький Б. Возвращенная земля. № 6.
 Дорофеева Н. Мастер Семенов. № 1.
 Ефимова Т. Уральский вариант. № 11.
 Житников В. Аз, буки, веди. №№ 2, 3, 6, 7,
 8, 11, 12.
 Кобельков В. Дивные горы. № 7.
 Клейн Л. Желтые магниты. № 10.
 Малахов А. Судьба гипотезы. № 5.
 Петров В. Биография костотряса. № 9.
 Румянцев Л. К людям наши дороги. № 8.
 Сергеев Б. Самое удивительное — просто вода.
 № 7.
 Троицкий С. Автограф на карте. № 9.
 Финкельштейн Д. Человек-амфибия. № 11.
 Хаунен Н. Полжизни под землей. № 12.
 Цивьян Б. Плывуны, горох и «танцующий» фунда-
 мент. № 9.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Альтов В. Имени рабочей династии. № 5.
 Бабкин Е. Удивительный остров тюлений. № 1.
 Граевский А. По тропам и без троп. № 6.
 Заплатин М. Таежная песня. № 9.
 Игнатов В. Отпечатано в 1644 году. № 6.

Комаров Л., Ховив Е. Шкатулка Михаила
 Хурамшина. № 11.
 Коровин А. Трагедия «Сибирское семейство».
 № 6.
 Коровин А. Ермаковы казаки. № 10.
 Куклин С. Первый поход. № 12.
 Поликарпова Г. История одного пейзажа.
 № 3.
 Походов А. Два письма. № 3.
 Рябинин Б. Сто чудес Камчатки. №№ 1—2.
 Рябов Б. «Сибирь: Тюмень...» № 6.
 Соловьев Ю. Аметистовое ожерелье. № 8.
 Софер М. Ледяная архитектура Байкала. № 11.
 Ткалич Д. Летать дерзнувший. № 2.
 Ткаченко К. На самом темени Азии. № 7.
 Тумбасов А. Ленский экватор. № 3.
 Флуг К. География в минералогии. № 9.
 Чванов М. Башкирская Рязань. № 3.
 Шварц А. Суксунская шкатулка. № 10.
 Щербакова А. Камень и вода. № 5.

ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ

Владимиров О. SOS! Цунами! № 4.
 Дедов П. Лебединый крик. К солнцу незакат-
 ному. № 7.
 Капорейко А. Редкий трофей. № 2.
 Нечаев А. Шантарские этюды. № 8.
 Николаев Н. Конопушки. Шуки-самоубийцы.
 Найденыш. Добрый человек. № 3.
 Николаев Н. Кто сильнее? Крылатый пасту-
 шок. Когда раки не пятятся. Бабушкин
 подкидыш. № 11.
 Павлинин В. Загадки савки. № 5.
 Ржевский Б. Монумент воробью. № 2.
 Онегов А. Крачки. № 12.
 Фомин Л. Как лиса дом себе завела. № 12.

НА ПРИЗ НАШЕГО ЖУРНАЛА

Вул И. Здравствуй, Ленка! № 10.
 Глазков А. По маршрутам Ульянова. № 11.
 Кочегин П. Безмянный обелиск. № 3.
 Костина Е. Адрес: Фонтанка, 62. № 8.
 Куманев П. На сто пятом километре. № 6.
 Лагунов А. Память сердца. № 12.
 Потапов В. Командор с «Авроры». № 2.

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

Афанасьев А., Веретенников Т. Удиви-
 тельные «соломинки». № 4.
 Белин В. Мальчишка на танке. № 3.
 Дубленых В. Предлагаем маршруты походов.
 № 6.
 Зотов В. Узелковая энциклопедия. № 6.
 Идут маршруты всей планеты от следопытского
 костра. № 4.
 Ковригин С. Зимний поход. № 1.
 Константинова Е. О боевых и дружных.
 № 1.

- Ланский М. Редкий снимок. № 3.
 Малышев Р. Наблюдайте за птицами. № 3.
 Операция «Ч». №№ 5—9, 12.
 Росоховатский И. Три... два... один... пуск!
 № 2.
 Рябов Ю. Медаль из зуба кашалота. № 1.
 В каждом номере материалы под рубрикой «Следопыты сообщают».

МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА

- Биленкин Д. Операция на совести. № 10.
 Бугров В. Седьмой материк. № 1.
 Бугров В. По следам Филеаса Фогга. № 10.
 Грешнов М. Еще один мертвый город. № 1.
 Губин В. Второе путешествие Филеаса Фогга.
 № 7.
 Иванов В. В Нью-Джерси приземлились марсиане. № 3.
 Ляпунов Б. Что у тебя на обед, потомок?
 № 2.
 Немченко М., Немченко Л. Ехал король воевать. № 9.
 Подольный Р. Всего один укол. № 12.
 Семернин В. Странствия сэра Эдварда и сэра Джосуа в поисках святого Грааля.
 № 4.
 Шубин Л. Не ходи по косогору. № 2.

СЛЕДОПЫТСКАЯ КНИЖНАЯ ПОЛКА

- Волосатов А. Запас прочности. № 10.
 Зубехин П., Котляров Н. За строкой биографии. № 6.
 Краснов Г. Путь открыт! Следуйте своим курсом! № 5.
 Румявцев Л. Стихи Михаила Пилипенко. № 6.

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова
 Корректор В. Бурангулова
 Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. Малышева, 36,
 комн. 79 и 87. Телефон Д1-22-40.
 Средне-Уральское Книжное Издательство.

НС 14950. Подписано к печати 13/XI 1969 г. Бумага
 84x108¹/₁₆—2,62 бум. л.—8,82 печ. л. Уч.-изд. л. 10,25;
 Тираж 132 000. Цена 30 коп. Заказ 518.

Типография издательства «Уральский рабочий»,
 Свердловск, проспект Ленина, 49.
 Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике
 офсетной печати.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- ЛОДЕЙНЫЙ КОРМЩИК
Евгений Богданов 16
 ПЛАТИНОВЫЙ СОБОЛЬ
Жемчужников 34
 НА ДРЕВНИХ НИЛЬСКИХ БЕРЕГАХ
Л. Сорокин. Репортаж 10
Олег Поскребышев. Новые стихи 40
 СОБАКА НЕ ПРОДАЕТСЯ
В. Зорин 65

О ПОДВИГАХ, О ДОБЛЕСТИ, О СЛАВЕ

- ПОБЕГ
Владимир Санов 4
 ДЕЛЕГАТЫ К ИЛЬИЧУ
А. Артамонов 3

ДОРОГАМИ ПОИСКА

- ПАМЯТЬ СЕРДЦА
А. Лагунов 33
 ПОЧЕТНЫЙ КРАСНОАРМЕЕЦ
А. Коваль 61

КРАЕВЕДЕНИЕ

- ПОЛЖИЗНИ ПОД ЗЕМЛЕЙ
Н. Хаунен 42
 ПЕРВЫЙ ПОХОД
С. Куклин 67
 ЛЕТОПИСЬ НЕОБЫЧАЙНЫХ ЯВЛЕНИЙ
Л. Федоров, З. Халевицкий 60

МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА

- ВСЕГО ОДИН УКОЛ
Р. Подольный 71
 НОВИНКИ 74

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

2, 32

ОПЕРАЦИЯ «Ч»

- ЧУСОВАЯ БУДЕТ ЖИТЬ! 49
 ЛЫСЬВЕНСКИЙ УЗЕЛ
Б. Рябинин 52

ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ

- КРАЧКИ
А. Онегов 57
 КАК ЛИСА ДОМ СЕБЕ ЗАВЕЛА
Л. Фомин 58

НАУКА, ТЕХНИКА, ТРУД

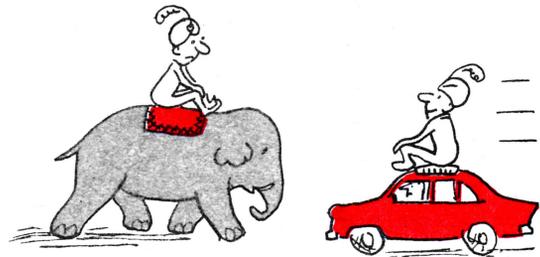
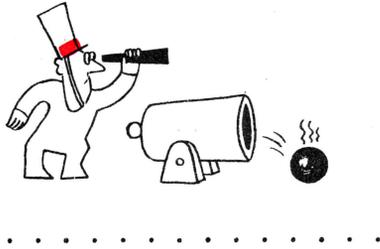
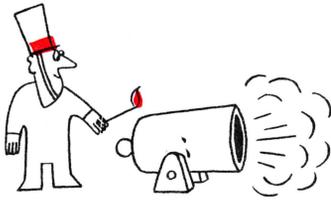
- АЗ, БУКИ, ВЕДИ
В. Житников 63

Обложка В. Воловича и С. Киприна.

На второй странице обложки
 фото П. Деркача.

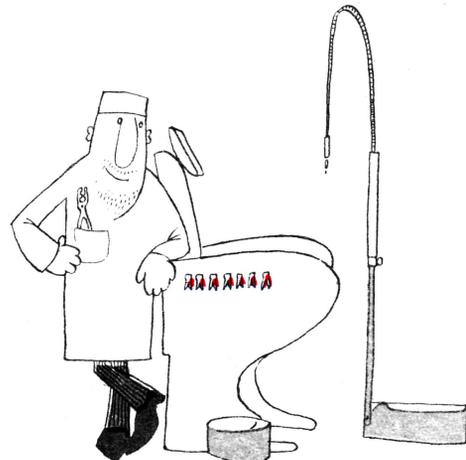
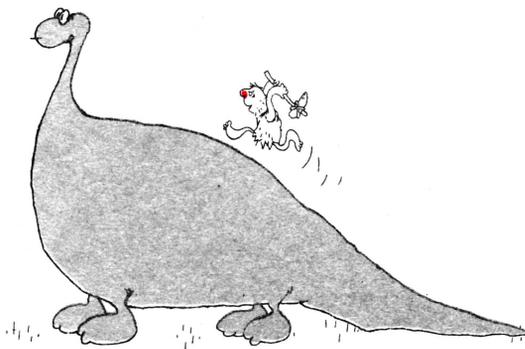
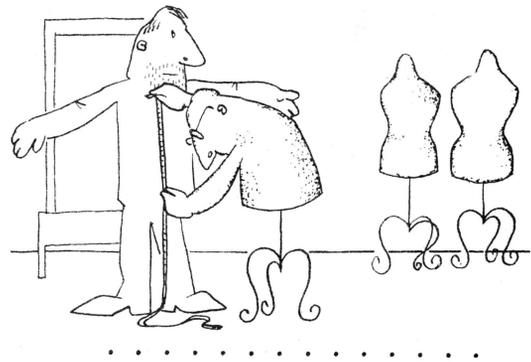
Рисунки А. Радвилавичуса,
В. Тесленко, В. Милейко,
В. Былинкина.

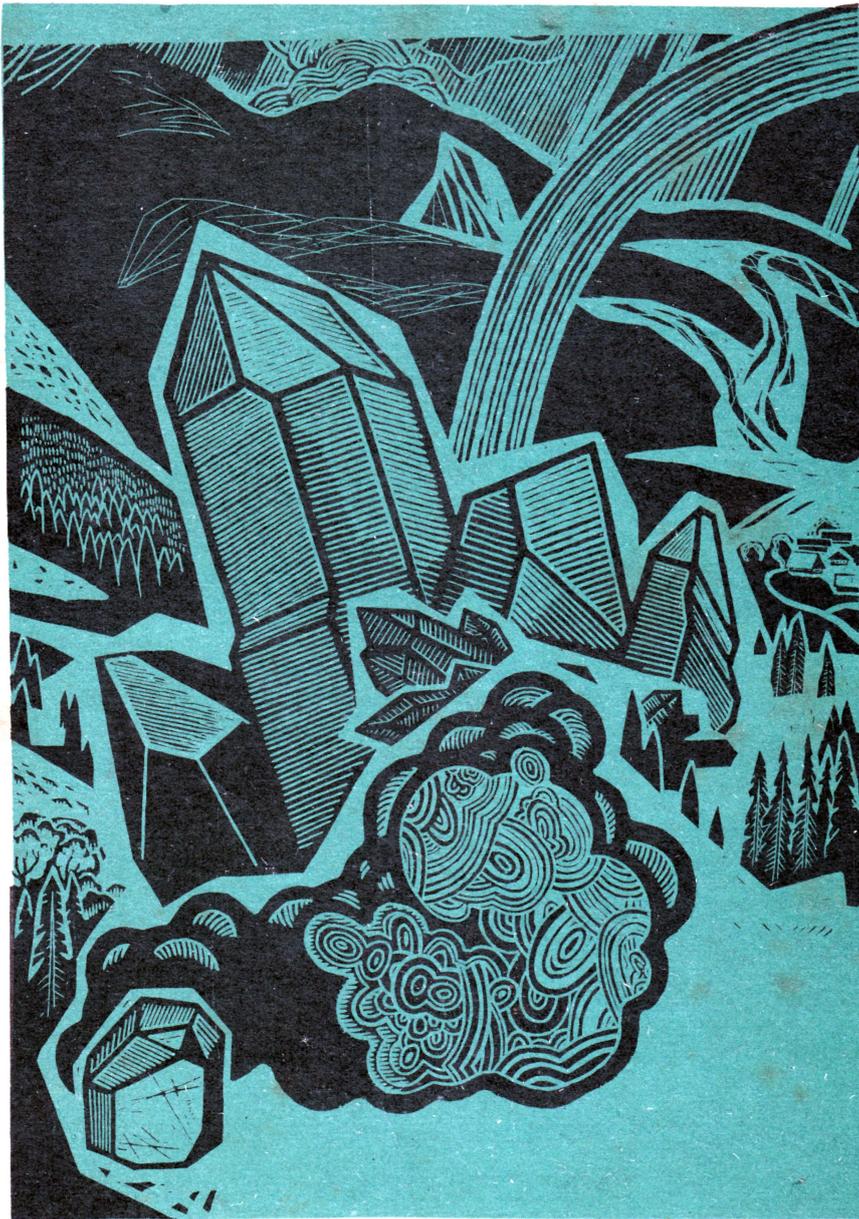
Век нынешний и век минувший.

— А кто его знает, что из него
может вырасти!

Боевой счет.

Г. ПЕРЕБАТОВ

УРАЛ

30 коп

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ
Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), В. ШУСТОВ